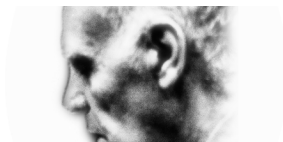

*«Мы не видим ветер, но видим листья, которые
шевелит ветер»*

Конфуций

Леонид Латынин

В ТЕНИ ДОЖДЯ

Стихотворения

2016

УДК 82-821

ББК 84 (1Рос=Рус) 6-5

Л27

Латынин Леонид Александрович

Л-27 **В ТЕНИ ДОЖДЯ:**

Книга новых стихотворений. - 2016

ISBN - 978-5-7172-0139-1

Классическая традиция в исполнении Латынина — не патина. Когда-то Тынянов писал, что явись Пушкин и Баратынский в наше время, они только соскоблили бы «сгустки» для себя привычного, то есть переросшее в штампы, но сохранили бы логический каркас конструкций, вполне общезначимо внятных. Поэзия Латынина — яркий пример того, что означает сей тезис. Он использует спектр новейшего опыта — от акмеистов до обэриутов. от Поплавского до Бродского, но все у него переплавлено в тигле вечной гармонии.

© Латынин Л., текст, 2016
© Воронцова Д., фотографии
и оформление

ISBN - 978-5-7172-0139-1

ОТ АВТОРА

Прежде всего, почему «В тени дождя»?

Есть такое природное явление, имя которому именно «тень дождя».

На пути дождевых облаков случаются горы или высокие холмы (железный занавес), и дождь, не имея силы перевалить через эти горы, оставляет землю, лежащую за ними, без животворящей влаги.

Именно так и возникли Иудейская пустыня в тени Иудейских холмов, Гоби и Тар в тени Гималаев, пустыня Данакиль в тени Эфиопского нагорья, но «прочая, прочая, прочая...», ибо их общее имя прежде всего - «пустыня».

Вот и эти строки случились в «духовной пустыне» в тени свободы и истории. На эту Тень был избыточно щедр и обилен мой век.

В эту книгу вошел и черновик стихотворного текста последних (надеюсь, не последних :) пяти лет - день за днем - личного бытия автора, «человека тени». Те несколько черт, которые войдут, надеюсь (слабо), в образ наступающего нового «смысла времени», когда видимо и слышимо закончилось «очередное общее», что объединяло людей.

И, как комментарий к этому черновику, несколько как бы «автобиографических» слов (но не обо мне лично, а об авторе последующего текста).

Почему - «как бы»? Потому, что устный рассказ – это рассказ ЖИВОГО человека об увиденном ИМ вечном мире. Письменный же текст литератора - это переживание в будущем МЕРТВОГО человека для в будущем МЕРТВЫХ людей о в будущем МЕРТВОМ мире, присутствие которого он угадал и назвал в вечном мире.

Литература – это некое СОЦИАЛЬНОЕ МОНАШЕСТВО, в котором свобода от вещного мира насущна и обязательна. Иначе это продукт естественного мира, в котором в чести только «клеякие листочки», хоть их и «чревом любишь».

Только в последние годы инструментом слова смог угадать и сформулировать свое понимание и неприятие карамазовской (первое пушкинской) метафоры.

В Конфуцианском «Мы не видим ветер, но мы видим листья, которые шевелит ветер» мне ведомее и притягательнее и завораживающее именно этот самый «ветер», движитель листьев, судеб, самой истории и социальных декораций, но не менее люблю и «золу истории» (особенно когда она еще теплая).

Буквально: невидимая часть истории, невидимая сторона той жизни по ту сторону земного занавеса, занимает меня давно. И то, что я делаю, то что я вижу, связано именно с ТЕМ (но еще живущим здесь), а не этим СВЕТОМ.

Итак, бегло, иногда пунктиром, иногда замедляясь в подробности на содержательном (в моем смысле) имени или знаковом эпизоде.

Рождение в городке Яковлевское (будущий Приволжск), подле Плеса пропускаем, память начала работать (судя по позже сопоставленным датам, примерно в девять месяцев. (Такие картинки даже в двадцать – смертельны).

Всегда снаружи – отдельный, не мой - немой мир.

Как то (по порядку):

Элементы мировой истории -

Война, сирены тревоги, поле именем Карачиха, подбитый самолет (немецкий), пленные немцы на мельнице (первое, услышанное, живое стихотворение – вслух «*Ich stand gelehnet an den Mast, Und zaehlte jede Welle. Ade!1 mein schoenes Vaterland! Mein Schiff, das segelt schnelle!*» потом узнал – Гейне)

Обнаружилось: как бы далеко не была чужая география, резкое движение истории - и она у тебя буквально около калитки.

Элементы русской и советской истории:

За забором, в двух шагах, храм Николая Чудотворца, Дом, в котором живу, - отца Арсения, бывшего настоятеля храма (в храме склад, все священники убиты, сосланы, посажены, храмовая библиотека разорена, иконы и книги сожжены или, спасенные оставшими-ся родственниками, разобраны по домам.

Один из разорителей церкви - отец моего близкого друга Е.Г.- убит в первый день движения эшелона на фронт. (Бомба попала только в его вагон). Сейчас мой дом отошел ныне действующему Никольскому женскому монастырю (по открытии в храм Николая Чудотворца отдал храмовую, спасенную от разора и хранившуюся в доме икону Богородицы).

Первый храм был деревянный – начала шестнадцатого века, на его месте наш (барокко) – век восемнадцатый.

Весь переулочек – семь домов (все сегодня монастырские) - семь священников: Бартеневых, Красовских, Птицыных, Сорокиных, Соловьевых, Сумароковых (первый учитель Петр Константинович Сумароков), опять же отца Арсения Троицкого - родственника Троицких из села Толпыгино, в километрах пяти от дома. Там единственный в округе действующий храм «Воскресения Словущего» (куда бабушка водила пешком, начиная с трех лет еженедельно), где служил Сергей Троицкий, близкий друг Павла Флоренского и где в Толпыгине ими было проведено много душеполезных дней, где состоялась первая проповедь отца Павла (Флоренского).

В этом храме крещены - я, брат, сестра, отпеты - бабушка, мать и отец, недалеко же и похоронены.

Рядом за деревянным забором в соседнем доме Красовских на чердаке, на полу у стены, подаренный портрет Александры Федоровны (после Распутина отец Александр (Красовский) бывал при дворе (погиб в тридцать седьмом в лагерных стенах бывшего Борисоглебского монастыря)) и сложенные в углу ряды (спасенных) церковных книг. Задел сознание, и навещавший их, живший в Плесе, гибкий как хлыст, лет семидесяти, учитель танцев наследника Алексея.

Но Дома книг больше. Помимо рукописей, писанных «скорописью», тома «Четы Миней», «Киево -Печерского Патерика», церковных книг, спасенных от костра из храмовой библиотеки. А еще - «История церкви», подшивки журнала «Русский Паломник» (вся русская история дата за датой, вчитанная избыточно в память).

Первая азбука – язык церковнославянский, бабушка Александра Антоновна Баранова - Лямина из Можайских мест (свет, доброта, таинственное говорение из уже не существующей жизни, лампада в красном углу возле иконы не погасла до самой смерти, большего света и святости не встречал ни в «старцах», ни в монастырях, не в миру).

Когда в двадцатых отняли все земли, и дом, и московскую службу извоза у вокзалов, пошла в услужение в дом дальнего родственника в Москве, имевшего духовный сан. Там с утра до вечера помимо работы – моление и чтение книг: «Устав», «полуустав» и «скоропись» читала легко без очков и в 90 лет.

Так что она - прапервый учитель, обучившая меня церковнославянскому письму и чтению ПРЕЖДЕ русского. Спасибо Василию Федоровичу за «Азбуку Бурцева» издания 1885 года (репринт 1637), именно по этой книге со мной и занималась Александра Антоновна. Эта книга в твердом голубоватом выцветшем переплете переехала со мной и в Москву вместе с томами «Четы Миней» и рукописями, писанными «скорописью».

Откровением случились для меня в ту пору слова и цифры, связанные одним смыслом церковнославянской изопсефии : 100-ныне, 200- молебен, 300-соль, 333-москва, 400-лето, 555-изумление, 700-русь, 842-волхование, 1001-царь, 1310-златоуст, но - этсетера. Бабушка произносила группы цифр, и я легко их читал: 1478 1379 1255 333 — Христос и Троица - солнце Москвы.

Жаль, что со временем эта связность и волнение откровения незаметно погасли в сознании, и цифры стали - цифрами, слова - словами, и единство их исчезло невоскресимо. Александре Антоновне же я обязан и внутренним услышанием мелодики, и тона и интонации церковного слова.

От отца Арсения, помимо церковной литературы, остались и журналы начала века, многие - в роскошных переплетах с золотым тиснением. Тут были годовые комплекты «Золотого руна» и «Аполлона», разрозненные номера «Мира искусств», «Весов», книги Сологуба, Блока, Белого, Мережковского, Анненского. Отец Арсений жил вполне в окрестностях светской мысли «серебряного века». Это чтение уже в школе тоже заняло немалое пространство моих «дум».

Далее - элементы общей, внешней, надкожной туземной биографии.

Светско-советская школа не задела моей мысли (кроме соседских внеклассных уроков первого учителя Петра Константиновича Сумарокова, что сам учился в гимназии у Василия Васильевича Розанова, которого, впрочем, оценил лишь много позже. От него было мною услышано это имя, что заставило обратить внимание на том «Опавших листьев», недвижно стоявший на книжной полке, и, как следствие подросткового многократного до «наизусть» чтения, пропитка своего речевого сознания стилем особого розановского письменного «говорения»).

В сущности, самой школы в моей жизни вовсе и не случилось, так, мелькнула в суете и поспешности, как тусклый, будничный сон без полетов и падений. (Разве что ощущение от высоких залов и атмосферы строгости и порядка «бывшей жизни» в стенах удивительной архитектуры здания владельца ВасилЕвской фабрики, где располагалась школа).

Сразу после школы - институт, унылая перспектива стать инженером. После первого курса бросил, как результат - армия, в которой, впрочем, тяжело - не было. (Это «тяжело» сначала уравновесили, а потом и перевесили том Блока и томик Хлебникова, обильно - наизусть. Сборная по боксу (тяжелый вес), бои, тренировки и наличие свободного не солдатского времени способствовали этому вполне).

После - филологический факультет МГУ (новый, дистанционный и временами, как и школьный, совсем не мой мир, но в котором состоялись встречи с давнопрошедшим, закрытым розановским «железным занавесом», веком).

Первым в списке профессуры московского университета, конечно, для меня случился Радциг Сергей Иванович.

В студенческую бытность я был увлечен генеалогией отечественной культуры (как и положено туземцу из провинции, попавшему в знаменитый Московский Университет), и первые вопросы, которые в перерывах между лекциями я имел счастье задать Сергей Ивановичу, были не о греческих авторах, а о его учителях, и одно из имён, которое прозвучало в ответах Радцига, было имя Владимира Ивановича Гёрье.

Ученик Грановского и Соловьёва, Гёрье, живший на квартире у друга Грановского Кудрявцева, в свое время слушал лекции Момзена, Дройзена, Кепке, со Станкевичем его связывали родственные отношения: он был женат на Авдотье Ивановне Станкевич.

Меня волновала мысль, что современника Пушкина, Тимофея Николаевича Грановского, посещавшего заседания кружка Н.В. Станкевича, встречавшегося с Герценом, Чаадаевым, Катковым, братьями Киреевскими от нас, студентов филфака, отделяли всего лишь два посредника – Гёрье и Радциг.

Гёрье в отличие от других профессоров любил проводить занятия со студентами у себя дома в Гагаринском переулке. (Возможно, я выбрал семинар Н.К. Гудзия по древнерусской литературе еще и потому, что он, как и Гёрье, проводил его у себя дома, на улице Грановского (теперь ставшей Романовым переулком).

Не менее содержательными для меня стало общение с Николаем Ивановичем Либаном.

У Н.К. Гудзия я тоже занимался «Словом о полку Игореве» и писал работу о дохристианском пантеоне в «Слове», но Н. И. Либан на своем магическом семинаре доверял мне (наряду с другими семинаристами) чтение вслух текста на языке оригинала «Слова», и посему невольно почти весь этот текст я выучил наизусть. (Позже эти интонации пригодились мне и в моей прозе).

Технология семинара была следующей — один из нас читал вслух небольшой отрывок, Н.И. Либан его разбирал, и пропускал КАЖДОЕ слово отрывка через сонм своих комментариев. Это были вдохновенные и свободные незабываемые тексты, скорее даже образцы высокой прозы, яркие, емкие. Не профессорские, а скорее поэтические.

Были и разговоры после занятий. Была и дача, которая поражала меня своей спартанской обстановкой, если не сказать проще, - бедностью.

Николай Иванович Либан - один из людей, изменивших пластику моего сознания.

Правнук виконта Либана, полковника французской армии, который объявил Эльзас независимой республикой (полковник Либан был казнен, лишен всех орденов, званий и состояний, семья его бежала в Россию), Николай Иванович Либан – один из наследников Великой Русской Филологии, которого, по причине его родовой независимости и непокорности, обошли и звания, и награды, но он остался в памяти учеников профессором Российской Словесности.

Слава Богу, что филфак МГУ в мои времена был еще богат людьми культуры, которые из слуха в слух, из рук в руки более двух столетий передавали и хранили атмосферу университетской интеллектуальной жизни.

Это и Александр Николаевич Попов, автор учебника «Краткая грамматика греческого языка», с его необыкновенным исполнением (почти пением) гомеровского «Гнев, о Богиня, воспой Ахиллея Пелеева сына» на языке оригинала. И необыкновенный живой и «узорчатый, барочный» пушкинист Сергей Михайлович Бонди. И, конечно же, научный руководитель моего диплома Николай Калинин Гудзий.

С ним же связано переживание (пусть кратковременное) потрясения и ощущения подлинного ЧУДА.

Великий ученый, крупнейший специалист в области древнерусской литературы, академик, автор учебника и хрестоматии по русской литературе этого периода.

Занятия в его семинаре по «Слову о полку Игореве» проходили у него дома, рядом со старым зданием филологического факультета, вход с улицы Грановского. Тема моей работы была «Дохристианский пантеон в «Слове» (из этого яйца и вылупились мои последующие работы в пределах темы «Семантика антропоморфных и зооморфных изображений в народном искусстве» и главы «Спящего во время жатвы»), но речь сейчас не об университетских штудиях :).

Он был известным библиофилом. (Кстати, первое издание «Слова» - из семи известных - было в библиотеке НКГЭ). Я же был помешан на собирании книг и чуть не ежедневно обходил все окрестные букинистические. Продавцы меня знали и иной раз вынимали из-под прилавка припрятанный сборник стихов Сологуба или Кузьмина за смешную по сегодняшним временам цену. Но денег было настолько мало, что иной раз я откладывал в сторону приглянувшуюся книгу, ожидая снижения цены. Так, например, первое анненковское собрание сочинений Пушкина, в букинистическом «Метрополя», я пас больше года, каждый раз со страхом ожидая, что его купят. И, наконец, за семь рублей пятьдесят копеек получил все семь томов. Последний том - «Материалы для биографии» - пару лет жил в рабочей библиотеке Натана Эйдельмана, пока я не купил и не заменил ему этот том).

Но возвращаюсь к чуду, которое было связано с НКГ.

Однажды я показал ему только что купленную книгу Анри Лота «Фрески Тассилии». Увидев загоревшиеся глаза профессора, протянул ему книгу, сказав, что у меня есть другой экземпляр (знал, что могу купить его на Тверской) и легко и гордо отказался от предложенных денег.

После семинара вышел из дома Н.К. и направился в район Хорошевки, где жил у маминой сестры тети Полли Волхонской (все мои родственники по материнской линии во множестве жили и живут в Москве). Пошел пешком - знал, что был абсолютно безденежен. Было холодно и ветрено. Путь пролегал мимо «Националя». Открылась дверь, вместе с меховой дамой наружу выскользнул и запах кофе (как ни странно, я заходил туда нередко, пятьдесят копеек - тогдашний обед в студенческой столовой- был потолок моих трат, но впридачу к нему шли беседы с Рюриком Ивневым, Крученых и прочими филологическими персонажами :)

Уловив запах, рука рефлекторно скользнула в правый карман пальто. Что-то звякнуло, уверенно брякнуло, и - внимание — из ниоткуда, вопреки твердому знанию о пустоте кармана, на моей ладони оказалось несколько монет — ЧУДО повернуло ко мне свой подмигнувший лик и позволило согреться в «Национале», выпить чашечку кофе, услышать рассказ и стихи Рюрика Ивнева, доехать на шестом номере автобуса до дома, а перед этим в букинистическом на Тверской купить прижизненное издание Хераскова, на синей плотной шершавой бумаге без титула (оттого - дешево).

И только по прошествии четырех часов жизни внутри ЧУДА мой немилосердный разум вычислил, что эти деньги были равны стоимости книги Анри Лота. Скорее всего НКГ тайно положил их глупому студенту - мне - в карман пальто. Но эти четыре часа, пережитых в ошеломлении от появления из «ниоткуда» денег, бессовестный разум уже не смог отнять, ЧУДО - не автомобиль, оно уже произошло, и не имело обратного хода :).

Однако вернемся на Манежную площадь к старому зданию МГУ. Там же на узорчатых кованых ступеньках филфака — в ноябре 1961 встреча и вскоре - женитьба на Алле Бочаровой. Познакомил нас Слава Бэлза, он был моей первой студенческой дружбой.

Спустя годы Слава Бэлза, на какой-то встрече подошел к дочери и сказал, что ему она отчасти обязана своим рождением. И увидев недоумение Юли, пояснил, что это он познакомил Леонида Латынина и Аллу Бочарову на лестнице филфака на Манежной.

По этой знаменитой кованой полустертой лестнице ходили несколько поколений русских филологов (какие имена, цвет отечественной мысли), теснились на ее площадках студенты, жили вокруг новых и старых идей, торопили время и выясняли радикально, неистово и непрощающе, кто стоит на сотую миллиметра шага ближе к истине. Это и были первые ступени последующего долгого пути, который без них был бы иным. Слава Богу, что в начале жизни случились и достойные учителя и книги, в которых, как рыб в океане, было знатно знаний, и уже от тебя зависело, как распорядиться оными.

Думаю, еще вернусь к годам работы в «Худлите», «Юности» и встречам с людьми, которых очередной «ветер времени» сделал «видимыми» или оставил невидимыми.

Однако, до продолжения (возможно) этих полувоспоминаний, я должен сознаться, что они были лишь частью моей главной личной тайной внутренней биографии. Ибо я, практически, до дна НИКОГДА не был там, где был (даже во время тяжелой онкологической операции оставался вне здешнего бытия).

Ибо – ВСЕГДА шла, занимая почти всю жилую часть души – моя главная, единственная, внутренняя, безвременная безлюдная жизнь - отдельно от той внешней - монотонная, как водяные часы, капля за каплей, без событий, человек, государств, границ, земли, только время от времени отвлекаемая текстами «Гримера», «Спящего» и «Берлоги» (поэзия не в счет, она была «и есть» воздухом моей свободы, заполняющий просторное, безвоздушное, пустое пространство между мной и социумом, черновиком дневника соприкосновения с текущим временем (или моим парашутом, который спасал меня не раз во время болезненных контактов с землей этого самого социума)

В моем случае «Мне НЕ исковеркал жизнь талант двойного зренья». Он был моим защитником, проводником в стране «тени», моей абсолютной свободой, моими доспехами в ранящем и убивающем (чаще всего - чужом) социуме.

Возможно, здесь уместно будет вспомнить один эпизод моей здешней жизни, который поможет получить некое представление о той главной части мерцающей жизни моего второго реального параллельного бытия, не считая, конечно, потустороннего опыта Швеции, которая, как оказалось, всего ближе находится к калитке соседнего измерения.

Начало второй половины прошлого века, Киж, деревня, облесленный дебаркадер, сумерки, жальник на вершине острова, кресты в смутном сером небе и вдруг рывок, словно кто-то просунул руку в тело и вывернул меня нутром наружу, и все, что было моим мясом, стало звездами, ветром, историей, тем, что было, и тем, что станет, и тем, что есть, тем, что всегда, а внутри по контуру пустота бывшего тела, ничтожно малая пустота, по сравнению со всем мной, из которого состоит все. Не помню времени дления этого события, но врезан в память графически резкий и ясный рисунок произошедшего и происходящего и еще не случившегося, но уже случившегося (об этом «Гример») времени. И снова зримо и плавно, и слегка болезненно влезло в меня вывернутое тело со всей новой памятью и иным знанием.

И опять друг за другом терпкие безымянные будни и высокая стена долга, которой я отгородился (неумышленно) от живого мира, стена долга и служения близким, встреченным, случайным людям, привела к тому, что я забыл, как выглядят люди, забыл, что они есть, эта тотальная свобода привела к естественной духовной кончине («дано тебе стареть, но умереть сперва») и я много лет провел в заблуждении, что случившееся небытие только обреченно и возможно, НО, как все имеет начало и конец, так и смерть имеет начало и конец.

Той, другой, главной жизни становится все меньше («сначала было много Бога и мало человека, но стало мало Бога и много человека») а эта малозначимая ранее для меня жизнь большеет, прибывая, как узнаваемыми людьми и событиями, которых раньше видел, не видя, слышал, не слыша, так и теми, кого не встречая — знал и ждал.

Вот и этим черновиком текста о моей-немоей жизни я обязан гениальному петербуржцу Юрию Ханону, тоже обитателю иного мира и великому музыканту, подарившему мне полное полиграфических загадок и мистификаций с водяными знаками издание романа «Григорий и Муза» и живое напоминание, что и здесь (местами) возможно продолжение другой нездешней :) истории, и даже существует вероятность (крайне малая) быть услышанным.

Оный текст и был написан для этого безумного издания, он неожидан и для меня тоже.

Вот и во время беседы (текст ее в приложении к «Тени» в конце книги) с замечательным прозаиком, эссеистом Дмитрием Бавильским, в котором, (вопреки времени и социальной атмосфере), не остыло Слово, не исчезло его живое мерцание и даже различимы оттенки звука и цвета - я был лишь ведом и зеркален.

Леонид Латынин

Как хорошо, что муза мерцает не за углом.

А здесь на краю ладони, на самом краю рожна,

Жизнь пульсирует жарко между добром и злом,

Слева прядет жена, справа поет княжна.

Что мне еще желать в этом чужом мире,

Что мне еще хотеть в узкой дыре времен,

Морок, отлив, прилив, снова рука в руке,

Снова поет соловей в хоре хмельных ворон.

Славит он этот мир, славит негромкий час,

Солнца восход и закат, сменяющий прежний свет.

И может еще о том, что хор не забудет нас,

Который поет всегда вторя ему - вослед.

УТЕШЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Утешь меня, мой ангел грешный,
Останови мой давний страх,
В разгаре мысли неутешной,
Что был я прах и стану прах.

Быть Богу тяжело угодным
Нам было в стари и в нови,
Но для того, чтоб быть свободным,
Достаточно глотка любви.

От этих дней казенной смуты,
Где длится судеб череда,
Где драгоценны лет минуты,
До края страшного суда -

Разлей по чашкам чай зеленый,
Налей мне доброго вина
В бокал с тоской неутоленной,
Где только вечность и вина.

И буду я тобой утешен
Во сне мирском и наяву,
Где я живу и нем и грешен,
Пока живу.

8 декабря 2011

*Вяч. Вс. Иванову
Светлане Ивановой*

А день помедлил и погас,
И свет растаял понемногу.
И часть – необратимо – нас
Перетекла печально к Богу.

А в небе дальнем облака
Во тьме прозрачной голубели,
И клином по небу века,
Как гуси-лебеди, летели.

Ночник светился не спеша,
Ночная музыка звучала.
И задремавшая душа
Моих забот не замечала.

А где-то плыли поезда,
И где-то мчались пароходы,
И гасла медленно звезда,
Звезда покоя и свободы.

И клавиш бережный разбег
Мне рисовал родные лица.
И медлила из-под закрытых век
Слеза скатиться...

4 февраля 2009 — 9 декабря 2011

Я позабыл, что мир не умер,
Что жизнь не много, но жива,
Что у меня стозначный номер,
По их законам естества.

И вот смотрю на эти флаги,
На лица, полные огня,
На их дома, как саркофаги,
На их проспекты без меня.

И говорю: какое диво,
Что вновь шевелится народ,
Кипит, роится торопливо,
Опять живет наоборот.

И значит, снова будет трудно,
Забавно, весело, грешно,
Земным законам неподсудно,
И только позже не смешно.

Когда начнется час разбоя,
Не воровства, а грабежа,
Когда -то так кончалась Троя,
Душой отечеству служа.

И мне, конечно, станет место
В стихии вечной, как прибой.
Они месили тили - тесто,
Глядишь, замесят нас с тобой.

10 декабря 2011

3

Бедное мое тело
Разрезано вкривь и вкось.
Солнце закатное село,
И свидеться не удалось.

Красный рубец на шраме
Выглядит так светло.
Закат в деревянной раме
Чуть золотит стекло.

Сколько еще осталось
Ветреных этих лет,
Солнцу присуща усталость,
Последней надежде – нет.

Надену опять хламиду.
Выйду в зеленый сад.
Я пережил обиду,
Жизнью скитаясь над.

Павлины смешны как дети,
Луна черна и влажна.
Справа по лавкам – дети,
Слева - моя княжна.

Сам пропадаю в раже
Уймы насущных дел.
Я бы не умер, даже
Если бы захотел.

17 декабря 2011

*Ирине Цой,
Борису Коваленко*

Туманен день, туманна тишина,
Туманно все, что означает лето,
И нет, и не было ответа
И в наши, и не наши времена.

А жизнь течет меж пальцев на песок,
Минуя облака и за границу,
Уедем завтра на неделю в Ниццу,
Что ровно из окна наискосок.

Она лежит, туманами полна,
Зовется то жара, а то – прохлада,
Левее полусна, правее ада,
Лежит и спит в любые времена.

И мы пройдем в еще открытый храм
По снежному зеленому газону,
И, в храме помолившись на икону,
Продолжим дни дарованные нам.

18 декабря 2011

Где-то бродит наважденье беспризорно,
То ли тает, то ли кружится стремглав.
Наше сущее надежно и бесспорно,
Даже если я виновен и неправ.

Все равно звезда погасшая красива,
И прекрасна не взошедшая трава.
Мир продолжится, и это справедливо,
Даже если ты стократно неправ.

Будет море, будут птицы и печали,
Будут терпкие и дикие плоды,
Что на землю раскаленную упали
У соленой и расплавленной воды.

Пахнут листья пожелтевшие агавы
То ли мороком, а может быть, судьбой,
Все священо, даже если мы не правы
И виновны непрощаемо с тобой.

Вот и вечер раньше срока гасит луны.
Вот и утро не торопится истечь.
Хорошо, что мы - потомственные гунны,
И призывна и гортанна наша речь.

2 января 2012

Даль земная так далеко,
Даль небесная дальней.
В этой жизни мало прока.
Сорок лет как сорок дней.

Может, я не жил на свете,
Просто в дреме длил года.
Ехал в сломанной карете
Мимо смутного пруда.

Где кормилась уток стая,
Пруд заросший теребя,
Где я, древний том листая,
Невзначай нашел тебя.

И остался в этом томе,
Согласясь с сюжетом сим.
И со всем смирился, кроме
Жить по правилам твоим -

Верить в чох и жох, в остуду,
Милость челяди беречь.
Как и встарь, доверясь чуду,
Тайно пью слепую речь.

20 января 2012

Тревожен час, безумно время,
Стихия буднично темна,
А я - не с этими и теми,
Но в их лихие времена.

Идут снега, грядут метели,
И стынет память на лету.
Неужто мы на самом деле
Пересекли опять черту

Лениво мирного разлада,
Устало праздного труда,
Уже зимы, еще не ада
И часа Божьего суда?

Плывет война по синим весям
В тумане вязком новостей,
Как этот мир для мира тесен
Под бременем людских страстей.

А солнца круг еще катится,
И птица кружится жива,
И сшибку празднует столица
По всем законам естества.

1 февраля 2012

Жгу солому в заезженной Пизе,
В окружении праздных речей.
По - за мизер - оплаченной визе,
Где окраиной дышит ручей.

Дым, как дым от паршивой соломы,
Но с московским сравнить не могу,
Слишком запахи их невесомы.
Слишком бледны на чахлом лугу.

Вот у нас задымит, так в полнеба,
А напрячься, и нету царя,
Государства, отечества, хлеба,
Под победный Schlagwort букваря.

Вдохновенны прекрасные лица,
Исторгавшие – «мы не рабы».
И сшибаются лбами столицы,
Страшно крепки чугунные лбы.

Как скучна без разборок Европа
В тусклом свете оплившей свечи.
Ни пожара тебе, ни потопа,
Только изредка рой саранчи.

6 февраля 2012

Что - то ветер над оливами тяжел.
Густо падают февральские дожди.
И зачем я в эту невидаль зашел,
Говорили дураку - не заходи.

В новой жизни я еще не наторел.
Дом рифмуется с растерянностью дня.
Хорошо, что окончательный предел
Не написан небесами для меня.

Я накину безразличье от дождя,
Барабанит по плечам моим вода.
Я уехал от безумного вождя,
Но уехав, не уехал никуда.

Солнце в тучах источает свой испуг,
Галька мокрая шуршит потом в ночи.
Ты прости, что я молчу, сердечный друг,
Только ты со мной сегодня не молчи.

Шуры - муры, шеро - бренди до утра,
Между делом надавить, шутя, курок.
Как свинцовы под оливами ветра,
Что топорщат куропатки рваный бок.

9 февраля 2012

Справа даль и слева тоже.
Впереди скалистый берег.
Помоги нам, грешным, Боже,
Пережить и этот век.

Власть дрожащих в тайном страхе
Низших дней и высших сфер,
Не истлевшую во прахе
Волю ненависти вер.

Третий зрак ослеп и умер,
Вознесен на небеси.
И мычит морзянкой зуммер -
Наказуй или спаси.

А земля летит куда - то,
Не жива и не мертва,
Так же ветрено крылата
По законам естества.

Птица вьет гнездо беспечно
Без фаты и без колец.
Хорошо, что все не вечно,
И конечно, наконец.

15 февраля 2012

Евгению Ревзину

Я слеп в чужой земле, я глух в чужой стране.
Слова мои мертвы, и речь моя нема,
А что с моей страной - вопросы не ко мне,
Она в который раз опять сошла с ума.

Смешалось в кучу то, что грезило войной,
Что было меж собой веками на ножах,
И красно-белый стяг развеян надо мной,
И красно-белый дым на четырех ветрах.

Сижу в своем углу, свищу себе в свирель,
Немому не слова, а музыка нужна.
А на дворе весна, и впереди апрель,
И хочется еще хоть толику рожна.

И вечер так хорош, что хочется не знать
О сборище толпы, о скопище забот,
И лезет на незнать разбуженная знать,
А может быть, опять совсем наоборот.

Закат по кромке гор - как кровь по острию,
Охотничье ружье стреляет беглых птиц.
Как хорошо, что нем и время не мое,
И нет меня давно среди безумных лиц.

22 февраля 2012

Дорога в никуда, Тарханово, трава,
И яблони в цвету, и месяц невесом.
Сегодня ты навзрыд родна и не права,
Как по сЕрдцу в угад тяжелым колесом.

Я небо расстелю от сна до тишины,
Я волосы прибью к созвездью миража,
Я в душу положу прекрасных пол страны
И что-нибудь из дат твоих для куража -

Одну, где ты была больна еще не мной,
Где ветер бил в лицо, метель себе мела,
Другую, где палил невыносимый зной,
И где я шел туда, и где ты не была.

И, все-таки, свела всевышняя судьба,
Помимо мер и всех неведомых причин,
И трещина легла посередине лба,
Размером больше всех разумных величин.

И вытек прежний ум, и втек в меня иной,
И трещина сошлась без шрама и рубца,
И то, чем ты была, быть перестало мной,
За вычетом судьбы и смертного лица.

24 февраля 2012

Все дальше друг от друга
Надежда и страна.
И не сойти нам с круга,
И не достичь нам дна.

Глотаю семь на восемь
Пространство без конца.
В душе шальная осень,
Без дела и лица.

Идет на выпас стадо.
Ведет его пастух.
Тебе туда не надо, -
Бормочет скорбный дух.

И что, что много силы.
И что, что ярок день.
Великие могилы
Опять закрыла тень

У отчего порога
Полынь да лебеда.
Лишь свет иного Бога
Мерцает иногда.

26 февраля 2012

И ты ни в чем не виновата.
И я ни в чем не виноват.
А брат опять идет на брата,
Уже убитого стократ.

Кому - печаль, кому - победа,
Который год, который век.
По схеме дат, в сюжете бреда,
По зову сбрендивших калек.

Весна проходит молча мимо,
Земля торопится остыть.
Какой- то милостью хранима,
Готова к жертве волчья сыть.

У стаи вновь избыток прыти,
В поту железные бока.
И в ожиданье мяса сыти
Слюна течет у вожака.

26 февраля 2012

Земля моя, зачем ты не кругла,
А сумрачно пряма и не поката,
Четыре равнобедренных угла
Среди полуснесенного Арбата.

Больничные слепые фонари,
Угрюмые завешанные стены,
И бесполезно, что не говори,
Торчат рога надломленной антенны.

Здесь бродит призрак завтрашнего дня
Живущий тяжело и виновато,
В нем больше от тебя, чем от меня,
Летавшего по воздуху когда-то.

Течет на кухне нечинимый кран,
Чуть слышно за стеной бренчит гитара.
И черен, нем обугленный экран,
Сгоревший от грядущего пожара.

7 марта 2012

Кроме гнева, кроме мести, кроме славы,
Кроме места на замученной земле,
Слава Богу, есть воздушные державы,
Жизнь ведущие в добре, а не во зле.

Как там мирно и просторно и спасенно,
Как там дышат обрученно долг и страсть,
И доступно за мгновенье место оно,
И ничья там не вольна иная власть.

За окном - и несуразица, и слякоть,
За окном - в разводах талая вода,
А в бокале - золотые сок и мякоть
Межнебесного волшебного плода.

Как же редко на земле земной бываю,
Как же редко погружаюсь в злачный сон.
Как же вовремя я землю забываю,
Обложившую войной со всех сторон.

14 марта 2012

Снова волны, снова море, снова воля,
И все дальше за проливами земля,
Снова прошлое грядущее, неволя,
Повторяет воспаленно ноту «ля»,

«Ля» в миноре, «ля» в загуле, «ля» в распаде,
Извлеченное расплавленной трубой,
И чего, скажите, снова люди ради
Лезут в пекло запаленное собой.

Тает снег, весна проходит, век истрачен.
Брызги солнца долетают до лица.
Отчего кто не убит, тот одурачен
Спелой мыслью удалого мертвеца.

Я бы тоже, вероятно, вместе с ними
Полз и плакал и хватался за ножи,
Если б жил незамечаем в новом Риме,
Запечатанный, как в тесто, в этажи.

Без меня проходит время неживое,
Наступает допотопная пора.
Жаль, что леса не осталось больше Ною -
Ни зубила, ни пилы, ни топора.

15 марта 2012

Ах, погода, непогода,
Шкурой мокрой дыбом вон.
Для меня ее свобода
Не удача, а урон.

Я лечу над жижей снега.
Крутит воздух в кольца дым,
Ни надежды, ни ночлега,
Как присуще молодым.

А кругом - огни и страхи,
Звуки музыки громки.
И летят со мной рубахи,
Сжав лохмотья в кулаки.

Впереди, что раньше было.
Позади грядущий час.
И летит свиное рыло,
Обгоняя в лете нас.

А дорога тащит круче,
Где свалиться, что пропасть.
Снова солнце застыт тучи,
Словно тучи - наша власть.

16 марта 2012

Из неизбывности и нежности,
Из ниоткуда – в никуда,
Из той великой неизбежности
Прихода Божьего суда

Пишу Вам, нежная и праздная,
Сама бессонница и сон,
Где, эту жизнь прощально праздная,
Душа спешит за небосклон.

Я жил, как все, на грани случая,
За гранью меры и тоски,
И снова боль, слепя и мучая,
Сжимает бережно виски.

Я Вам пишу, устало веруя
В несправедливости завет,
Мы - не последние, не первые
Изгнанники бесплодных лет,

Где нам, земной заботой полита,
Судьба вполне благоволит,
Где то, что налито, то пролито,
А то, что выпито – болит.

1 апреля 2012

Никто не виноват, что я умру.
Никто не виноват, что ты умрешь,
Так грудью солнце поутру
Напорется на нож,

Чтоб истекала кровью тьма
И обретала речь.
Я в двадцать лет сошел с ума,
Чтоб смертью пренебречь

И не истлеть в земной глуши
Всегда больной Руси,
Я продал жизнь за клочок души,
Летающий в небеси.

И час за часом, день за днем
Грешил и лгал,
А жизнь текла за окоем,
Как из ковша металл.

И вот на крючьях коромысл
Подвесив - «я» - «не я»,
«Мы» постигают жизни смысл
В тени небытия.

6 апреля 2012

*Юле Латыниной
Алле Латыниной (Бочаровой)*

Смывает мир, как мусор, в океан,
Проходит век, небывшее итожа,
И пуст души неведомый экран,
Лишь тускло светит выбритая кожа.

Надену шляпу видом набекрень,
Мозги ввихну и посмотрю направо,
Направо делят жадно дребедень -
По смыслу вкупе - суета и слава.

Налево - пир по имени чума,
От ярости кривы и скорбны лица,
Постичь не хватит бедного ума,
Зачем все это продолжает длиться.

Суть - все равно отмерены часы,
Конечны вера и любая крепость.
Давно разбиты вечности весы,
Их заменили случай и нелепость.

А дождь все пуще, по окну стуча,
Напоминает о небесной каре.
Так и живем – пока горит свеча,
Три не земных и не небесных твари.

10 апреля 2012

Даше Воронцовой

Пишу не о том, что думаю,
Иду не куда хочу,
Жизнь свою, нежно угрюмую,
Я под откос качу.

Как она быстро катится
Слезой из озябших век.
Вчера начиналась пятница.
Сегодня кончается век

Больной некрасивой удали,
Живущего напролом.
Я ведь не знаю, буду ли
Завтра водить пером.

Тучи на небе шальные,
Дождь барабанит дробь.
Господи, в годы малые
Жить не в грехе сподобь.

Киснет в дожде околица,
По адресу град «айпи».
Боже, коль мир расколется,
Обратно его слепи.

10 апреля 2012

Не лишай меня, Боже, движения речи,
И короткого жеста случившихся слов.
По мерцанию губ Иоанна Предтечи
Я угадывать тайные смыслы готов,

Где так зыбок письмен золотистый угольник,
По лазурному полю пустынного дня.
По какому суду, добровольный невольник,
Я прикован судьбой у чужого огня?

И свобода моя - не в пространстве и воле.
Не в промозглой дороге в чудные края,
А свобода моя - в нестареющей боли,
Этой каторжной доле вериг бытия,

И щепоти небрежной сорвавшихся знаков,
Обретающих форму нечаянных фраз,
Где словарь у людей и зверей одинаков,
Подтвержденный горящим безумием глаз.

Как неряшливо тело мерцающей мысли,
Как убого ее воплощение в суть,
Разве лишь иногда и в каком-то божественном смысле
Это лезвие вспорет - закрытую истине - грудь.

16 апреля 2012

Кате Дробязко

Еще не высохли чернила,
И не рассыпалась гора,
И спит прекрасная Далила
Под ризой век из серебра.

Рука крылом озябшим машет,
Нырять жарко в облака,
Никто не сеет и не пашет,
Конечно, кроме дурака.

И, жажду утолив лихую
Туманным призраком воды,
Чего же я опять ликую
Срывая ржавые плоды,

Опять брожу, губами края
Ища заветные слова,
В которых ключ к воротам рая
Мерцает, видимый едва.

Зову тугое чувство меры,
Вдали от меченых дорог,
Где в царство тени и химеры
Лишь иногда снисходит Бог.

24 апреля 2012

Как выстрел, короткое скерцо,
На острове праздничном Крит.
Спасибо за вспышку сердца,
Которое не горит.

Жил - был себе прохожий,
Мимо судьбы спеша.
Ты знаешь, я чувствую кожей,
Когда окликает душа.

Сядем в саду, горячем
От жара цветных камней,
Был до тебя незрячим
Тысячу праздных дней.

Ящериц юркий шорох,
Оторопь взмаха крыл.
Что нежность горит как порох,
Только тобой открыл.

Плачет по небу птица,
Слезы роняя в рожь.
Как же навзрыд не спится,
Слыша немую дрожь.

30 апреля 2012

Смута рождает слово,
Пламя рождает дым,
А может, вернуться снова
В еще не опавший Крым.

У стен золотых Кара- Дага,
Еще неземных весьма,
Послушай как плачет бумага -
Навзрыд - твоего письма.

Что мы с тобой делили,
Чем мы платили, за что?
Ты тоже жалеешь, или
Все прошлое – шапито,

Обручи и качели
Яви - вольней, чем сны.
Тело виолончели,
Летящее вдоль луны.

Игры и в то, и в это
Не знающих свой предел...
Горы, песок и лето
С опечатками прошлых тел.

10 июня 2012

Жизнь по капле вытекала,
Наконец изнемогла,
И втекает, как попало,
Как в закат втекает мгла.

И темнее стали дали,
Ближе прошлое уже.
Мы играем в трали-вали
На веселом этаже.

Что же это за процессы,
Кто простор вращает вспять,
Туфли в ранах у принцессы,
Но крылатые опять.

И летаем вскользь и прямо,
И верстаем верст часы.
Летуны не «имут срама»
Средь ничейной полосы.

Жизни лет еще возвышен,
Временами гол и губ.
Слава Богу, я услышан
Каплей слез и кожей губ.

11 июня 2012

Кому куда, а мне на Эверест.
Где солнце, снег и вечная прохлада.
На норд - норд ост, а может на зюйд - вест,
Где был когда то выплеск Цереграда.

Где Ной гулял окрест, сойдя с ума,
Где ветер мел, где туча ночевала,
Где строил царь Давид дома и терема
Под руководством мастера Ваала.

Я б там не жил, а только ночевал
И пил вино обильно вечерами.
Я б для ковчега выстроил причал
Окутанный посмертными лучами.

Что вы мне дали, чтобы я берег
Зеленый свет бессрочного простора,
И то созвездье золотых дорог,
Что я украл у меченого вора.

Да, я не прав, что ждал от вас добра,
Ужо надежды завалило снегом.
Один как перст с корытом серебра
Прощально сгнившим с ноевым ковчегом.

12 июня 2012

Кто я, Господи, знать хоть бы малость,
В чем бессмысленный смысл бытия?
Мне в наследство досталась усталость,
Ненасытная воля твоя.

Вот разумно стрекочут цикады,
Вот торжественно плачет скрипач,
В этом мире мне искренне рады
Только ветер, закат и палач.

Над Флоренцией - ночь голубая,
Капли слез на открытом лице,
Не хватает мне только трамвая
С буквой «А» на Садовом кольце.

А смычок - все печальней и тише,
Все прощальней в юдоли земной.
Молча слушают сонные крыши
Эту музыку вместе со мной.

Что еще мне оставлено ныне -
Черно - белые праздные сны?
Отсвет веры в безлюдной пустыне,
Эти звуки вокруг тишины?

17 июня 2012

Когда поют цикады
и рот в густой крови,
Печалиться не надо,
Родная визави.

Искромсанные звуки,
Вина живая плоть,
Нас, видимо, со скуки
Слепил из сна Господь.

Глотай хмельную влагу,
Ворочай языком,
Что б после на бумагу
Скатился мыслей ком,

Как жили мимо света
И вдоль, конечно, тьмы,
Как на излете лета
Опять совпали мы.

В туманности Иова
Еще немало встреч.
Под редкий шорох слова,
Цикад сплошную речь.

19 июня 2012

Алле Латыниной

Не золотой отрезок суши,
И не ахти какой расклад.
Но, может статься, наши души
Повременят спускаться в ад,

Где бряк трамвая так привычен
И шум шоссе неутомим,
Где каждый голос обезличен
И оком тайным уловим,

Где варятся людские страсти,
Где жизни грешной нить тонка.
Как хорошо, что в нашей власти
Не возвращаться к ним пока.

А так бродить меж гор и сосен,
Искать лечебную траву,
И ждать, когда случится осень
Однажды разом наяву,

И налетят шальные птицы,
Осилив путь не без труда,
Из той расхристанной столицы,
Где правит вечная орда.

20 июня 2012

Виктору Кагану

Азиатчина справа и слева
И куда не посмотришь - орда,
И в развалинах Рим и Женева,
И от Греции нету следа.

Где вы, эллины, в мире просторном,
Как случилось, что свет изнемог?
Лишь сражаются в чуме игорном
Полузапад и полувосток.

Вот один одолеет другого,
Вот другой уже распят толпой,
И приветствует третьего снова
Мир, как прежде глухой и слепой.

Что же мы в этом мире не новом
Как же нам, не устав, не пропасть,
И каким не разрушенным словом
Пересилить короткую власть?

Но война и игорные страсти
Не по вере нам, как ни крути,
Значить быть этой проклятой власти
Вертухаем земного пути.

21 июня 2012

Одна - стряпуха, другая - муза,
Меж ними пропасть из дат и лет,
Одна и та же на каждой блуза,
И общий в вечность сквозной билет.

Иду направо - душа и морок,
Пойдешь налево - метель и зга,
Мерцает нечто мне из потемок,
Не то пустыня, не то снега.

А трость воздушна, пряма, летуча,
А вера грЕшна, тиха, больна.
То явит солнце, то станет туча,
То жестче стали, то мягче льна.

Ведут дороги, несут качели,
То слишком поздно, то никогда.
Мы говорили, потом немели,
То были жарки в объятых льда.

Сидит меж листьев на небе птица,
Мерцает в горле язык свечи.
Хромая муза мне ночью снится
В багровом шелке тугой парчи.

28 июля 2012

Мелькает трость по косогору,
Рубаха движется, летя,
И гонит туч немую свору
Полупастух-полудитя,

Тепло пульсирует в ладони,
И капли влаги горячи,
Мы оба - в спешке и погоне
При свете гаснущей свечи.

Восторга медленные слезы,
Кумач рассвета по стеклу.
И призраков живые позы,
Судьбой мерцающих в углу.

А за окном, на нашей Бронной,
Потоки света все ясней,
И первый луч, святой и сонный,
Встает сквозь скопище огней.

Как тесен вход в больную душу,
Как нежен страх за кровь и плоть.
Как хорошо, что твердь и сушу
Не разлучил еще Господь.

6 августа 2012

Где Вы бродите, праздная леда,
С кем Вы пьете по будням «аи»?
Мне на завтрак приносят медведи
Разноцветные слезы твои.

Отчего и сквозь версты привязан
Я к твоей ненасытной алчбе,
Словно с детства на действо помазан -
На служение в боли тебе.

Проведу по железной короне
Над твоей золотой головой,
Посижу на оставленном троне
И заросшем травой лебедой.

Выпью кружку заморского пива,
Разломлю лучезарный ломоть,
Мы бы жили и дольше счастливо,
Кабы дом не разрушил Господь.

Не жалея меня, гордая дева,
Нет суда на прощальное —«нет».
Как же кратко жила королева,
Как же долго живет ее свет.

12 августа 2012

Ничего не надо ждать,
Просто жить, как Бог пошлет,
В небесах летит кровать
В ней болит не мой живот.

Сяду рядышком на край,
Молча что-нибудь спою.
Нам с тобой не нужен рай,
Рано жить еще в раю.

Дальше праздно и грешно
Будем длить короткий век,
Где в избранниках сукно
Правит сонмищем калек.

Отдохнем и полетим
В край нездешний, мир иной.
Позади - последний Рим,
Впереди - очередной.

Не гневись, что я не смог
Докричаться до небес.
Так решил, наверно, Бог,
Что не умер, а воскрес.

12 августа 2012

Посиди, попечаль свою душу,
Пригуби осторожно «ай»,
Я печали твоей не нарушу,
Золотая моя визави.

Путь резвятся докучные осы,
Пусть кричит о любви попугай,
Я сгораю в огне папирасы,
Мимолетной любви через край.

Видишь, солнце остывшее село,
Теплый вечер внезапно погас,
И витает прозрачное тело
В глубине твоих выцветших глаз.

Шелестят на запястьи браслеты,
Птичий голос покорен и тих,
И причалена к берегу Леты
Дремлет лодка одна на двоих.

Ветер трогает плоть занавески,
Тени листьев шуршат по стене,
Беспокойны, тревожны, нерезки,
Словно лица в нечаянном сне.

17 августа 2012

Так вслепую по клавишам плачу
Или трогаю пальцами свет,
В полутьме различая удачу,
Что забыта за давностью лет.

Как знакомы прозрачные руки,
Что плывут, ворожа и маня,
Извлекая чуть слышные звуки
На излете недолгого дня.

И касается памяти грешной
Та ракета у мокрой стены,
Где неловкою лаской поспешной
Были мы на мгновенье больны.

Пахнут осенью августа вздохи,
Ветви вереска падают ниц.
Как мне жаль, что от этой эпохи
Не останется видимых лиц.

И твое промерцает и канет,
Растворясь в безымянное - «мы».
Лишь кого-то нечаянно ранит
Эхо нашей короткой зимы.

29 августа 2012

Шелест пары воздушных шагов,
Тень Жизели в прозрачном хитоне.
Под знакомую музыку слов
Расстаемся опять на перроне.

Только пальцы, о пальцы звеня,
Держат кольца, сидящие туго.
Ты зачем -то любила меня,
Не сходя с сумашедшего круга.

Скоро занавес прянет с небес,
И закроет прощальную сцену,
Где с тобою, а может и без,
Я плачу полугрешную цену

За скольжение в вальсе разлук,
В наваждении музыки речи.
За тепло оплетающих рук,
Обещавших короткие встречи.

Бей о ножку носком башмачка,
То взлетая, то падая снова,
Да под хрупкие речи смычка
Оброни, улетаая, полслова.

29 августа 2012

Аккорд погас, но тишины не слышу,
Витает звук, не улетаая прочь.
Садится лунь в серебряную нишу,
Чтоб сообщить, что наступила ночь,

Что пуст бокал уже до половины,
Ущербен свет «погашенной луны»,
Что мы с тобой родны и не едины,
И наша явь не переходит в сны.

Играет Хейфец музыку разлада,
Струна дрожит, стелая и хрипя.
Что делал я в пустыне Цареграда
Свое тысячелетье без тебя?

И как уйти, не разрывая нити,
Которой мы надежно сплетены?
Застыла ночь в бессмысленном зените
В преддверии не мира, но войны.

Я не допью оставшуюся влагу,
Марая лист судьбы черновика,
Чтоб не тобой пролиться на бумагу
Могла моя прощальная строка.

31 августа 2012

Одна дорога перешла в другую,
За тупиком - простор, а не обрыв,
Другой напиток медленно смакую,
Тот, что любил, уже не долюбив.

А месяц сер, дождлив и неухожен,
И листопад торопится истечь.
Как жаль, что мир конечен и безбожен,
И этим ум не может пренебречь.

Он мог бы жить под музыку распада,
Вдыхая тлен полузабытых книг
И находить в вольерах зоосада
Друзей себе подобных не на миг.

Но есть одна разумная загвоздка,
Которая безумна для меня,
Что время наше слеплено из воска
И тает постепенно от огня,

Что в нас горит еще неугасимо,
Чуть освещая сумрак бытия.
А жизнь идет невыносимо мимо.
Чужая. Безобразная. Моя.

5 сентября 2012

А Вы опоздали, я ждать не умею,
Меня уже нет в Вашем позднем саду.
Я меряю шагом другую аллею,
Которой в обратное царство бреду.

В зашторенных окнах пиликает скрипка,
И медные листья шуршат ни о чем.
Мне больше не грезится Ваша улыбка,
И пепельный шарф над озябшем плечом.

Конечно, душа еще взрогнет при встрече,
Очнется, вздохнет в своем праздном мирке.
По капле стекут пересохшие речи
С обветренных губ, как слеза по щеке.

И дальше забудется, сонно и мимо,
Судьба не заметит, глуха и слепа,
Ни легкого взмаха крыла Серафима,
Ни раненой лани немислимых па.

7 сентября 2012

Нагнулась душа, прикоснувшись едва,
Ладонью легко провела по губам,
И память услышала молча слова,
Что счастье делили с грехом пополам

И слезы блаженно под пальцы текли,
И ночь колдовала нам сон до утра.
И звезды мерцали пугливо вдали,
И длилась в прощание эта игра.

А сон над Флоренцией падал и гас,
И нищая скрипка играла навзрыд.
И мир в эту ночь обходился без нас,
Без наших забот и без наших обид,

А утром, помедлив немного - настиг,
Ночное видение бытом глуша.
И лишь иногда на нечаянный миг
Незримо к щеке прикасалась душа.

22 сентября 2012

Начинается время обратное,
Превращается золото в медь.
Значит, солнце взошло предзакатное
И уже не опустится впредь.

Значит, жизнь еще дышит и молится,
Еще плачет, и ждет, и болит.
Значит, мчит еще с цокотом конница
По ристалищу мраморных плит.

Бьется сердце до гула кромешного,
Словно в гриву коня вплетено,
И за что меня, злого и грешного,
Не оставило нынче оно.

Еще пестует, кружит и мыкает
По простору.... Была не была,
Кто над нами смеется и гикает,
Натянув, как струну, удила.

28 сентября 2012

Небо плакало долго и горько,
Лился дождь, торопясь, на лицо,
И спешила озябшая полька,
Потеряв по дороге кольцо.

Сумашедшая праздная дева
В желтых листьях опавших берез.
А когда- то была королева,
Доводившая душу до слез.

У наследника дел вереница,
У наследницы их кутерьма.
Перевернута трона страница,
Легким жестом сошедших с ума.

На столе золотая посуда,
И по стенам родни череда.
Не случится обратного чуда,
Ты уже не вернешься сюда.

Ты в своем зазеркалье остыла.
И живешь не жива - не мертва.
Было царство, побыло и сплыло.
Не дожив до распада едва.

30 сентября 2012

Стихия страха и тревоги
Минует воли рубежи.
Стоят чинары вдоль дороги
По краю вспаханной межи.

И праздной мыслью нежно мучим,
Опять, как прежде, сам не свой,
Иду, давно благополучен,
И даже призрачно живой,

Забыв о медленном распаде
Звучащей музыки во мне,
Той, что услышал в Цареграде,
Однажды в полночь в вещем сне,

Когда разрозненные звуки
Стихия складывала так,
Что поднимались в воздух руки,
Оторванные от бумаг,

Там жизнь текла меж пальцев мимо,
Там падал, опаляя лес,
Сараф в обличьи Серафима
Из чрева вспоротых небес.

4 октября 2012

Природа не ведает страха,
Согласно ее естества.
Летает из воска рубаха,
Засунув меня в рукава.

И я с ней летаю впридачу,
С железной сумой на горбу,
От нежности бешеной плачу,
Влюбленный в иную судьбу.

В ней нету размаха и пыла,
В ней нету вины и вина.
Свободна она и бескрыла,
Умеренна и холодна.

Разумна, беззвучна, убога,
Со всех из сторон - хороша.
Зачем мне в подарок от Бога
Досталась другая душа.

Живой - не живой, но летаю,
Дышу - не дышу, но пою.
И вместе с рубахою таю
В бездонную память мою.

5 октября 2012

Поздний гость стучится в двери,
Робкий стук и долгий вздох.
Жаль, не каждому по вере
Отвалил удачи Бог.

Поднимусь, пройду полшага,
И открою и взлечу.
Дом мой - в метре от оврага,
Дом такой, как я хочу.

Поздний гость кружится рядом,
Вдалеке горят огни.
И лежит наш путь над садом
В тайно прожитые дни.

На руке блестит колечко,
Тонкий желтый ободок,
А внизу мерцает речка
В ней и наш любви глоток.

Ты за годы поседела,
Но прозрачна и нежна,
Как прекрасно Ваше тело,
Не моя уже княжна.

Гость исчез и солнце встало,
И вернуло снова в днесь,
Где давно душа устала
Жить не там, но и не здесь.

6 октября 2012

Я не хочу исчерпанного быта
Берлоги тайной, спрятанной в лесах.
Пусть без меня, теряя корм, корыто
Летит, мерцая тускло, в небесах.

Пусть разум приближает время страха,
И пусть часы в упор заведены.
Меня еще кружит шальная маха
Вокруг ущербной по ночам луны.

Еще душа и плачет, и смеется,
Над собственной судьбой издалека.
Еще питает глубину колодца
Вода полусвятого родника.

И свет ведет, не называя цели,
В забытый век, не прожитый до дна.
Пусть не в моем, но не прошедшем теле,
Дорогой – наугад - черновика.

Исчерпав срок, дышу и торжествую,
Что грешный путь еще мне по плечу.
Что эту жизнь, осмысленно немую,
По краю бездны. Медленно. Влачу.

10 октября 2012

Звучит валторна, вырвана из Баха,
И голос меди шумен и крылат.
За что во мне такая бездна страха,
Как будто я пред миром виноват.

Где, искаженное в зверином лике,
Лицо любимой в выдохе навзрыд
Влечет туда, где мы равновелики
В глазах с ума сошедших аонид.

И где вино сочится из надреза
Моей души, отверстой в никуда.
И, ноту исторгая стыд - диеза,
Ждет не дождется Божьего суда.

Кого я звал в отмеренные годы?
Кто не пришел, неузнан и забыт?
Как тонок обод незнакомой оды,
Что катится по колее обид.

Но что мне до того, что жил напрасно,
Развалин слов бездарный старожил.
Бесмысленно. Неистово. Безгласно.
Под звуки рвущихся от боли жил.

13 октября 2012

Ты для меня училась речи
Сермяжной музыки земной,
Еще по словарю предтечи,
Забытому однажды мной.

И вот сидишь в высоком кресле,
Еще упруга, как лоза.
И видит Бог, что мы воскресли,
Открыв нездешние глаза.

И, полня кровь теплом и светом,
Ладони движутся навзрыд.
Где свет свечи перед портретом
Лелеет наш тревожный стыд.

И шторы, ветром шевелимы,
Нас ограждают тенью тьмы,
От тех, кем были мы любимы,
От тех, кого любили мы.

Свивайся, музыка печали,
В клубок надежды и добра,
И длись, разумная едва ли,
В полубессмертие игра.

17 октября 2012

Какое мне дело до вашего века,
До черных идей и червонных забот.
Играет на дудке молитву калека,
Стирая со лба выступающий пот.

И вторят игре инвалиды во фраке,
И дождь барабанит, и плачет дитя,
А звезды сияют привычно во мраке,
Оркестру уродов исправно светя.

И мне среди них уготовано место
В последнем ряду, у гитарной струны.
В составе больного чудного оркестра,
Среди уцелевшей случайно страны.

Я в такт и усердно бренчу понемногу
В немые сроки, что отпущены мне.
И звуки лицом запрокинуты к Богу,
Пол яви - в бреде и пол яви - во сне.

20 октября 2012

Жизнь проходит мимо,
Громко топоча.
С флагом херувима,
С жезлом палача.

Как они похожи,
Как их шаг знаком.
В потускневшей коже
С красным козырьком.

Красные косынки
Пешек и калек.
Давние картинки
Растояньем в век.

27 октября 2012

Поработай музыкой.
Постирай белье.
В домике под Рузой
Лежбище мое.

Старая погудка,
Лубяной рожок.
В центре промежутка
Нежности ожог.

А на дне посуды
Подогретый ром.
Суды – пересуды,
Деревянный дом.

Шаткие качели
Памяти в груди.
И мерцанье цели
Смутно впереди.

17 октября 2012

Отзвук слова, отблеск речи,
Поздний стук и поздний свет.
Обниму тебя за плечи
На твое немое – нет.

Что - то брезжило и жило,
Что - то меркло и вело.
И меняло жизнь на мыло,
И копьё - на помело.

Расстели по небу полог,
Положи на степь сукно.
Как же путь поместный долог,
Как же сладко толокно.

Жарок губ полет печальный,
Долог шорох пестрых штор,
Как же нежен мир прощальный
Среди самых низких гор.

Спит за морем повитуха,
С ней в постели мой палач.
Сонно слушаю в полслуха
Жаркой пары смех и плач.

18 ноября 2012

Этот мир не хуже и не лучше,
Чем другой такой же, но другой,
Я налью вина убийце Путьше,
Что по мифу гопник и изгой.

Что ему - веселая забава -
Кровь Бориса, с лезвия ножа.
Жизнь сама беспечна и кровава,
Возле волевого рубежа.

На закуску ветка винограда,
Полстакана ключевой воды.
У ворот чужого Цареграда,
Где свисают по камням сады.

Служба для унынья не причина,
Пей не пей, но только не пролей.
Как живет в мифе, дурачина,
Тыща лет - приличный юбилей.

19 ноября 2012

Катится мир и катится,
Пора бы уже устать.
Слетает, как птица, платьице
Медленно на кровать.

Женщина в пестрой шали
Танцует под потолком.
Крестик на белой эмали
С отколотым уголком.

Я звал Вас - любимой - годы,
Я ждал каждой встречи, как
Узник - своей свободы,
Страждущий - Божий знак.

Падает солнце криво
С запада на восток.
За окном доживают Фивы
Свой семивратный срок.

И бережно, как когда - то,
Едва уснут сторожа.
Две повести, два заката,
Дрожа... Ворожа... Кружа...

30 ноября 2012

По наледи клавиш скользят пальцы,
И тление свеч в изголовье зимы.
И в небе натянута тесная пелена,
Где нитями нежности вышиты мы.

Шипит под иглою устало пластинка,
Из бездны рокошет шалопинский бас.
И звук приглушает тревоги сурдинка,
Когда -то связавшая верностью нас.

Играй, моя милая, поздно и глухо,
И в нашем аду обитает не тьма.
Пусть редко, но все же касается слуха
Величество бедных, надежда сама

На краткое лето у синего моря,
Янтарной лозы осиянную плоть,
На то, что минуты без боли и горя
Пошлет нам однажды когда - то Господь.

И бросит, как птиц от земли отрывая,
Легко и протяжно - была не была,
Где светится небо от края до края,
Сгорая, как должно, в закате дотла.

4 декабря 2012

Давно я дома не живу,
Живу в чужой стране.
Не в той, что снилась наяву,
Мне в первородном сне.

Живу в стране со словарем
Достоинству не в масть.
Где тьма сильнее под фонарем,
Которым машет власть.

Где лучше спать, чем больно жить,
Влача удачи груз.
Где ты по сути - волчья сыть
На их один укус.

А воля тщится изнемочь
Потворствовать врагу.
Но на дворе не день, а ночь
На нашем берегу.

А мне оставлен праздный стих
Со смыслом – « трень и брень»,
Что, мол, когда- то и для них
Наступит судный день.

8 декабря 2012

Среди вечного похмелья
Не проспавшейся страны,
Продолжается веселье
Неоконченной войны.

Сшибка страха и рассудка,
Бой рогов с ордой копыт,
Под знаменами желудка
Путь в бессмертие открыт.

Что мне делать в этой сваре,
Что я им в конце концов,
Два аккорда на гитаре
С хором древних мертвецов.

Мельтеши же, бей в ладоши,
Вторь их лепету всерьез.
Нет печальней в мире ноши
Наважденья поздних слез.

О бессмысленности быта,
О разрухе бытия,
Бьют опять рога - копыта,
А под ними - ты и я.

15 декабря 2012

Ваша музыка плачет ночами,
Кружит голову мне до утра.
Вы внезапно случились в начале,
С первым жестом живого добра.

Там, у пристани сонного Плеса,
Где заката дымился огонь,
У беседки под парусом теса
Уронили мне слезы в ладонь.

И сказали: храни Вас, печали,
От кромешной и бОльшей беды,
Где знакомые чайки кричали
По- над гладью летеЙской воды.

И с тех пор не крестила дороги,
Не кружила нас вместе судьба,
Даже прочерка нет в эпилоге,
Где царили «гульба и пальба».

Отчего же в любви и печали,
Век спустя, няву и во сне
Ваша музыка плачет ночами
Безнадежно и нежно во мне?

19 декабря 2012

Еще бежит по жилам суета,
Еще дымит похлебкою корыто.
Но дверь в ничто уже не заперта,
И даже по ночам полуоткрыта.

Уже меж нами пролегла черта
Опасных снов и вечности отчасти.
И это не изменит ни черта,
В душе, разъятой бережно на части.

Их вместе не дано соединить,
Волшебной дудке, найденной когда то,
Уже прядут седые Мойры нить
За край земли заветного Арбата.

А ты живи, играй и колобродь,
Танцуй свой танец жадного Востока,
Храни тебя, неведомый Господь,
И после мне отмеренного срока.

Какая стать у моего ребра,
Какой поток и музыки и света.
От вещих слов, белее серебра,
Той песни, что уже не будет спета.

19 декабря 2012

Вроде нечему учиться,
Вроде некого учить.
Где когда- то были лица -
Волчий клык и волчья сыть.

Да следов по полю стежки,
Крови алая канва,
Да шажки сороконожки,
Различимые едва.

Прибывает день вчерашний
Убывает новый век.
Жесток мне халат домашний,
Худ и холоден ночлег.

На краю страны железной
Между волей и судьбой.
В этой жизни бесполезной
Без меня гульба и бой.

Речи, дразги, скоморохи,
Войны шаек и кровей.
Вот и нет моей эпохи,
Впрочем, нет и не моей.

1 января 2013

Узор камней на берегу
Бессмысленен и наг.
Но я зачем - то берегу
В душе их тайный знак.

Волна теснится за волной,
Меняя вновь узор,
Но что- то делает со мной
Весь этот влажный сор.

Ложатся под ноги ко мне,
Сокровища твои.
Где запад не дотлел в огне,
Восток уже в крови.

Я между ними путь держу
Судьбою данный срок,
К тому земному рубежу,
Где каждый одинок.

Упал волны белесый вал
На высохший песок,
Где мрамор только что сиял,
Торчит « куриный бог».

15 января 2013

Боже правый, в куриной лени
Бесполезная жизнь прошла.
Я молился, встав на колени
Лишь у письменного стола.

Где сукно багровело строго,
Соответствуя в том клише,
Я просил у домашнего бога
О покорности слов душе.

Плыло облако плавно мимо,
Закрывая герань в окне,
В багреце закатного грима,
Повернувшись спиной ко мне.

Но слова, что без вымысла жалки,
Не давались в желанный плен,
Лишь служили вразброд из- под палки,
Поднимая меня с колен.

Вот и вышло - судьба, дорога,
Жизнь на праздные доли кроя,
Не дошла до домашнего бога,
Боже правый, молитва моя.

6 января 2013

Ветрено и немного
Смертельна моя пора.
Опять забывают Бога
Старатели топора.

Опять и дробят, и режут
Душу на прежний быт,
Снова знакомый скрежет
Доносится из- под плит.

Боже, ты дал мне крохи
Вдоволь житья - бытья.
Только вместо эпохи -
Участь, но не моя.

А в ней - селедка да водка,
Да трень или брень слегка.
Да ветренная молодка
Из ближнего кабака.

Гитарную дурь настрою,
Пьяной слезой утрусь.
Сыграю наотмашь Трою,
Сменившую Риму Русь.

7 января 2013

Георгию Гачеву

Россия - сплошная Троя,
У Рима, как в горле кость.
Нас было на свете трое,
Из нас - я последний гость.

А прочие - в жальной глине,
С поникшим к земле крестом,
Что было бы, Господи, с ними,
В месте ужо пустом.

Вот так же спали и пили,
Вдали от родимых мест-
А может скорее - или
Несли свой не божий крест.

Налью себе в миску водку
В не русской ржавой глуши
И вылью посуду в глотку
За упокой души.

7 января 2013

Александрю Иличевскому

Играй, судьба, на тусклой сцене,
Пустые кресла ворожа.
И пусть тебе внимают тени,
Возникшие из миража.

Они легки, они воздушны.
Они забыты и вольны.
К забавам здешним равнодушны,
И только музыкой больны.

И веря их живому слуху,
Гони свой звук сквозь немь и медь.
Пока еще хватает духу
Нам в глухоту земную петь.

И нас забудут в веке оном,
Но, звуком каждым дорожа,
Благодари земным поклоном
Тех не живых из миража.

7 января 2013

Пустоту заполним не собой,
Не вином, не женщиной, не Богом,
А чужой и призрачной судьбой
В здешнем царстве, плоском и убогом.

В зрелище с рассвета до темна
Места нету разноцветной тени,
Как сплошны и трудны времена,
Близящие царства к перемене.

Вот ужо перекроится мир,
Замолчит, что плакало и пело,
И уже зачитано до дыр,
Что любили музыка и тело.

Мы с тобой в шестнадцатом ряду
Смотрим на прощальные столицы,
Их финал написан на роду
Уходящей в вечность вереницы.

Где-то на краю мерцает Ур,
Гул востока нарастает зримо.
Вместе с нами смотрит сквозь прищур
Вещий глаз разрушенного Рима.

20 января 2013

Открыть глаза и в сон проснуться,
Опять помедлить и устать,
Меж нами - два разбитых блюда
И сверху - медная печать.

И что с того, что вздох и трепет -
Давно обыденный словарь,
Твори свой страх и лунный лепет,
Мой православный пономарь.

А я увижу и услышу,
И что распутаю – скажу,
Как хорошо, что сносит крышу
Шестнадцатому этажу.

Люби так верно и урочно,
Опережая быстрый быт,
Не западно и не восточно,
А как-то так, насквозь, навзрыд.

Насквозь, навывлет, до размаха,
До невозможности не мочь.
Поверх покорности и страха,
Рассудка, будущего праха,
Летящего беспечно прочь.

9 февраля 2013

Это ты в тумане ворожишь не мне,
Призрачно и нежно движешься едва.
Как любили оба мы этой жизни вне
Легкие одежды, тайные слова.

Прокатилось облако полем, не спеша,
Пролетела птица быстрой тенью вслед,
Встрепенулась сонно прежняя душа,
А мелькнувшей жизни не было и нет.

Где-то возле Плеса, на обрыве, сад,
Или где-то рядом, у летейских вод,
Где мы жили оба вещей жизни в лад,
Молча среди жарких и стеклянных нот.

Падали и бились вздохи и звонки,
Бились, не кончались, по камням звеня.
Протяни мне снова две твои руки,
Обними нечаянно, невзначай меня.

Сквозь туманы-всполохи над горой - огни,
Катится тяжелое памяти кольцо.
Ты меня в несбывшемся больше не вини,
Закрывая мокрое от дождя лицо.

15 февраля 2013

Дремлют ангелы в сугробе,
Свет забылся поздним сном.
Даже спит дитя в утробе,
В доме теплом и живом.

А вокруг бренчат метели
На расслабленной струне,
И такая нега в теле,
Словно ты спешишь ко мне.

Шарф. Накидка. Позолота
Кромкой вьется по плечу.
И за ней такая нота,
Что я в музыку лечу.

Воля справа, нежность слева,
Обруч катится едва,
Произносит королева
Молча медные слова.

Сон разверстан на полсвета
В горней выси с буквой - «ять»,
Чтоб потом погаснуть где - то,
Изнемочь и просиять.

22 февраля 2013

Где- то в полусне и полуяви,
На границе воли и неволи,
Я живу на вечной переправе
Вне пространства памяти и боли.

Рядом время мается и дышит,
Кружится, куражится, хлопочет,
Никого не видит и не слышит.
Ничего давно уже не хочет.

Парус снова надувает щеки,
Дни и ночи им руководимы.
Трудно плыть на северо-востоке,
Где края пусты и нелюдимы.

Вот опять свернулось в лоскут время,
Вот портной, склонясь, его утюжит.
Жизни сослагательное бремя
Счастью незаслуженному служит.

Я встаю не поздно и не рано,
Бередя о волю слух и душу.
И смотрю, как свет из океана
Выползает медленно на сушу.

23 февраля 2013

Вячеславу Брешту

Марине Зверевой

Жизнь не уходит, вертится и служит
Веселый пес с глазами на закат.
О будущем не сбывшемся не тужит,
Бежит стремглав, как прежде наугад.

И что ему разборки или сшибки
Сермяжных вер, галдящих по бокам.
Он зачарован хрипом божьей скрипки,
Прилипшей горлом к сомкнутым рукам.

26 февраля 2013

Благодарю тебя за вздох,
Подаренный не мне,
За то, что нас увидев, Бог
Оставил лишь во сне.

Я всю любовь в твою ладонь
Просыпал, как песок,
Дышала ночь, горел огонь
Судьбы наискосок.

И птица наша, покружив,
Застыла на столе.
Напомнив мне, что ангел жив,
Рожденный на земле.

Что это он не докружил
Над сетью нежных рук,
Что лук тугой из наших жил
Натянут и упруг.

А ночь тянулась до зари
Еще шестнадцать лет.
И если б он сказал, - умри,
Я не сказал бы – нет.

17 марта 2013

Этих пальцев полет по ладони,
Этой кожи прозрачная медь.
И звезда на цветном небосклоне,
Что уже начинает темнеть.

Ты ли это, земли не тревожа,
Не спеша прилетала ко мне,
И светилась прозрачная кожа
С темным светом восторга на дне.

А огни в этот час не горели,
Все молчало восторгу внемля,
Нас качала, подобно качели,
Одинокая наша земля.

И потом, когда гасло и тлело,
Забываясь в нечаянном сне
Растекалось по воздуху тело,
Оставляя лишь душу во мне.

21 марта 2013

Что- то ветрено и вьюжно,
Что- то весело и больно.
И зачем мне это нужно,
Разве жизни не довольно?

Позабыв забот завалы,
Сшибку разума и веры,
Я меняю на вокзалы
Социальные химеры.

То дыра тьмутаракани,
То столичная пивная.
Лишь обол в моем кармане
На дорогу, дорогая.

Посидим еще немного
Помолчим, покуралесим.
Я дано не видел Бога,
Мельтеша по этим весям.

Как тепло твое узорно,
Как в окне мерцает Ницца.
Как свеча горит покорно,
Освещая тускло лица.

22 марта 2013

Полетаем еще между делом,
Посмеемся над грешной землей,
Ты - во всем осторожном и белом,
И еще безнадежно со мной.

Где-то рядом по краю обрыва.
Где-то возле - грехи не грехи,
Где беременна снова олива,
Распускаются листья души.

Недоверчиво. Тускло. Убого.
Из ветвей перепутанных рук.
Видно, есть еще время у Бога
Посмотреть в нашу сторону вдруг.

Вот и солнце нечаянно встало,
И луны не исчерпана медь.
Хорошо, что душа из металла
Будет долго на солнце звенеть.

Тихим звоном закат возвещая,
Медь о медь ударяя едва.
Слава Богу, еще мы прощаем
Небу грезы и людям слова.

24 марта 2013

Игра не кончена, а жизнь не начата,
Пустых забот торопится развод.
И тянет жирный след небытия черта
Под чередой непрозвучавших нот.

Налей мне чаю, молча посидим
В тени дождя, прошедшего давно.
Прости, что я устал и нелюдим,
С холодным веком в мыслях заодно.

А дни спешат, коверкая мой быт,
Куда- то бесконечно торопя.
Тяну бордо, наполовину сыт,
Люблю тепло, но более тебя.

Восход еще не начинает тлеть,
И свет луны медлителен и бел,
Да, я сгорел, наверное, на треть,
А мог бы больше, жаль, что не успел.

30 марта 2013

Стансы

Посмотришь направо – помойки и ямы,
Посмотришь налево - простор и герань.
Гуляют в корсетах приятные дамы
И веером запахи гонят в гортань.

И рядом собаки изящной породы,
И «дышат туманами» ноздри борзых.
И так хорошо им в разгар непогоды
Изысканных сук обналичить призыв.

Природа в гармонии празднует это
Единство добра и навоза вовне.
И скоро наступит желанное лето,
И все мы сольемся ... в насущных делах.

А жизнь убывает, а время короче,
А запахи гуще, а дамы милей.
Опять полнолуние задернуло тучи,
Лия на простор благовонный елей.

3 апреля 2013

Один рубеж, другой рубеж,
И поздний впереди.
«Прекрасной дамы» цвета беж
Живая тень в груди.

Цветет миндаль в углу окна,
Качаясь на ветру,
Сияет полная луна,
Теряя свет к утру.

А сна как не было и нет,
Рассеян лампы луч.
И опускается рассвет
На парашютах туч.

Судьба тевожна и скупа,
Но я и этой рад.
Ликуя, празднует толпа
Чужие числа дат.

А мне в достатке слова - плоть,
Пока молчит звонок.
И свет, что выделил Господь
На весь короткий срок.

11 апреля 2013

*ПО НАЛЕДИ КЛАВИШ
СКОЛЬЗЯЩИЕ ПАЛЬЦЫ*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Жизнь рассеяна пеплом по полю,
Ветром медленным унесена,
То ли в радость, а то ли в неволю,
В незнакомые, суть, племена.

Где-то там, на краю горизонта,
Где мерцает во сне- не во сне
Смутный призрак забытого Понта,
Что когда - то пригрелся мне.

Винограда лоза золотая
И червлёные ветви дерев,
Где ты кружишь, всегда молодая,
Среди легкого кружева дев.

Где играет чуть слышно виола,
И виола цветет у окна,
Где я в лепете нежном глагола
Узнаю не свои времена.

Где туманно, отрадно, надёжно,
Где покоя клокочет родник,
Где тебя не любить невозможно
Весь, подаренный вечностью, миг.

14 апреля 2013

Страх смерти пережит,
Боль жизни пережита.
Где умер Вечный Жид,
Умельцы сеют жито.

А рядом вдоль межи
Снуют больные птицы
Среди колосьев ржи,
А может, чечевицы.

И мошкара вокруг
Им следует усердно.
За что ты, милый друг,
Ко мне немилосердна.

Зачем за соль и хлеб
Избыточная плата.
В трагедии судеб
Судьба не виновата.

Нас скопом разметет,
Рассеет и осудит.
Сплетет и расплетет,
А позже позабудет.

18 апреля 2013

Ну что мне до разбитого ковчега,
До суеты мизерного вождя.
До майского серебряного снега,
И до февральского промозглого дождя.

До ваших пряных игрищ и разборок,
До петушиных розничных боев,
Мне надоел ваш пролетарский морок
И морок тусклых, полумертвых слов.

И жечь убогих песен и разгадок,
И пляски комариные рабов.
Европы нет, а есть ее упадок
И строй имперских вапленных гробов.

Чего же я над этой мутью плачу,
Над королевской немощной четой,
А не над тем, что ничего не значу
Под мировой расплывчатой чертой.

21 апреля 2013

Зазывает зазывала, - поживи еще немного,
Поцеди в таверне пиво или лучше в кабаке,
В этой жизни невеликой от порога и до Бога,
Или лучше до тумана, что сереет вдалеке.

Я, конечно, не отвечу, самому пожить охота,
Посмотреть луне в гляделки сквозь волнистое пятно,
У меня еще не слезла с праздной мысли позолота,
У меня еще в стакане не отсвечивает дно.

Вот я рою жадно яму для мыслительного древа,
Вот веду по трубам воду к невысокому стволу,
Помогает в этом деле мне мерцающая дева,
А потом со мной садится к оловянному столу.

Как свежи и красны розы вдоль заката у калитки,
Как разумен птичий гомон у открытого окна.
И ползет со мной попутно жизнь со скоростью улитки,
Только Богу издалека неотчетливо видна.

26 апреля 2013

Рад, что веришь между делом
В то, чего на свете нет,
И выводешь рыхлым мелом
Мой остаток здешних лет,

Раздробя его на части,
Не ведешь деталям счет,
На доске червоной масти
Превращая нечет в чет.

Ты трудна и бесконечна,
И расчетливо темна,
В жаркой схватке быстротечна
Недосмотренного сна.

Акт рассудка неминуем,
Срок вины неуловим.
Между жадным поцелуем
И неведеньем моим.

Руки плавают по коже,
Гаснут бронные огни.
Боже ж мой, как не похожи
Сны на прожитые дни.

1 мая 2013

Угадай, не угадаешь.
Понимая, не поймешь,
Где нашел, там потеряешь,
Как ты сущности не множь.

На столе стоит посуда,
В ней - багровое вино.
Я вернулся, а откуда
Ведать грешным не дано.

Справа молится Иуда,
Слева делят города,
Мне хватило бы пол чуда
Видеть это никогда.

Ни урода с желтой пряжкой,
Ни лакея в зипуне,
С незатейливой дворняжкой
На засаленном ремне.

В чем мы, Боже, виноваты,
Понимая не поймешь.
Сон, пустырь, ума палаты,
Тайной жизни страх и дрожь.

8 мая 2013

Ты - камень холодный и тесный,
Дежурная жертва молвы,
В излете судьбы неуместной
Я верую в это, увы.

Навылет - и жесты, и речи,
И эхо их ранит опять.
И крестные знаки предтечи
Уже не дано понимать.

Звезда пролетела и пала,
И брызги на дне рукава.
Мне жизни отмеренной мало,
И в этом ты тоже права.

И все же меж явью и бредом
Повенчано счастье с виной.
Мне зов твоей нежности ведом
Прощальной, короткой, земной.

11 мая 2013

Катится время, тяжелым катком
Судьбы ровняя, дома, терема.
Я с этим миром давно не знаком,
Он для меня - теорема Ферма.

Чья это воля, и чья это власть,
Чье это действие навывлет, насквозь,
Мне в эту реку не выпадет впасть,
Я с этим миром нечаянно врозь.

Еду ли, плачу ли, пряжу пряду,
Клею ли жизни разбитый сосуд,
Я никогда никуда не дойду,
Где бы царил человеческий суд.

Мир ограничен движением рук,
И поворотом твоей головы.
Сквозь эту сталь не протиснется звук,
Плотны гранитные стены молвы.

Радости всей - различимая тень
Солнца, живущего там, за стеной.
Да не оборванный выстрелом день,
Да еще ты у меня за спиной.

14 мая 2013

Пора вернуться на Итаку,
И там вдыхать летейский шум,
Туда, где верой служит мраку
Еще наш просвещенный ум.

На дне житейского разлада,
На сшибке полночи и дня,
Где невзначай мелькнет рулада
Из несгоревшего огня.

И зазвучит легко и грешно,
Еще затейливо вполне,
Чтоб стало жарко и утешно
Не только мне,

А тем, кто жив еще случайно,
И тем, кто мертв не до конца.
Чтоб миг еще продлилась тайна
Во имя сына без отца.

И этот жар еще доведет,
До вспышки душу доведет.
И выживет, кто не умеет,
А кто умел - наоборот.

15 мая 2013

На мрак и свет помножена душа,
Но дважды два не отражают сути,
Мне выдал Бог в дорогу пол гроша,
И счастье жить свободно в полусмуте.

Где Брейгель почивает на стене,
Висит брегет, считающий эпоху,
Короткий век проходит в полусне,
Подсудный на земле царю — Гороху.

То он проедет мимо кабака,
Где я сижусь с бокалом у камина,
А то придет с пакетом дурака,
А то с ружьем усатого кретина.

И суетись, в присутствие беги,
Пиши отчет о первородстве духа.
А как писать, коли кругом враги,
Да, глянь, с косою горбатится старуха.

Ну ничего, напишешь и живешь,
Опять в кабак, а хочешь и в дорогу.
Ты сколько эти сущности не множь,
А пол гроша вернешь обратно Богу.

19 мая 2013

Ночь. Полнолуние. Звезда,
Рука в руке. Душа едина -
Как с черным берегом вода,
Как джин и лампа Алла - Дина -

С тяжелым куполом небес,
С огнями высоко над нами,
Тропой, ведущей в горный лес,
И храмом древним с куполами.

И с той надмирной тишиной,
Текущей нас куда- то мимо.
И над тобой, и надо мной
Из глубины ночного Рима.

Игрет скрипка, чуть слышна,
Сверчок ей вторит небезтактно.
Как ночь тиха, как «ночь нежна»,
И безымянна и абстрактна.

Молитвы звук легок и глух
Под крестным знаком зодиака.
И замирает робко дух
Пред чудом явленного мрака.

20 мая 2013

Душа побурлила, попела, устала.
А день продолжался, дышал и не гас.
И сердце стучало о сферу металла,
Давно разделившую надвое нас.

В руках твоих розы багровые тлели,
Улыбка скиталась, как тень по лицу.
Качались без нас на пригорке качели,
И бабочки бурно теряли пыльцу.

И времни было на это навалом,
И оба мы были когда- то родны.
И ты подлетала в зеленом и алом,
Чтоб видеть в упор вожделенные сны.

Как скрипка играла ночного разлива
Мелодии тех, кто невидим из тьмы.
Березы стояли и косо и криво,
Смотрели, как медленно кружимся мы.

Стрекочут кузнечики пьяные трели,
Луна, что в полнеба, катится легка.
Ах, как хорошо, полетали, попели,
Пора собираться и за облака.

23 мая 2013

Ничего и не случилось, просто птица прилетела,
Повертелась, покружила, поиграла на трубе,
Но расплывчатое тело замахало неумело
Позабытыми крылами и отправилось к тебе.

День проходит, жизнь промчалась,
А его все нет и нету, и не выпадет найти,
Жалко только, эка малость,
Что душа, летя по следу, не запомнила пути.

Мне без них, конечно, грустно,
Иногда тоска такая, что и водкой не залить,
Я пишу бродягам письма, но желательней бы устно
С кем-нибудь из них подробно о судьбе поговорить.

На окне труба стареет, пыль на золото налипла,
Птицы носятся чужие, то снаружи, то внутри,
Пыль ладонью вытираю, подпеваю птицам хрипло,
Все не сплю и жду чего-то вне заката и зари.

27 мая 2013

Трень, да брень, да пол глотка
Темно - бурого вина.
Жизнь, считают, коротка,
И, наверное, одна.

А кругом идет война,
Сто давлен на ходу.
Мало видно из окна,
Только клочья какаду.

Только выстрелов хлопки,
Только - «цвирк» от черных плит.
Телефонные звонки,
Что еще один убит.

С кем без ведомых причин
По кочевьям кочевал,
С кем работал за почин,
За начало всех начал.

Ах ты, Боже, ну ты- круты,
Вдрызг разбитое стекло.
В бездну капаят минуты,
Истекло не истекло...

31 мая 2013

Я покупаю время, обычно на местном рынке.
Туземцы его не ценят и продают за гроши.
Купленное усердно делю на две половинки,
Первую - первым встречным дарю на помин души,

В другой, что себе оставил, три наших коротких минуты,
Недолгое полнолуние вдоль полусухой травы.
И птица, что прилетала, скинув медные путы,
Тайно от всех на свете, мимо мирской молвы.

Там золотая осень, ложе на дне оврага.
Запах полыни терпкий, красной рябины вкус.
И в этой нездешней доле тускло мерцает Прага
В раме обвивших шею темно-багровых бус.

В этой россыпи - нету праха от черт глагола,
Знаков вопроса, или - точек или тире.
В ней я свободен от власти здешнего полумонгола,
В самом любом, из сумрачных, месяце холодобре.

Ах, как замирает сердце, бедный птенец дрожащий,
Когда я перебираю этот купленный хлам,
Только ко мне навстречу звуком глухим звенящий,
Скрипом тугим по коже, музыкой по губам.

1 июня 2013

Смотри, в руке горящее железо
Прожгло ладонь до самое кости
В тональности мажорной - до диеза,
В веселой роли шлюхи травести.

Ну что вы наострили сонно очи
На скучный быт отшельника во сне,
Как жаль, что не хватает, аве отче,
Гвоздями быть приколоченным к луне.

Не в силах жить, не вправе позабыться
На век - другой от жеваных забот,
Я по ночам читаю ваши лица
И знаю их уже наперечет.

Так что с того, что память одичала
От схожести с толпой бесцветных рож,
Я столько раз жизнь начинал сначала,
Не каждый раз испытывая дрожь.

И на краю очередного бреда,
В обнимку с суррогатом пустоты,
Я тщетно жду закон от Никомеда
В котором «квадратура круга» - ты.

12 июня 2013

Как хочется пить, а кругом - вода,
Как хочется жить, а кругом - смерть.
И сквозь меня натянуты провода:
Один провод - сметь, а другой - не сметь.

Только тронь, и каждый искрит,
А если замкнуть, не сносить головы.
Хорошо, что есть на земле этой остров Крит,
На расстояньи доступности от Москвы.

Птицы кричат, море шумит.
Ор куропадок визглив и груб.
Журчит родник из - под мраморных плит,
Так бы и выпил все, не отрывая губ.

Кто я, кому пригодился на час,
Тужится небо, рожая темь.
И что с того, что я еще не погас,
Часы считают - девять, восемь, семь...

14 июня 2013

Заворожила меня ты когда - то,
И погрузила в житье – нежитье
Под почерневшею аркой Арбата,
Там, где решетки мерцало литье.

Пали империи, время остыло,
Мыши с лягушками держат бои,
Слово и звуки пустили на мыло,
С ними и все заговоры твои.

Что же мне грезится справа и слева,
Вместо развалин и лязга мечей -
Белое платье твое, королева,
Отзвук твоих несказанных речей.

В давнем бреде нахожу себе место,
В нынешнем тленьи – таинственный жар.
Так и не стала женою невеста,
Так и остался нетронутым дар.

Кружится в воздухе плавно накидка,
Падает луч, зазвенев, на кольцо.
Жду, замирая, что скрипнет калитка,
Память прольется шутя на крыльцо.

10 июля 2013

Под то ли «трень», а то ли «брень»,
Поперек, и вдоль, и в бок,
Жизнь прошла как будний день,
Словно дождь в сухой песок.

На окне горит герань,
Рядом спину выгнул кот.
Вот она, святая грань,
Перелет, как недолет.

Жил как все, глотая пыль
Под слепую канитель.
То ли небыль, то ли был -
Акварель, пастель, постель.

Никому кричит сова,
Незачем горел, дымя,
Дар потратил на слова,
Между датами двумя.

Оказалось - дело дрянь,
Нас подвел негласный звук.
В никогда, куда не глянь –
Тот же съезд в обратый круг.

17 – 30 июля 2013

В день получения Книги от Юрия Ханона

Начнем обратный круг, уже в который раз,
И снова не дойдем до смертного конца,
Закончит хоровод движение без нас,
И бабочку стряхнет летящая пыльца.

Приходит наугад самсары перепев,
Воздушен и легок, затейлив, как трава,
Опять разинул пасть одну двуглавый лев,
И скрылась в ней моя другая голова.

Что в имени моем тебе или ему,
Я мимо пролетел моей чужой страны,
Успев набить ботвой железную суму,
Под дробный звук псалма и бляенье зурны.

И вот опять сижусь за праздничным столом,
И яства лезут в рот ликующей толпой,
Мне, выпив, закусить опять сегодня влом,
Особенно сейчас, особенно с тобой.

Лежит тяжелый том, и давит мне на грудь,
Как давит на поля тяжелый небосвод.
И все же я скажу, совсем не в этом суть,
А в том что кто-то ТУТ из ТАМ уже живет.

31 июля 2013

Собираются птицы и готовятся в путь,
Вот и ветер сорвал пожелтевший листок.
И, наверное, в этом разгадка и суть,
Возвращаться, сторев, все равно на восток.

Я на шею повешу обыденный крест,
Замотаю поверх одноцветным платком.
И отчалою от этих мучительных мест,
Жаждой жизни тугой в неизвестность влеком.

Пусть без нас по ночам колобродят дожди,
И без нас по зиме заневестится снег,
Пусть без нас хороводят больные вожди,
И в грядущий продлят недопреданный век.

Что- то горло першит, что- то глаз на слезе,
Вынес свой приговор человеческий суд.
Вот и нету мне места в российской Ганзе,
Где в цене и в ходу лишь купеческий зуд.

9 августа 2013

Но кому - то ведь надо играть на дуде,
И кому - то потребно не думать о днесь.
Вот кувшинки плывут по стоячей воде,
И на дно оседает небесная взвесь.

Вот цикады играют несбывшийся звук,
И под гомон цикад улыбается свет,
Мне обнять этот взгляд не хватает невидимых рук,
Мне вернуться в мой век не хватает медлительных лет.

Все равно, как не бейся о пламя лихой мотылек,
Как не падай, спалив свой возможный полет,
Я опять у прозрачных, летящих по воздуху ног,
Разрывая желанную сетку волшебных тенет.

Я бы сам, как и вы, погулял по стране,
Я и сам бы, как вы, помахал бы мечем,
Но какой-то мотив отзывается глухо во мне,
Но какое-то эхо живет у меня за плечом.

И опять я молчу, никому невпопад.
И опять я дышу, наклонясь над луной.
И опять улыбается свет мне под лепет цикад,
И смеется душа, запрокинув лицо надо мной.

25 августа 2013

Все реже снятся луговины,
Все чаще снятся облака.
И тянутся их пуповины
В закат впадая, как река.

Мне жаль, что жизнь прошла напрасно,
Что смерть мелькает по ночам,
Что тайна страха неподвластна
Моим невидимым очам.

Что рокот времени всемогущ,
Мешает быть и не иметь.
И слово из медеплавлен
Опять переплавляют в медь.

И горы те металлолома
Сдают в лабазы за гроши.
Витает призрак управдома
«В обломках пушкинской души».

А было, вроде бы, намедни,
Являло слово призрак дум,
И паузой мирской обедни
Легко глушило власти шум.

13 сентября 2013

Елизийские поля, елизийские туманы,
Тени музыки и слов между призраками дат,
Здесь такая же луна, обходя лучом поляны,
Совершает свой вечерний и неспешный променад.

Мой элизиум не пуст, замощен, гранит по краю,
Полон запахов и звуков, и оборванных речей,
Я брожу в тени деревьев по задумчивому раю,
Находя свою дорогу, но без помощи очей.

Где- то рядом стонет ветер, ветви теплые лаская,
Чей- то шепот вторит стону, обрываясь на лету,
Здесь давно уже на свете нет ни августа, ни мая,
Только контуры улыбки сквозь туманную версту.

14 сентября 2013

Что - то ветер развылся некстати,
Что - то кошка не пьет молока,
Я летаю один на кровати,
Никого не забывший пока.

Я верчу наобум головою,
Над Варшавой считаю кресты.
И над Пизой, отчасти кривою,
Огибаю прямые мосты.

И Арно непрозрачные воды
Еле слышно плывут за спиной.
И зачем мне избыток свободы,
Беззаботно летящий со мной.

Вроде жил бы и беден, и жалок,
Как и должно любому рабу.
Мне хватило бы кресел - качалок,
Чтобы полнить восторгом судьбу.

Но летаю и мыслю, однако,
Жизни праздной своей вопреки.
Под свицовой звездой зодиака,
И над топью летейской реки.

17 сентября 2013

Боже, зачем я пришел в это жрало и чтиво,
Что я здесь делаю, годы соря.
Губы приклеив к прокисшему пиву,
Очи уставив в «бу-бу» букваря.

Лютики, бублики, братина кваса,
Ночь или утро, века как века,
Белая, черная, желтая роса,
Впрочем, одна для меня, дурака.

Вот времена и сменили пластинку,
Баха рубали, гоняют чай,
Суть растопили как малую льдинку
Жаркие руки и губы твои.

Что мне осталось до крайнего срока?
Доразмотать Ариаднину нить.
Песню запомнить, что пела сорока,
Да и свою не забыть добубнить.

28 сентября 2013

В одном краю несбывшиеся дни,
В другом краю несбывшиеся ночи.
Но ты меня, встречая, не вини,
Не прячь в слезу мерцающие очи.

Пустая трата времени и слов
Внушать тебе, что быть могло иначе.
Не вышел из меня ни врач, ни богослов,
А так, скорбящий раб полуудачи.

Налей мне не вина на посошок,
Не пиво до краев согласно правил,
А тот озноб и тот короткий шок,
Что вывернул меня и переплавил.

И я вдохнул твою больную суть
Из смеси страха и животной лени,
И положил в распахнутую грудь
Слепую тень твоей незрячей тени.

Я прожил век в удобной слепоте,
И в должный срок и глохну, и немею.
Застывший призрак в пляшущей толпе
Под музыку, что быть могла моею.

4 октября 2013

Снова время пахнет Доном, белым Доном.
Мы уходим под знаменами потерь,
Прощаться не успев с родимым домом,
Не успев закрыть распахнутую дверь.

Вот и роща догорает золотая,
В тех краях, где белой гвардии кресты.
Машут лебеди крылами, улетая
Из прощальной и прозрачной высоты.

Не печалься, моя милая, не надо,
Это память набегает как волна.
Долетят когда - нибудь до Цареграда
Безымянные и наши имена.

Все мы дети очарованные бреда,
Все мы пасынки свершений и удач.
Вышла боком нам великая победа.
Дым империи, и горек и горяч.

10 октября 2013

Кричит петух, собака лает.
Вокруг никто не умирает,
У самой жизни на краю
Здесь день и ночь живут в раю.

Вокруг в тени густого сада
Свисают грозди винограда,
Срывай и ешь, а хочешь, пей,
Среди дерев журчит ручей.

Летают птицы алой масти,
Здесь места нет червонной страсти.
Здесь тишь, да гладь, да благодать.
Зачем же станет помирать.

Лишь иногда война случится,
Да мрачных мыслей вереница
Закроет разум иногда.
А в море смоем города,

Потом на гребне Арарата
Ковчег отыщется когда-то.
И жизнь продолжит кое-как
Опять какой-нибудь дурак.

Сижу, смотрю на это диво
Вторую вечность терпеливо.
Среди потопа и войны
При свете мертвых луны.

17 октября 2013

Что с того, что взял да умер,
Что с того, что нет меня.
Телефонадохлый нумер
Не звонит уже полдня.

Не приходят пить соседи
Ароматные чаи,
Стал мой лик оттенка меди
И игристого «аи».

Вот в окно влетела пуля.
Стала ты бела, как мел.
Я сижу себе на стуле
Беззаботно, как сидел.

В два часа тарелка супа,
В восемь ровно апельсин.
Позже есть довольно глупо
Средь отеческих осин.

Позади большое дело,
Позади мешок забот,
Дремлет жертвенное тело,
Исторгая жизни пот.

22 октября 2013

Тенью мысли двигать сушу,
Эхом слова править век,
Научил больную душу
Безразличный человек.

И в пределах той науки,
Или лучше ремесла,
Я тесал, как камни, звуки,
С упоением осла.

Но случилось, что случилось.
Звуки кончили звучать.
И попала божья милость
Под сургучную печать.

В милосердии - прореха,
В прежней светлости - дыра,
И еще похлеще века -
Смена выгодой - добра.

Хорошо, что жизнь пуглива,
И за это ей дано -
Молча плыть среди залива,
Изучая глазом дно.

25 октября 2013

По морю тихо блуждает волна,
И свиристели стрекочут в полях,
Были и хуже в миру времена,
Где верховодили воля и страх.

Что же я стыну в разливе тепла,
Что же мне птица талдычит о том,
Что эта жизнь не была и сплыла,
Только и было, что будет потом.

Кто-то сыграет на дудке моей,
Кто-то подплачет не в такт и не в лад,
Кто-то доносит из прожитых дней,
Мной недошитый червоный наряд.

Где же ты, та, что меня берегла,
Та, что не стала однажды судьбой.
Мир, что дышал от угла до угла,
Был переполнен до края тобой.

Ветер, туман, полумгла, полусон
Тенью твоей полускрыт у окна,
Бережно гладит усталый Язон
Выцветший клочок золотого руна.

3 ноября 2013

Тяжелая луна и грозди винограда,
И теплое вино в замедленной ночи,
Еще душа тебе невыносимо рада,
В присутствии живой, не гаснущей свечи.

Летучей мыши тень, кричит сова протяжно,
И клавиши журчат по склону темноты.
И что там за окном, по существу, не важно,
А важно, что в саду еще живут цветы.

Еще глаза полны невыплаканной влагой,
Еще рука скользит по робкому плечу,
И ты со мною в лад колдуешь над бумагой,
Которой я судьбе пожизненно плачу.

Ни прошлого, ни дат, ни будущего нету,
Не жду, не тороплю чужой и тусклый век.
Качает зыбкий мост, ведущий через Лету,
И этот звездный дождь, и влага возле век.

10 ноября 2013

По печали почаевичать пора,
Да слепить из полужеста полувздых,
Хватит мне заботы этой от утра
И до вечера и дале, видит Бог.

Ты мечом картонным резво не маши,
И за все мои просчеты не пеняй,
Тут такой озноб в простуженной глуши,
Даже прошлое с тобою будет рай.

Я налью бокал продрогшего вина,
Спелой гроздью винограда закушу.
А на дне бокала - теплая вина,
Реже каюсь я, чем счастливо грешу.

Нам останется от встречи уголек,
Может, пепел, может, тусклая зола.
Да еще мои печали между строк,
Догорая, не сгоревшие дотла.

11 ноября 2013

Обложило время ватой,
Глухота заткнула рот,
И никто не виноватый -
Ни бароны, ни народ.

И сидишь себе в берлоге,
Лапу сладкую сосешь,
Над берлогой - бандерлоги,
А над ними - медный грош.

Кто по тюрьмам, кто в опале,
Кто в телеге, кто в седле,
Этим - кнут, а тем - медали -
Все, как должно на земле.

Было - наше, стало - ваше.
Червям пики нечем крыть.
Жаль, что в пору (этой краше)
Нам с тобой не станет жить.

20 ноября 2013

Душа, не спи и не дрожи
Пред этой пустотой небытия,
Пока иду вдоль медленной межи,
И за которой я - уже не я.

Вот справа - куст, а слева - водопад.
А дале - дол и ровное жнивье,
И черное пятно бредущих стад,
И мир, где все мое, что не мое.

Где нету только власти и дорог,
Где нету городов и королей,
Где крив и ярк золотистый дрок
Среди уже оставленных полей.

Где нет тебя, дарившей чудный сон,
Уже не здесь, хотя еще не там,
Как резок крик кочующих ворон
С крылом открытым стынувшим ветрам.

Благослови, мой каждый смертный час,
И не разрушь мгновения навзрыд,
Ведь кто-то вспомнит уходящих нас,
Кто минул праздно подневольный быт.

26 ноября 2013.

Помолюсь над тобой, посмеюсь и поплачу,
Жизнь прошла стороной, обманув естество,
Что сулила рабу золотую удачу,
Ну а вольной судьбе не дала ничего.

Кроме скучного сна или полупокоя,
Дар не выскочить – вон - на крутом вираже,
Да еще, где горела и плавилась Троя,
Пару комнат «на нашем шестом этаже».

Еще держит рука в рукавице – железо,
Направляя вперед от себя острие,
И сочится душа из живого пореза
Прошлой жизни, конечно, во имя Твое.

Собираю пожитки, сажаю побеги герани,
Золотистой агавы живую и сочную плоть,
И ловлю равновесье на этой невидимой грани,
Что провел сквозь меня мимоходом Господь.

27 ноября 2013

Дом налево, дом направо,
Посреди границы след.
Там - Христос, а здесь - Варавва,
И пути другого нет.

Отчего же вдруг в избытке
И обиды и вины.
Две открытые калитки,
Две закрытые страны.

Ходит - бродит тело божье
Средь окраин и столиц,
Что ему до бездорожья,
До бессмысленных границ.

Мы сидим с тобой, до света
Балабоним невпопад.
Ни ответа, ни привета,
Что такое этот ад.

Птица шумно пролетела,
Не привыкшая к труду.
Коль зарыто в землю тело,
Что же мучают в аду?

3 декабря 2013

40

Две войны идут во мне,
Две войны идут во вне.

Жизнь со смертью делят плоть.
Так сложил дела Господь.

То одна осилит в схватке,
В свой черед другой не сладко.

Бой с свинцом и без свинца
До победного конца.

4 декабря 2013

Темнеет утро, ночь белеет,
В тумане светел призрак дня.
Жалейка ласково жалеет,
Жаль, что жалеет не меня.

Дымится смутная дорога,
Переходя в живую даль,
Я столько лет таил от Бога
Свою привычную печаль,

Что смерти сон ежевечерне
Являлся, странен и тяжел,
В котором, раяя плоть о терни,
Как птица бился мой глагол.

И замирая, до рассвета,
Я бредил сумрачной виной,
И только рыжая комета,
Смеясь, горела надо мной.

И вот пропало сновиденье -
В пространстве где-то между строк,
Где жил короткое мгновенье
Любви нечаянный глоток.

5 декабря 2013

Преодолеть тяжелый век
Не вышло до конца.
Он проникал сквозь толщу век
Без слов и без свинца.

Он занял мой грошовый быт
Войной идеей и рас,
В которой не был я убит,
Но ранен и не раз.

И вот - торжественная часть,
Небывшего итог,
Одних крестов сплошная масть,
В червях лишь сон и Бог.

Горит камин, течет вино,
Мерцает дно на дне,
С той стороны, разбив окно,
Влетает страх ко мне.

Что прожил прошлое не я,
С кривой звездой во лбу,
А смертный гость небытия,
Похитивший судьбу.

И ничего не изменить
В юдоли неземной.
Нить Ариадны - только нить,
И выход - за стеной.

17 декабря 2013

Но ведь должен же кто-то следить за полетом шмеля,
Или просто смотреть на встающую в небе большую луну,
И внимать, как вращаясь, дрожит и колеблется еле земля,
Предвещая опять, но не мир, а грядущую в гости войну.

Но ведь должен же кто-то смеяться во сне ни о чем.
И латать, просыпаясь, разорванный купол небес.
Или жить как живут, кто обыденным днем увлечен,
Без высоких страданий и низменных помыслов без.

Бог подвесил весы и качаются полные чаши, летя,
На одной - суета, на другой - неказарменный быт,
И смеется и плачет опять без причины дитя,
И опять возвращается в память, кто был позабыт.

Так блаженствуй, не правь, не спеши умирать,
Присмотрись, как растет запорошенный шорохом сад.
Как ложится обильно на бедную землю, кружа, благодать,
Как витает надежда над верой и нежностью над.

23 декабря 2013

День прошел стороной.
Тень его позади.
Ночь летит надо мной
Со свечою в груди.

Пламени трепетен свет,
И различим едва,
Только ему в ответ
Я нахожу слова -

Слышишь, открой уста,
Крика роди звук.
Жизнь без тебя пуста,
И без твоих рук.

Что мне тебе сказать,
Чтобы взошли глаза,
Чтобы текла благодать,
Или хотя бы слеза.

Свет не моих очей,
Ставший моей судьбой.
Сколько еще ночей
Быть без тебя с тобой.

26 декабря 2013

Простите мне серьезный слог,
Печали тусклый свет,
Моей вины в том, видит Бог,
Поверьте слову – нет.

Я слишком мало прожил дат,
Торя за годом год.
И пуст мой дом, заброшен сад,
Ворота без ворот.

Сидит ворона на суку,
И вертит головой,
Дано мне было на веку
Не быть самим собой.

А кем- то вроде никого.
Расплывчато вполне.
Неверным другом дурново
И тайным делоне.

Слегка бунтующим рабом,
Любившим чай и ром.
Еще божественным ребром,
Оставшимся ребром.

2 января 2014

Мясо, кости, шум дождя,
Ветер, бронза, рокот струн,
Есть у брачного вождя
На пиры двенадцать лун.

Вот он в длань берет пращу,
Вот он вывернул плечо,
Кровь стекает по плащу
Медленно и горячо.

Что сказать тебе не в ор,
Чтоб пробить свинцовый лоб,
Этот век - палач и вор,
Меньше вор и больше жлоб.

Разведи ладони глаз,
Размахни крыла невстреч,
Загляни на этот раз,
Где на дне мерцает речь,

Лавой движется дымя,
Освещая грешный путь.
Сумасшедшим помни мя,
Прочим - напрочь позабудь.

3 января 2014

47

Чем ближе, тем дале,
Тем воздух больней.
Я весь на медали
Непрожитых дней,

Все смыслы иначу,
Нажиться спешу.
Смеюсь или плачу,
Грешу как дышу.

17 января 2016

Хвала окрестностям судьбы,
Где тень и сумрак палисада,
Где мы - грядущего рабы -
Без колебаний и разлада.

Где неделим на самом дне
Зовущий призрак полубога.
Брелок на розовом ремне
За сон и вечность до итога.

Брабантский бант и целый миг
Нечеловеческого взора,
И вырванный из смуты лик
Послевоенного разора.

И дрожь и краска на лице
В святое время лихолетья.
И ветка вербы на крыльце
И обморок на полстолетья.

Летящий по ветру платок,
Ладонь, примерзшая к металлу.
И тот взамен судьбы поток,
Несущий оптом нас к финалу.

5 января 2014

Стало проще, стало строже,
Жизнь зеркальна и нова,
Снова солнце ближе к коже,
И задумчивей слова.

Ты по клавишам бежала,
Для судьбы живой мотив.
Но судьба ладонь разжала,
Сон сомнением перебив.

И легко дышать устало
От нелегкого труда.
Вновь летает, что летало -
Небо, воздух и вода.

И опять вина и страхи,
И опять слеза в руке,
И, гляди, парят рубахи,
Вновь от тела вдалеке,

От его живого груза,
Без тебя и без меня.
Где кружит хромая муза,
Улыбаясь и маня.

8 января 2014

Предчувствие Бога мерцает в груди,
Как солнце пред краем Востока,
Предчувствие смерти еще впереди,
А впрочем, уже недалеко.

Вот голубь на крыше привычно гулит,
Вот ласточка воду задела.
Скатилась слеза синеокой Лилит
И жизнью наполнилось тело.

Но если коснуться изменчивых губ
Придется тебе ненароком,
Финал предначертан, печален и груб
Рожденного даже пророком.

Вот ржавая ветвь виноградной лозы
Свисает с январского древа.
Спасибо за тайную влагу слезы,
Что Вы подарили мне, дева.

За Бога предчувствие, трепет и за
Благое неприкосновенье,
И то, что катилась по сердцу слеза
Короткого века мгновенье.

9 января 2014

Не терем, не сад, а свобода,
Мгновения медленный быт.
Под синим пятном небосвода,
Под музыку легких копыт.

Зачем ты так больно смотрела,
Зачем торопила коня,
Зачем непокрытое тело
Летело, маня, от меня.

Как шарф развевался нарядно,
Как солнце палило лицо,
Зачем ты, смеясь, Ариадна
С руки обронила кольцо.

Катилось оно и звенело,
Влекло, ворожа, наугад,
Но солнце остывшее село,
Висевшее вечностью над.

И сумрак окутал дороги,
И в памяти стерт силуэт.
Лишь музыка сна и тревоги,
Что радости чайной нет.

22 января 2014

Вчерашний день – моя награда,
Но день грядущий – царь и бог.
СлавкОвский лес Мариенбада
Бубнит свой праздный монолог.

Там, на краю, в кольце дубравы
Колеблется, мерцая, скит.
Где были оба мы не правы,
Разбив о быт верховный Быт,

Где плыло, таяло и пело
С одной душой на долгий миг
Четырехрукое земное тело.
Четвероокой светлый лик

Зачем - то жил в огне и гнече,
Зачем - то мерк потом, дымя.
Зачем - то надо было деве
Распять тогда на солнце мя.

Что пережил я. Бога ради,
Чтоб не сойти опять с ума,
Сожгите прошлые тетради.
В них только морок и чума.

26 января 2013

Как этот мрак разбавить светом,
Как эту глушь озвучить в речь.
Как этот снег расплавить летом,
И тайной властью пренебречь.

Мои тебе туманны требы,
Ты тянешь руки мимо рук,
Я слышал эхо речи Гебы
И мне противен здешний звук.

Звук разрываемой аорты,
Звук веры истовой чем гром,
Растущий звук безумной Порты,
С ее всеущим топором.

Над тем, что плакало и пело,
Над тем, что горше чем тоска,
Над совестью - белее мела,
Над честью - с пулей у виска.

И все равно во тьме и страхе,
Чья власть верховна на земле,
Давно живущий, ако в прахе,
Азм есмь, «умре, но истле».

26 января 2014

Я приглашен был, сударь, вами
В живую жизнь и в целый свет
На роль шута в червонной драме,
В последний акт, в кордебалет.

Как я играл, как плащ был ярок,
Как бубенцов был бешен звон.
Играл полвека без помарок
На свой особенный резон.

Как жаль, что не было партера,
Что сам театр сгорел давно.
Что на дворе стояла эра
Посттеатрального кино.

Царили там цари попроще,
Царицы бацали, лихи.
И коз пасли в священной роще
В холщовых фраках пастухи.

И все равно – за все спасибо,
За жидкий чай, за крепкий ром.
За бенефис в грязи турксиба
И за гастроли за бугром.

27 января 2014

Звучи, звучи, нездешняя струна,
Питая слух неведомого толка,
Рожала звуки в муках тишина
В созвездье смуты, белены и волка.

Пусть этот мир давно сошел с ума,
Пусть этот век до мига укорочен,
Ты до меня услышала сама
Уключин скрип, окраин и обочин.

Я только дал неслышиму плоть,
Я только смел открыть глаза навстречу
Тому, что вычеркнул из сущего Господь,
В нем угадав насущного предтечу.

И эта тень окутала дома,
Умы туманом затемня до веры,
Плодя напевы, жесты и тома,
И прочие разумные химеры

Уже текущих в безысходность дней,
В мелькнувший знак финального пошиба.
Вот почему чем дале, тем темней
Гнилые воли Рима и Магриба.

25 февраля 2014

Тронуть клавиши опасно,
А не трогать – сущий ад.
Вы сегодня так прекрасны,
Мой весенний белый сад.

Занесли тебя метели,
Замели тебя снега,
Неужели в самом деле
Жизнь настолько дорога.

Не найду, так позабуду,
А не вспомню – не беда.
Столько лет я верил чуду,
Чуду праздного труда.

Из- под пальцев вьется строчка,
Прерываясь без конца,
А в конце мерцает точка
Из летецкого свинца.

Мой ковчег к тебе причален,
Плещет медная вода.
Так и буду беспечален
Вплоть до Божьего суда.

1 апреля 2014

То ли солнце стремится к югу,
То ли ветер доносит гарь,
Я скажу Вам, как старому другу,
Вы не правы, мой Государь.

Я ли не был Вам предан рьяно,
Я ли верой Вам не служил,
Я вставал до рассвета рано,
Здесьних мест удалой сторожил.

И мотался себе по кругу
В дождь и слякоть, в иную хмарь.
Я скажу Вам, как старому другу,
Вы не правы, мой Государь.

Я не ждал никакой награды,
Я не мерил медью шаги,
Как же нынче вежливо рады
Здесь и за морем Ваши враги.

То, что предали, Ваша милость,
Знать, такая моя стезя.
Жаль, что сердце, упав, разбилось,
Жаль, что склеить его нельзя.

4 апреля 2014

Вина не велика, полмузыки остыли,
И пара темных слов витают мысли вдоль.
Я сам себе судья, в чужом пространстве – «или» -
Еще влачу, шутя, затейливую роль.

Я Вам хотел сказать, но видно не сказалось,
А так себе стряслось и больше ничего.
Моя тугая жизнь - ничтожнейшая малость,
Такое де-грие безумного Прево.

А век уже убог, и страсти обмелели.
И тлеет день за днем корявая судьба.
И мечется мой дух в еще не робком теле,
И глаз еще слезит посередине лба.

Я вижу Вас насквозь до дна слепого рода,
И каюсь, что зашел не в гости, а в завет.
Конечно, это бред, но такова природа
Быть верным и живым и после здешних лет.

Качается ваш трон от северного ветра,
Качается мой свет в пространстве темноты.
И длится без конца спасительное ретро
Под полусон любви и шепот немоты.

11 апреля 2014

Что мнилось, то стряслось,
Что мнится, то возможно.
Все сросшееся - врозь
Кроваво и безбожно.

И рана все больней
От слова и булата.
И это наших дней
Реальность и расплата.

15 апреля 2014

Опускается вечер неспешно,
Гаснет солнце вдали за рекой,
Отчего же душа неутешна,
Отчего же тревожен покой?

Недоступное птичье наречье
Бередит мой рассеянный дух,
Что-то в гомоне том человечье
Различает встревоженный слух.

Вьется хмель посреди палисада,
Пахнет липой цветущей в саду,
И мерцает сквозь ветви Эллада
В неземном и печальном бреду.

Тронул ветер нечаянно струны,
Разбудив невзначай тишину.
Да, конечно, мы - вечные гунны
У рабов наших вечных в плену.

17 апреля 2014

Немного почвы, немного тверди,
Чуть меньше нежности и суеты.
И ты когда-то любила Верди,
А нынче больше - в саду цветы.

Мы вышли рано, хоть было поздно,
Но так случилось в плену времен,
Что было вместе, то стало розно
В игре кровавой войны племен.

Кругом - тюльпаны, на солнце - пятна,
Немного стыло, немного нет.
И все что случилось – невероятно,
За эту малость разбитых лет.

По капле влага ложится в землю,
Хрустят под гнетом умы и лбы.
А я, как прежде, молюсь и внемлю
Неясным звукам сквозь шум судьбы.

26 апреля 2014

Гостившим ТАМ - судьба благоволит,
Печаль нежней, а нежность не ранима,
Им легок путь от солнечного Рима
До сумрачных развалин пирамид.

Не надо тратить смертные часы
На стыд и страх, на несвободу духа,
И на мольбы о помощи главбуха
Купить ужо сатину на трусы.

И на комбайн для производства грез,
Визиги вервь на жирную похлебку.
И для себя же прочную веревку,
Коль не нашел ответа на вопрос,

Зачем ты жил и выбрал этот век,
С его разбоем, верой и не верой,
Где каждому дано неравной мерой
За равный грех, что имеет человек.

Гостившим ТАМ – оставлены – исход
Вослед уже остывшей Эвридики,
Да запахи бессмертной повилики
В последних дюймах у летейских вод.

28 апреля 2014

Желтеет день под солнцем юга,
Синеет ночь в лучах луны,
В непонимании друг друга -
Избыток веры и войны.

Я посмотрю сквозь Ваши очи
На желтый цвет, и синий цвет,
На самый край бездонной ночи,
Где еле виден Божий свет.

На то мерцание из мрака,
На то свечение из тьмы,
Где непробудно спит Итака,
Где будем врозь когда-то мы.

И попрошу немного страха
Налить в надтреснутый стакан,
Который пьет в лохмотьях Маха
С подругой вечной Морриган.

Мы сядем с ними молча рядом,
Нальем себе остатки сна,
Разбавив их любовным ядом,
И выпьем медленно до дна.

22 мая 2014

Я тело износил за годы в дым,
Я слово стер до самой кости,
Я рвался жить наотмашь молодым,
Теперь желанней душу соблюсти.

Раскинув сеть, поймать пяток угрей,
И пару пива на ночь приберечь,
Купив в ларьке дешевых сухарей,
Хлебать, забыв и музыку, и речь.

Соврали мне, что смертные вольны
В бессмертья находить какой-то толк,
Я сын войны и брат войны,
Мой близкий друг - простой тамбовский волк.

Чего же ты мне тычешь пальцем в грудь,
Чего талдычишь медленно и зря, -
«Тебя не для забавы выбрал Путь
В погожий день шестого сентября».

Я положил, - скажу, - на этот Путь,
Служить глухим - слепому не урок.
Я износил, и в этом суть,
Не только тело за медвежий срок.

24 мая 2014

Кире Прошутинской

Не так уж скверно время на земле,
Тьма не густа и ветер не свиреп,
Еще с тобой мы, кажется, в седле
В прощальной гонке с Удеб и судЕб.

Сожми ладонь, натянута узда,
И гулок цокот кованых копыт,
И наша путеводная звезда
Еще горит сквозь потускневший быт.

Еще ведет, мерцает и манит
Как в оны дни, как прошлое назад.
Еще под ноги стелется гранит,
И эхом отзывается закат.

25 мая 2014

Труден день и долог вечер,
Столько зим и столько лет.
Отправляет в путь диспетчер
Мой вагон на ЭТОТ свет.

Что у Вас? Как прежде, драки,
Мелких денег шум и гам,
Те же жирные бараки
По кисельным берегам?

Верховенство, верхоглядство,
Егеря и короли.
Тоже праздничное бля@ство
Посреди больной земли?

Снова делят свист и ветер,
Снова платят - что почем -
Снова скачет черный сеттер
У придурка за плечом?

Не за тем ли псом в раздачу,
Так манило и влекло?
Потому смеюсь и плачу
Сквозь вагонное стекло.

30 мая 2014

Пол Венеции - налево, пол Венеции - направо,
Впереди - немного моря и желанная стезя.
А вверху - зеленый облак плавно с грацией удава
Душит медленное солнце, мирно по небу скользя.

Ты плывешь в своей гондоле, зафрахтованной на сутки,
Я сижу немного рядом и немного вдалеке,
А меж нами воет сеттер в этом тесном промежутке,
Под рулады гондольера, что с хреновиной в руке.

Что же сразу не сказала, что небывшего не будет,
Отчего ты смотришь мимо и раскоса, и смугла,
Ты же бурно обещала: «Дженни друга не забудет»,
А не то, что не забыла, даже вспомнить не могла.

Так зачем же, встретив снова, тащишь молча по каналу,
Отчего собака воет, как по мертвому уже,
Отчего скрежещет днище, с мерзким звуком по металлу,
И о чем им вторит скрипка на последнем этаже?

2 июня 2014

Я не был долго в здешней кутерьме,
В разливе страха, праздности и сшибки.
А здесь, как прежде, молятся чуме,
Не поминая прежние ошибки.

Развратен век? Не более чем тот,
Что назван был «серебряным» когда –то,
И не кровавей бедственный народ,
Чем дети и Вандеи, и Арбата,

Чем мрачный Рим, насуплено скользя,
Что в нас живет, разрушен и недужен,
Здесь оставаться долее нельзя,
Но как оставить тех, кому ты нужен.

За что ты платишь, грешная земля,
Зачем кровавишь жертвенное поле.
Зачем раба венчаешь в короля,
Чей знак во лбу - Недоля и Неволя.

4 июня 2014

Дорога Венеция – Фриули
Дом открыт, разбиты двери,
Заколочено окно.
Мне понятно в должной мере,
Жизнь закончилась давно.

Вот рулю по краю склона,
Вот ущелье и скала,
По границе небосклона
Туча хищно проплыла.

Раз вираж, другой и третий,
С визгом служат тормоза,
Мер не ведают столетий
Ни дорога, ни гроза.

Под колесами покато,
Дождь дорогу плавит в медь.
Хорошо, что не крылато
И не хочется взлететь.

Торможу себя до стопа.
Есть еще со страхом связь.
Дура старая Европа
Рядом крестится смеясь.

9 июня 2014

Век прошел, другой в полете,
Бедный зрак колдует свет,
И кричит на нижней ноте
Прямо в ухо буква «зет».

О бессмысленном итоге
В бальном зале шалаша,
И о том, что на пороге
Проступает буква «ша».

Что я делал в здешнем хоре,
То ли плакал, то ли пел,
То ли гладил ветром море,
Получерн и полубел.

Чем я жил? – чумой и страхом,
Чем летал? - чужим крылом,
Оказался побивахом
Суемой, по кличке «лом».

А так жаждалось простора,
Медью кованной звеня,
Вдоль по кромке косогора
Вскачь летящего коня.

13 июня 2014

Серый вечер качнет занавеску,
Вздрогнет пламя сиятельных свеч.
Эта жизнь мне досталась в отместку
За смирение, веру и речь.

Мне сулились свобода и воля
В двух шагах за соседним углом,
Где под ручку гуляют, глаголя,
Синий кремль и зеленый дурдом.

Вот бы было печали и страху,
Если б сдуру шагнул за порог,
Положили бы веру на плаху,
И замкнули бы речь на замок.

Я бы бился о жизнь головою,
Я встречал бы сквозь клетку весну.
А теперь попою и повою
И опять ненадолго усну.

И побуду в своей несвободе
До нездешнего - кстати - суда.
Это счастье, в моем переводе,
Дальше «нет» и блаженнее «да».

13 июня 2014

Вкушая сладкий яд,
Ведя бессрочный спор,
Я этой жизни рад
До сих и прочих пор.

Мне велено скользить
Беспечной жизни вдоль.
Твоя кривая нить -
Моя прямая роль

Невидим, но храним,
Довольно черств и груб,
Живу я днем одним,
Одним движеньем губ.

Развалины планет
Застряли в голове,
На все про все ответ
Всего в одной главе.

Его недолог час
На вечности вопрос:
Коль будут помнить нас,
То только верный пес.

26 июня 2014

Ночь закрыла глаза, день занавесил слух,
Катится солнце прочь, скрипит золотая ось,
Жизней уже давно больше коротких двух,
Третью допить до дна, кажется, не довелось.

Первая вскачь несла, вторая разбила речь,
Вырвала с корнем вон память и ремесло,
И ползало то, чему должно летать и течь,
Парус сорвал не смерч, только сломал весло.

Парус сорвал поток серых и желтых дней,
Голову посеребрил призрак слепой зимы,
Качалась безвольно ладья со мной - но не мной - в ней,
И падали камни вниз со скалы по имени «мы».

То, чтостряслось вокруг, заперто на замок,
Проще болтать о том, сем или ни о чем.
Медленно у виска мира взведен курок,
Не в первый и прочий раз, немощным палачом.

Садится на темя пыль уже грядущих руин,
Горит на востоке крест, запад в чумном чаду.
И, крылья прижав к огню, все падет херувим,
Зубы от боли сжав, как клещи кузнец в аду.

5 июля 2014

post scriptum к книге «Ставр и Сара»

Наплывают мотивы железобетонного сна,
И гобоя мелодия им отзывается медленно в лад,
Как прекрасно сегодня распята на звездах луна,
Как пьянящ исторгаемый грешной землей аромат.

Что мне виделось раньше в туманной дали,
Только музыка солнца в небесных ветвях,
Что мне мнится теперь на обрыве земли,
Как кружится над полем развеянный прах.

Что мне мир с этим адом в просторной груди,
У меня самого - то пожар, то гуляет война,
Я бы знать не хотел, что нас ждет впереди,
Как и то, что и в этом моя не прямая вина.

Вот опять над землей пролетел неживой самолет,
Из-за тысячи верст эхо взрыва очнулось во мне,
И осколками эха разорвано надвое влет
То ли сердце мое, то ли птица на желтом окне.

Я когда - то об этом туманных полстрочки сложил,
Я когда - то надеялся, господи, свет убережь,
А теперь я стою, наступающих дней сторожил,
И смотрю, как становится жизнью моя торопливая речь.

12 июля 2014

Рано трогать мыслью звуки,
Рано жить и рано быть,
Рано ветреные руки
Не нечаянно ловить.

Рано бросить все однажды,
И забыть как смутный сон,
Рано мучаться от жажды,
Всем пустыням в унисон.

Рано все - и то, и это,
Но не все ли вам равно,
Что мне в полдень мало света,
Что мне в полночь не темно.

Что мне срок судьбы недлинный
Преизбыточен вполне
Красным домом на Неглинной,
Смертью медленной во мне.

28 июля 2014

Не мне, не нам и не тебе
Дано, что проклято и пело,
В пустой и праздной похвальбе,
Венчающей живое тело.

Ты медленно сошла на нет,
Сама, без моего участия,
Меж тех несбывшихся примет,
Суливших медленное счастье.

Так молча падает крыло,
Шутя - отстреленное - птицы,
Потом последнее перо
Марает желтые страницы,

Не объясняя что, зачем,
Откуда, долго ли, напрасно.
Последняя из тех дилем,
Чье разрешение опасно.

Ты целый миг была со мной,
То плакала, то токовала,
При свете лампы неземной
Горевшей с дрожью вполнакала.

31 июля 2014

Вот и отданы все долги,
Вот и сердце уже не бьется,
То ли сокола, то ли и-во-лги,
То ли бешеного иноходца.

Чем платил по пустым счетам,
То ли кровью, а то ли страхом,
Все был - здесь, очень редко - там,
Реже - богом, а чаще - прахом.

Не нашла ты меня, судьба,
Растворила в гульбе и дыме,
Превратила в осла раба
И оставила гнить в Нарыме.

Все ишачил, пахал и вез,
Добывал то руду, то шлаки,
Вот и сдохну, как грязных пес,
У закрытых ворот Итаки.

Не забудь положить мне цвет,
Что был знатен в забытой стари.
Вроде жил, а быть может - нет,
Как и должно туземной твари.

1 августа 2014

Свет в распахнутом оконце,
Дождь стучит легко по крыше.
Обитает нынче солнце
Где-то много неба выше.

Ты, наверное, в Париже,
Пролила на скатерть кофе.
Солнца нет и неба ниже
На застроенной Голгофе.

Человеческие страсти
Остывают понемногу.
Я сегодня в чудной власти,
Помолюсь спокойно Богу.

И, в молитве безымянной,
Я избегну середины
Этой жизни многогранной,
Где добро и зло едины.

79-80

Над нераспаханной межей
Голубовато - желтый дым,
Ты умеешь быть чужой,
Я умею быть чужим

19 августа 2014

Мне кажется, что вы уже не Вы,
Вам кажется, что я уже не Я.
Мы оба только призраки молвы
В заношенном быту небытия.

Мешают жить шумы и голоса,
Звучащие не в лад и невпопад,
Под лепет спиц и скрипы колеса
Давно в миру полузабытых дат.

Скажи, зачем Ваш невесомый стон,
Записанный на ленте перемен,
Стучится в мой необратимый сон,
Где я уже из меди до колен.

За выстрелом такая тишина,
Как будто умирает Вечный Жид.
Мне жаль, что жизнь не до конца пьяна,
Что мертвый дух потеет и дрожит.

11 сентября 2014

Дом мой узок, дом мой тесен,
Но зато густа трава,
В нем начало тайных песен,
Понимаемых едва.

Шаг налево, шаг направо,
Междометие любви,
Там святая переправа,
Как ее не назови.

В мир, что в здешнем незамечен,
В мир, что ведал грешный Бог,
Что разъят и распредмечен
С головы до самых ног.

Поелику повилика,
Мать и мачеха извне,
Я святей не видел лика
Наяву или во сне.

Солнце катится к востоку
Под землей навстречу нам.
И улыбка ровно к сроку
Бродит нежно по губам.

14 сентября 2014

В НЕСВОБОДЕ ОТ СЕБЯ

ЧАСТЬ 3

1

ЧТО мне сказать, если веку отрезаны уши,
ЧЕМ мне сказать, если нету болтала во рту,
Зря мне оставили четверть затопленной суши
Да полувыцветший гюйс на предсмертном ветру.

Пьет гопота удалые судьбы полстакана,
Время поет незатейливый древний кровавый мотив,
Я полусонная тень твоего колдовского романа,
Кличет во мне надо мной семиглавый ощипанный Див.

Я подавился когда -то расплавленным оловом слова,
Вкус его еле успев ощутить в наступившем бреду.
Что мне с того, что я в “будущем времени” снова
С умною тварью беседу о волчьей эпохе веду.

Месяц на небе рогат или это улыбка убийцы,
Что озирает распятую некогда свежую плоть.
Все мы - истлевшие в прошлых веках византийцы,
Коиx сюда изbleвал второпях ненадолго Господь.

26 сентября 2014

2

Легкое кружево серы,
Запах погашенных свеч,
Жертва умеренной меры
И нежелания сеч.

Что же ты скажешь в итоге
Глухонемому никто,
Скоро зима на пороге,
Снова наденем пальто.

Будет искусства в избытке,
Будет валюты в обрез.
Танцы, театры, пожитки,
Время с гитарой и без.

Будут обильные страхи,
Кухни, круизы и сыют,
Ромбы по краю рубахи,
Будут и пряник, и кнут.

Этого вы не хотели,
Этого ждали не вы?
Скоро закружат метели
В зоне Москвы и Невы.

1 октября 2014

3

Вовремя скинуть с подводы
Груды ненужных дорог,
Страхи, потери и годы,
Что бесконечно берег.

Вот они, вера и право
Долга уменьшить дела.
Там, над рекой, переправа
Зримо на воды легла.

Лодка еще у причала
И перевозчика тень.
Все начинаю сначала
В самый бессмысленный день.

Поиски тайного знака,
След от заросшей тропы,
Где- то зарыта Итака
В центре безлюдной толпы,

Где- то не спит Пенелопа,
Мучима праздной виной,
В шаге одном от потопа,
С тенью войны за спиной.

2 октября 2014

Остывает роща золотая,
Соловей серебряный умолк,
И курлычет, отлетая, стая
Там, где стелет бег осенний волк.

Русских дней привычная прохлада
Заменяет непривычный зной.
Ничего мне, Господи, не надо,
Что случится в будущем со мной.

Лес стоит в предчувствии пожара,
Продолжая осторожно жить.
Не хватает милости Бежара
Эти листья в танце закружить.

В том, неуловимом до досады,
В том, непоправимом и больном,
Ничего мне, Господи, не надо
Даже в не случившемся былом.

Только из тяжелого бокала
Доцедить волшебное вино.
Медленно, полуночно, устало.
Так, чтоб сердце обнажило дно.

7 октября 2014

Я Вас не знал и, видно, не узнаю,
Я все сказал, что говорить нельзя,
Наверное, потом, когда случится маю,
Я вновь вернусь, по прошлому скользя.

Крива стезя и отчасти поката,
Я верил в то, в чем веры ни на грош,
Мне жить дано в окрестности Арбата,
Мой дом невыразительно хорош,

И что с того, что в нем я неприкаян,
И нет живого места от потерь,
Что мой сосед, филолог Ванька Каин
Стучит ногой в незапертую дверь.

Мы тянем водку, спутницу порока,
Что, если б ведал, возлюбил Сократ,
И рассуждаем о вине Востока,
Что час от часу множится стократ.

А боль свербит и временами даже
Бесцеремонно прерывает речь,
И никого из безымянной стражи,
Чтоб нас от нашей памяти беречь.

11 октября 2014

Пока трава не ляжет под снега,
Пока земля жива и плодосна,
Ударимся в осенние бега,
Раз на земле печально и несносно.

Мы посетим катулловы сады,
Священных роц облезлые дубравы,
На берегу Стикса, около воды,
Присядем у озябшей переправы.

Ты флейту мне достанешь из чехла,
А я вручу тебе затейливые ноты
Из емкости разбитого стекла,
В которой мы варили привороты.

И прежде чем метелью заметет
Осенний свет и сумрачные дали
И воды Стикса превратятся в лед,
Мы две-три ноты склеим из печали.

15 октября 2014

Опять зима стучит в окошко,
Опять тепло течет в окне,
И ТО мурлыкает, как кошка,
Лицом, повернутым ко мне,

А руки тянутся к закату,
А ноги пробуют взлететь,
И это все опять чревато -
Жест переплавит слово в медь.

Лениво мысли точат лясы,
Лениво ветер дышит в нос,
И все окрестные пегасы
Вкушают медленно овес.

Как хорошо, что дни крылаты
И, в целом, сущностно сущны,
И, наконец, ума палаты
Самой судьбой освящены.

15 ноября 2014

Ольге Тимофеевой

Сердце рвется на части,
Зима приближается вскачь,
Напялил - верховной власти -
Уже балахон палач.

Не слышно кипенья черни,
Не видно любивших нас,
И солнце сквозь блеклые терни
Коснулось небрежно глаз.

А небо течет привычно,
А память влечет туда,
Где знали нас очень лично
Улицы и города.

Где били мы век баклуши,
Не пили, не ели всласть,
Где плющила наши души
С ухмылкой земная власть.

Жалей не жалей, однако,
Люби не люби навзрыд.
Но тонет наша Итака
Под пенье цепных Харит.

12 декабря 2014

Листаем страницы теней
Из прошлой зачитанной книги,
Из сонма мелькающих дней,
Разбитых на мелкие миги.

Их ответ лежит на лице,
Меняя цвета и оттенки,
Прощанье на лунном крыльце,
Объятье у каменной стенки.

И капля сошедшей слезы
Из полужакрытого ока,
И пламя надмирной грозы,
Зажегшейся в небе высоко.

И тусклое слово — пора -
И дале — оборвана встреча,
И вон из судеб и двора
У речки Красивая Меча.

Потом, и туман, и рассвет,
Окно. Занавеска. Терраса.
И нежно - короткое «нет»,
И эхо до смертного часа.

14 декабря 2014

Догорают свечи и огонь в камине,
Подпоясан воздух теплым кушаком,
Мне играет полька вальс на клавишине,
Та, с кем был когда-то шапочко знаком.

У нее заботы и судьбы в достатке,
Золотое имя, веку вопреки.
Просто заглянула невзначай на святки,
Просто вот играет тихо в пол- руки.

Вроде и не знали встречи и разлуки,
Каждому дорога — вдоль не поперек,
Отчего же плачут осторожно звуки
И лежат, свернувшись, отзвучав у ног.

Я зачем Вам, леди, в этой глухомани,
Вы недосмотрели прошлой жизни сны?
Догорают свечи, тени на экране
Словно корни древа пе-ре-пле-тены.

7 января 2015

«Ворожи, ворожея, ворожи»,
Нагадай три короба - веры да тоски,
Как живется — можется дураку во лжи,
Сжатоу, зажатоу в медные тиски.

Солнце возле линии
Гор по кличке «эн»,
Небо сине- синее
И без перемен.

Дождь размыл обочину,
Лист кружит вьясь,
Душу озабочену
Попаси, мой князь.

Море, свет, излучина,
Жизни вдоволь впрок,
И судьба изучена
Вдоль и поперек.

Отчего же можется
Звать и не жалеть.
И о чем тревожиться,
Превращаясь в медь ?

8 января 2015

Вынуть гвоздь из просторной ноги,
И заклеить отверстие вдоль,
С этой жизнью мы нынче враги,
И мне нравится данная роль.

Что ты ведаешь в древней судьбе
Мерой россыпи здешних дробей,
Мне не можно промыслить тебе,
Что скрывает от глаз скарабей.

Видишь, вечер привычно потух,
Слышишь, ночь отворила уста.
Я считать не умею до двух,
И читать не умею с листа.

Но зато я умею любить,
И играть в полнолуние в винт.
Ариадны оборвана нить,
Но разрушен давно лабиринт

Здесьней веры поверх рубежа
В волчью сыть напродув шапито.
Жил, как все - торопясь и служа,
Никому.
Ничему.
Не-за-что.

14 января 2015

Обещаю тебя разлюбить,
И, пожалуйста, мне не перечь,
Здесьней жизни невечная нить
Истончается медленно в речь.

Ухожу от тебя не спеша,
Поэтапно, усердно, светло,
Посмотри, как мелеет душа,
И как полнится ею стекло.

Еле движутся тени дерев,
Теплый дождь моросит за стеной,
В медной клетке, ворочаясь, лев,
Не общается нагло со мной.

Я тебя из стекла напою,
Чтобы оба мы были пьяны.
И в три звука опять напою
Безымянную ноту вины.

На наречии немолодом,
Домонгольским ознобом сквозным.
Чтобы долго мерцая потом,
Истекало рассеянно в дым.

14 января 2015

Пора выбираться из плена
Замызганных будней тревог,
В которых Святая Елена
Изгнаннику платит оброк

За годы пожара и страха,
За стопку казарменных дат.
За горстку священного праха,
Которою станет солдат.

Я выйду на холм в новолунье,
И справа, и слева - огни.
Где жили в пространстве июня
Высокого месяца дни.

И, полночь, забыто встречая,
Отправлю на волю конверт -
Засушенный лист молочая,
Истлевший свободы билет.

И выпаду вон без остатка,
Навыорот шубой паря,
Как, падая, кружит тетрадка
Разорванного букваря.

2 февраля 2015

Положи где взял, и забудь урок,
На семи ветрах тишина да даль.
В феврале зацвел яркожелтый дрок,
И еще зацвел голубой миндаль.

Кубок мой вина не допит до дна,
Вечер мой до тьмы, вижу, не погас,
Как была одна, так и есть одна,
Не для всех еще, но уже для нас.

Еле видим сверк по отрогам гор,
Видно, вспышкой сфер нас снимает Бог.
Жаль, что мой с судьбой не закончен спор
Посреди твоих- не моих дорог.

Полнолуния свет в тусклом небе слаб,
И луны кривой невелик алтын,
Я по будням - твой нареченный раб,
В остальную жизнь - снова блудный сын.

Под ногой - скала, под рукой - рука,
Тишина. Огни. Суета сует.
Впереди века, позади века.
Только сущих дней не было и нет.

7 февраля 2015

Две надежды, две заботы, две печали
Меж Колондайком и заснеженной Тверской
Все томились, обмирали и молчали,
Осиянные неведомой тоской.

Кто их выбросил из будничного быта,
Кто их кинул на железную кровать,
Отодвинув непорожнее корыто,
Как прикажете все это понимать.

Может, Веги поднебесные пейзажи,
Может, Альфы незатейливая блажь,
Но в коротком для недалгих репортаже
Все как должно все равно не передашь.

Где - то тайно - от ума - мерцали страхи,
Где-то радости дышали тяжело,
Но летали обнаженные рубахи,
Как оторванное голубя крыло.

Вдоль по Питерской насквозь и наизнаку,
Задыхаясь, бормоча и лепеча,
Под корявую охрипшую шарманку
В тусклом свете проливного кумача.

9 февраля 2015

Запрятать голос в рукава,
Укутать шарфом слух и душу,
И грешным шепотом, едва
Коснувшись стен, покинуть сушу.

Лететь навзрыд в чужую даль,
Стремиться - «быть», минуя страхи
А, впрочем, нет, немного жаль
Мне обездоленной рубахи,

Что ляжет стула посреди,
Поверх белья, как пена пышно,
Вот почему еще в груди
Стрекочет сердце еле слышно.

И кровь торопится протечь
Сквозь тонкий лаз во тьме кромешной.
Да жаль еще живую речь
На миг оставить неутешной.

20 февраля 2015

Я столько раз промахивался мимо,
Идя на смерть, что зрел и принимал.
И все, что мнилось мне - неотвратимо,
Оказывалось - сбой, а не финал.

Снарядов взрыв в оплавленном окопе,
И поезд, в метре мчащийся насквозь,
И нож в боку в коричневой Европе,
Который пережить мне довелось.

И сорок дней устойчивого ада.
Да мало ли за здешние грехи,
И та, моя любезная менада,
Кем был Орфей растерзан за стихи.

Но жив и пьян, и все еще не вечер,
И шаг упруг, и воля не слаба,
И дальше в быт открыл мне путь диспетчер,
Приговорив к бессмертию раба.

И вот она, затейливая ксива,
Не по зубам ни власти, ни рублю,
Я видел смерть: она вполне красива,
Пусть подождет, пока не полюблю.

20 марта 2015

«Было» ли, не было, вынь да положь,
Где- то, когда - то, в таком - то году,
Правда, которая тайная ложь,
Вплавлена медленно в дат череду.

Зябь или озимь, а может, покос,
Свет или тень рукотворного сна,
Жить или неЖить - давно не вопрос
Тем, кто не жили, прожив, времена.

Тень на мосту как ослепшая плоть,
Эхо похоже на голос потом,
Милость послал милосердный Господь,
Только вот мысли опять не о том.

Было распяты не в срок, не тому,
След от прокола ползет по плащу,
Окна закрою в остывшем дому,
Занавес медный, смеясь, опущу.

Пепел зеленый покроет сукно,
Молча состарится в память дитя,
Кто-то откроет когда-то окно,
Только, надеюсь, эпоху спустя.

5 марта 2015

Не допускайте к трону, господа,
В ком спит зерно переворота,
Пусть с бунчуком червленым рота
Страшней, чем целая орда.

Но поздний Рим - урок не на века,
Как тень распада накануне схватки,
Дороги в ад наезжены и гладки,
По линии кривой черновика.

Поехал царь охотиться на лис,
Туда же пес меж царедворцев следом,
И страх царю туземному неведом,
Что псу отдаст империю на бис.

Ах, сколько раз случалось это встарь,
Лишь выпь кричит надсадно и протяжно,
А впрочем, все несущее неважно, -
Так думают и пес, и государь.

10 марта 2015

21

Ты, что раньше была любима,
Я узнал в проходившей мимо,
Что- то вспыхнуло неуловимо,
И растаяло без следа.
Навсегда.

30 марта 2015

Не жди ни отклика, ни вздоха
И не криви в ухмылке рот.
Прошла, мой друг, твоя эпоха
На век вперед.

Кому повею о той невзгоде,
Кому поведаю о том,
Что места не нашлось в народе
На корабле его пустом.

Мотает судьбы по простору,
И гаснут звезды, не родясь,
Твою оседланную пору
Надежно держит коновязь.

И медленно, уже во прахе,
Еще дрожащем на ветру,
Я доживаю вечность в страхе,
Что не умру.

12 апреля 2015

23

Слабеет слух, темнеет зренье,
Все громче кличет суета.
Какое чудное везенье,
Что жизнь до дна не изжита.

Скрипит тугое коромысло
Под грузом радости и слез,
И нет лелеемого смысла
В зеленой бедности берез.

Полна камней моя котомка,
Богов особенная кладь,
Чтоб было легче для потомка,
Как мне, невечно умирать.

27 апреля 2015

Муза живет на ветке, и на хвосте собаки,
Муза живет украдкой, сумрачно и горячо,
Музой любимы очень ямы да буераки.
Ты попадаешь в музу, плюнув через плечо,

Я там, где она бродяжит, мерцающая и мельтешая,
Бродит, штопая слово, заплатывая лепя и швы,
Медленно и ничтожно, рыжая и большая,
С каждой прохожей тварью переходя на вы.

Что бы я делал в царстве теней дурака Платона,
Чтобы я рылся в хламе империй, сойдя на нет,
И, погружаясь смачно в любимое время оно,
Чавкал зловонной жижей в самом расцвете лет.

Вот она лижет щеку, вот она чешет око,
Вот ее ноги делят «здесь» и пустое «там»,
Одна и живет, и плачет, возле вод Ориноко
Другая немеет и скачет, разбитая бытом в хлам.

Живи, заклинаю, доле любого обломка слова,
Любой развалины звука и немочи, и парчи,
Без цели и воли, и правильной меры, и крова,
Бессмысленно и бестолково, но, Боже мой, не молчи.

29 мая 2015

Что я видел оком внутри,
Пока веки листали свет,
То ли призрак здешней зари,
То ли наш, на двоих, рассвет,

То ли сон не чужой души,
То ли цвет неживой воды,
Я чиню свои карандаши,
От рассвета и до среды.

Нарисую, чем жил вчера,
Нарисую, что видел днесь,
А потом пойдут вечера,
И вся жизнь продолжится здесь.

Без мерцанья твоей тоски,
Без дыхания под и над.
Как сжимает мне боль виски,
Даже боли я нынче рад.

Плотно сомкнута кожа век,
Где-то выше костей крестца.
Все кончается прошлый век,
И не видно ему конца.

7 июня 2015

Все осталось так, как было,
Все осталось так, как будет,
Солнце за море уплыло,
«Дженни Джона не забудет».

Ничего, что нить сломалась,
Ничего, что птица сдохла,
И еще, какая малость,
Сердце сдулось и оглохло.

Я заштопал грубо рану
Ниткой красной на живую,
Я тебя во сне к экрану,
Видно, больше не ревную.

Я дарю тебе в конверте
С окаемкою печальной
Извещение о смерти
Бедной нежности прощальной.

Положи его подале,
Забросай бумагой разной,
Чтоб найти потом едва ли
В жизни будней безобразной.

11 июня 2015

Забубенный, бубновый, марьяжный король
Нагадал и наплел мне пустячную роль.

Дом построить и около храм возвести,
Пару птиц от ловца сохранить и спасти.

И не брать на себя провиденья вину,
И сходить, хоть бы раз, по весне на войну.

Умереть среди зимы и вернуться живым,
И по осени вновь умереть молодым.

Сколотить из глаголов - печали ковчег
И пустить его в путь по излучине рек,

Что текут и впадают потом в океан,
Словно тайное слово впадает в роман.

Только вот ничего я исполнить не мог,
Заплутал, заблудил среди смутных дорог,

И сижусь сам один у лесного ручья,
И судьба моя рядом свернулась ничья.

8 июня 2015

Все осталось так, как было,
Все осталось так, как будет,
Солнце за море уплыло,
«Дженни Джона не забудет».

Ничего, что нить сломалась,
Ничего, что птица сдохла,
И еще, какая малость,
Сердце сдулось и оглохло.

Я заштопал грубо рану,
Ниткой красной на живую,
Я тебя во сне к экрану,
Видно, больше не ревную.

Я дарю тебе в конверте
С окаемкою печальной
Извещение о смерти
Бедной нежности прощальной.

Положи его подале,
Забросай бумагой разной,
Чтоб найти потом едва ли
В жизни будней безобразной.

11 июня 2015

Так и живу, застрелюсь на ходу,
Ночь недосплю, досыпаю в аду,

Утром заправлю постель натошак,
Власть - не кума, и начальник - не враг,

Выпью полчашки баланды, потом
С важной бумажкой пойдет управдом.

Даль затуманит и высветит близь,
Хочешь - бунтуй, а не хочешь — смиришь.

Ложка, похлебка, халва, ананас
Умер, родился, мелькнул и погас.

11 июня 2015

Поживем в раю убойно,
Отдохнем потом в аду,
Безнадежно, недостойно,
С здешней мерой не в ладу.

Терн царапает предплечье,
Терка трет кровавый бок,
Что - то есть в тебе овечье,
Что ссудил случайно Бог.

Сном из форточки подуло,
Синь небесная ползет,
В рот засунутое дуло -
Повезет - не повезет.

То ли грежу, то ли плачу,
Шерсть сдираю, торопясь.
Жизнь прощальную иначе
В неразборчивую связь.

И покуда хватит силы,
И пока вина и страх,
Будем греться до могилы
На семи твоих кострах.

27 июня 2015

Луна взошла, и отраженный свет
Я собираю бережно рукою,
За гранью воли не было и нет
Живого места вере и покою.

Ты плещешь губы в солнечном вине,
Ты машешь мне на расстояньи тени,
Мне жить случилось в бесконечном сне,
В пустой и праздной сумеречной лени.

Мой век разъят на тысячу причин
Небытия без меры и без крова,
Я - меньшая из малых величин
Живого и обыденного слова.

Как смотришь ты куда-то сквозь меня,
Своею глухотою жизнь итожа,
Смотри как, беленея и звеня
При позднем свете вспыхивает кожа.

И мне неспешно на излете сил
Все явственней становится понятно,
Я бросил бы тебя и позабыл,
Но остальные хуже многократно.

27 июня 2015

Ты мне нужна посмертно,
И меньше изначально.
Там время не инертно,
Оно всегда печально.

Брожу себе по свету
Не много и не мало,
Судьба впадет в Лету
Усердно и устало.

Под парусом покоя,
Под веслами неволи,
Где догорает Троя
В своей земной юдоли.

Где ты - мелькают спицы -
Мне жизнь мою связала
Из пряжи небылицы
По радуге лекала.

И в ней вины в избытке,
Вне воли или цели.
Да строчки на открытке
О том, что не успели.

30 июня 2015

Картинка сна не тает,
Картинки яви нет,
Лишь надо мной витает
Твой сумасшедший свет.

Он движется не прямо,
Он падает не вниз,
Истошно и упрямо,
Как бешеный каприз,

Треножник и дорога,
Поверх одежды - шаль.
И вечная тревога,
И краткая печаль.

Туман лилов и горек,
Извилист и багров,
И римский узкий дворик
Среди мирских миров.

Я рад, что ты не рада
Любой дороге врозь.
Безумная менада
Судьбы моей насквозь.

3 июля 2015

34

Пора подбивать итоги,
С датой от сих до сих.
Все лучшее было в Боге
Все худшее - в нас самих.

7 июля 2015

Сухо в горле, очи сухи,
Взгляд насквозь, не поперек.
Две воздушные старухи
Забрели на огонек,

Я плесну им в чашку водки,
Рио-риту заведу.
И закружатся молодки
Надо мной в своем бреду.

На метле устроят гонки,
Из окна затеют лет.
Две прекрасных незнакомки,
Прежде лакомых как мед.

А устанут - сядут рядом
И затаянут тот мотив,
Что звучал над грешным садом,
Так тревожен и пуглив.

И взорвут неловко сердце,
Так, что брызги по углам.
Вот такое это скерцо -
Боль с любовью пополам.

11 июля 2015

На первое — да?, никакое - нет,
На второе — да?, ну конечно - да,
Зря я в Париж покупал билет,
Мне не доехать туда никогда.

Вот мое место на свежем пне,
Под желтой кроной сермяжных ив,
Где серый ветер сыграет мне
Серый свой не смешной мотив.

Серый волк промелькнет в кустах,
Серый глаз подставив лучу,
Где я сам под серое - ах,
Что-то детское пробормочу.

Да, конечно, заглянешь ты
Принесешь мне кувшин молока,
И примнешь невзначай цветы,
Что цвели у меня века.

Я тебе ничего не скажу,
Да тебе и не должно знать.
Я две жизни в одну свяжу
И потом разорву опять.

11 июля 2015

Залетела луна в незакрытую дверь,
Покружив недолго, улетела в окно,
Я уеду опять в позапрошлую Тверь,
Буду пить по ночам молодое вино.

И смотреть на луну, что со мною жила,
Пусть недолго, а все же, как хочешь суди,
И была так послушна, равна и мила,
И с серебряной розой в груди.

Буду ждать не спеша и желать и тужить,
И жалейку свяжу из железной травы,
А луна с кем - то будет затейливо жить,
С оловянной короной вокруг головы.

А жалейка - дышать, согреваясь от рук,
А душа - холодить ненавистную речь,
И серебряной нитью пронизанный звук
Будет звать наугад и жалеть, и беречь.

11 июля 2015

На столе бутылка водки,
Хлеб и соль издалека.
Мы с тобой пьяны и кротки,
И насмешливы пока.

Ты ко мне простерла руки.
Я к тебе лечу навзрыд.
А - вокруг - цветы и звуки
Самых жарких леонид.

Полетела следом рама,
Ставней хлопая крылом,
Мимо поля, мимо храма,
Мимо моря за углом.

И все круче и все дале,
По пути соря перо.
Утоли мои печали,
Не спали мое тавро.

И прости, что жил безбожно,
Перепутав сон и явь,
И, конечно, если можно,
Жизнь мне грешною оставь.

22 июля 2015

Две кнопки на музыке слева,
И кнопка на музыке справа,
Ах право, моя королева,
Нам нравится эта забава,

Вот там, на углу Патриарших,
Где шастают рыжие тигры,
Два клоуна, все потерявших,
Играют в азартные игры.

О, как они мыслят высоко,
О как они бело- румяны.
И как им потом одиноко
Лететь в нелюбимые страны.

И дуть в свою дудочку туго,
До дрожи и плача в финале.
Отсюда до ближнего Юга -
Две доолгих любви и печали.

23 июля 2015

Когда, слепя, стекает влага,
Пол- человечества гуртом,
Ложась спиной на дно оврага,
Глощает звезды млечным ртом.

И выпь, вытягивая шею,
Ни капли мимо пронеся,
Качает в клюве Ниобею,
Вся из себя желанна вся.

Хрипит труба, тираня звуки,
Не унимая боль и дрожь,
Во имя ветреной науки
Любить вздохом святую ложь.

Вотще залив, любовник праха,
Открыл навстречу сонмы рук.
Счастливые не имут страха,
Рожая первобытный звук.

Глуша все выдохи и вдохи,
Размыты светом до пятна.
За гранью выпитой эпохи,
Глотком до досуха и дна.

8 августа 2015

Никак душа не упокоится,
А молча бьется о гранит,
Как будто снов святая троица
Ее от гибели хранит.

Спешу, людей надеждой мучаю,
Живу куда-то не туда,
И доверяю слово — случаю,
Минуя тяготы труда.

А жизнь еще не начинается,
Минуя пир боев и драк,
На самом краешке качается
И все не кончится никак.

Вогау
14 августа 2015

На носу уже вчера,
Впереди еще погода,
Еще нежны вечера,
Где случается свобода.

Не пролей старинный джин,
Шевеля дрова в камине,
Самой главной из пружин
Для меня ты есмь доньне.

Я вдохну настой звезды,
Занавешу время шторой,
Пусть границы и сады
Сторожимы той же сворой.

Так легка души печаль,
Так легки рука и слово,
Лишь вчера исчезла даль,
А уже мерцает снова.

Вогау
14августа 2015

Покой и воля где-то близко,
Тревоги волны далеки,
Все меньше дат, все больше риска
Оседлой жизни вопреки.

Не вынести жары и скуки,
Соединивших нежно нас,
И праздной жизни лженауки
Не одолеть на этот раз,

И не проснуться ненароком
От клика робкого плеча,
Обещанного мне пророком
В туземной маске палача.

Вогау
14 августа 2015

Крупницы покоя и мелочь заботы,
Пятьсот километров туда ли, сюда,
И музыки дат, доводящих до рвоты,
Смывают восторги - вздохом, без следа.

Бессмысленно время жалею и трачу,
И в Зальцбурге соль посыпаю на хлеб.
И весело мне, что нисколько не значу
В потрепанной книге текущих судеб.

Живу, присобачен косыми дождями
К альпийской земле на зеленой траве,
Где кружится ястреб озябший над нами,
Как мысли о прошлом в моей голове.

Кручу барабан у коровьего стойла,
Хозяйке служу за похлёбку, шутя,
За полный стакан лучезарного пойла,
За то, что в ответ мне смеётся дитя.

BoGay
17 августа 2015

Ты подошла, конечно, ближе.
Остановилась вдалеке,
Все остальное, как в Париже,
С букетом вереска в руке.

Рукав оторванный рубахи,
Похожий больше на крыло,
И сны, и медленные страхи,
Что прошлое изнемогло,

Так не случась, так выносимо,
Так мимоходом, так родно,
А главное - захлеб и мимо -
Как птица вон через окно.

Мне жаль, что встреча невозможна,
Всего лишь память и постель.
И снова зябко и тревожно
В пространстве, сшитом из недель.

Чуть- чуть тепла, но больше света,
Из нас никто тому виной.
И это Патриаршьё лето
Прошло, как время, стороной.

27 августа 2015

Душа в кустах расчесывает бровь,
Нога болтает речь напропалую,
А у тебя напрасная любовь,
К которой я нисколько не ревную.

Что ты, мой друг, хотела от меня,
Чтоб я не жил, а тлел себе устало,
Избыточное качество огня
В который раз сквозь вас меня достало.

Я вышел вон на Пресне ли, в Нанси,
И вышел вновь, когда настала эра,
Я сел себе в небесное такси
С кровавым галстуком сплошного пионэра.

Да, не доехал, да, недоглядел,
Да, не доспал, да, не наелся ситца,
Но я поверх наделал столько дел,
Которых вам и ночью не приснится.

Сижу впотьмах за тридевять небес,
В стальную кружку наливая чая,
И рядом дремлет круглый Ахиллес,
Как колобок, каченье намечая.

5 сентября 2015

Душа намыкалась, устала,
И мысли движутся едва,
Остались руки из металла
И полумедные слова,

Остались сны, осталась вера,
И полнолунье иногда,
Все так же травит воздух сера
Из параллельного пруда.

Дымит надежды головешка,
Роня искры по ночам,
И на монетах чаще решка
Моим является очам,

Кидаю вверх усердно гири,
Играю с веком в канитель,
Но вот уже в небесном тире
Не попадаю часто в цель.

А все равно смеюсь и плачу
Резонам смысла вопреки,
И так же жизнь бездарно трачу
«На праздной жизни пустяки».

25 октября 2015

Душа который год молчала,
Спала, ворочалась, дыша,
А нынче снова замычала
Моя животная душа.

И попросила снова сена,
Коровьим взглядом шеvelopя,
И повела из полуплена,
Иную жизнь невольню для.

Я дал ей кус ржаного хлеба,
И вылил в глотку пай вина,
И сунул в очи лоскут неба,
Чтобы опомнилась она,

И воспаря корова — Муза
«Пошла по лужам босиком»,
Моя прекрасная обуза,
Всегда вразнос и кувырком.

И вместе мы полдня чудили,
От девяти с утра до трех,
И меряли веками мили,
Стелясь под гончих перебрех.

26 октября 2015

Кровь закипела и остыла,
Потом согрелась и пошла,
Сначала вслух, но молчаливо,
А позже на пол со стола.

По Мирджавадову лекалу,
Из чаши с солнцем на лице,
Потом она возликовала
И воспарила, вдруг, в конце.

И стало ясно, Боже правый,
Что жизнь была и не была,
А промелькнула, так, забавой,
В два нерасправленных крыла.

А все вокруг цвело и пело,
Дышало верой и войной
И подымало в воздух тело
И чашу с солнцем надо мной.

И так светло не ведать боли,
И знать, что смех сменяет плач,
Что смысл в расплавленном глаголе
Не узрит временный палач.

26 октября 2015

Море, дежурный лекарь,
Умерь мои стынь и дрожь,
Только прошу, аптекарь,
Душу мою не трожь,

Пусть в ней останутся доле
В мере навзрыд любой
Годы нежнейшей боли,
Оброненные Тобой,

Я не хочу лекарства
От наших ля боль - дизь,
Я уже отдал полцарства
Из жизни своей в обрез.

Оставь мне надежды крохи,
Что свяжутся сами в суть,
И вынь их из дней эпохи,
И вставь их, разрезав, в грудь.

И звуки протиснутся снова
Сквозь мясо зашитых уст,
А мертвую шкуру слова
Брось под ракитов куст.

30 октября 2015

Белый ангел у постели,
Черный ангел у огня,
Неужели в самом деле
Не забыл Господь меня.

Дал мне право на молитву,
Дал мне веру ни за грош,
И билет на речку Митву,
Мимо сердца финский нож,

Я смотрю поверх рассудка,
Я надеюсь на резон,
Где погудка, там побудка
Этих самых бражных зон.

Мне ли мыслить по лекалу,
Посередке «нет» и «да»,
Положу под рельсы шпалу
И уеду в никуда.

Где павлины в околотке,
Время жатвы, во-вторых,
И как кость в луженой глотке
Божье слово в непродых.

11 ноября 2015

Струны рвутся ненароком,
Прежний строй сводя на нет.
Смотрит небо вещим оком
Сквозь меня на белый свет.

Взгляд доверчив и печален,
Воздух плотен и крылат.
Безнадежно изначален,
И ни в чем не виноват.

Что же я навстречу плачу,
Душу влагою лечу.
Словно я чего-то значу
Для небесного луча.

Словно мне даримы знаки
Чьей-то воли с высоты,
А не с берега Итаки
Мне прощально машешь ты.

Опускаюсь на колени,
Меркнет плавно силуэт,
И во мне, подобно тени,
Остывает Божий свет.

12 ноября 2015

Слава Богу, закрылась зала,
Праздник стих, отзвенела медь,
Как ты вовремя мне сказала:
Время - спать, и не время петь,

Плыл по воздуху голубь мира,
Тихо ястреб кружил вдали.
На две части сломалась лира
И упала за край земли.

Свиристели свистели громко,
Пахло мясом паленых гор.
И играла свирель потомка
Не рожденного до сих пор.

Мне бы знать, что доносят звуки,
Мне бы ключ - отворить их толк.
То ли воют по волку суки,
То ли кличет их мертвый волк.

Я от воя закрою уши,
Я засну, как велела ты.
Не спасайте вы наши души
И зашейте потуже рты.

17 ноября 2015

Приставил бог меня к тебе, тебя ко мне -
Так, мимоходом.

И я живу с тех пор во сне
Не год за годом,

Не в доме том, где я живу,
По воле предка,
А в том, что явлен наяву,
Бывает редко.

Где птиц полет наоборот,
Где речь без кожи,
И звуков нет и даже нот,
Тебя нет, Боже.

Где ты выросла в сухую кость,
Как сгусток боли,
В своей судьбе я только гость,
На миг, не боле.

Зашел, опомнился и вон,
Сквозь страх и трепет.
Под рыбий крик и грай ворон,
Под навий лепет.

24 ноября 2015

На земле бываю редко
Чаще «где-то» в свой черед,
Там висит живая клетка
С виду - задом наперед.

Виноград промежду меди,
В желтых крапинах лоза,
Краснобурые медведи,
Бирюзовая коза.

И навалом сна и грезы,
Пополам и поперек,
Томный куст усталой розы,
Незаметно между строк.

А какие здесь погоды,
А какие кружева -
Все, что надобно для оды,
Полуслышимой едва.

Все в достатке в вышнем доме,
Целый мир от «а»- до- «я».
На земле ж любви кроме
Нету больше... (ничего).

27 ноября 2015

Ходят слухи, что смертны люди,
Тем, кто верит, - не жизнь, а крест.
Вон же голову носит на блюде
Сторожил пограничных мест.

Да и я по наиву верил,
Что усоп долгожитель Ной,
Но потом на себе проверил,
Что там есть за глухой стеной -

Так, огни, дребедень и скука,
Над заливом то тишь, то гладь,
И еще ни единого звука
Не услышишь, япона мать.

Ни малиновки, ни жалейки,
Даже хруста в разлом куста,
Даже шороха струй из лейки,
Или нот невзначай с листа.

Заглянул, да и вон без оглядки
Под аглицкий крестовый плед.
И с тех пор вот играю в прятки
С этой самой, которой нет.

6 декабря 2015

Я бы уплыл, да воды по колени,
Я бы ушел, да болото у ног.
Дряхлая мельница, старая Вена —
Жизни печальной смешной эпилог.

За занавеской икона в окладе,
В медной оправе надколотый штоф.
Ты Расскажи мне, чего это ради
Выбрал себе я означенный кров.

Рамы внутри — полотно примитива:
Дева и свита в открытом окне.
Мелкие буквы сплошного курсива
Справа внизу на зеленой стене.

Блеклое имя, увы, безымянно,
Впрочем, вполне различаю кураж.:
Это же Ваше величество Анна,
Рядом король и застенчивый паж.

Где та эпоха и где те печали?
Сей документ — наказанье одно.
Жаль, что других ты отыщешь едва ли:
Сгинули, сгнили, истлели давно.

17 декабря 2015

Ищущий да обрящет,
Не ищущий - не найдет,
Жалко, что годы тащат
В бессмертие наоборот.

Солнце садится косо,
Плавно за край небес,
Без вздоха или вопроса
И колебаний без.

Что ты оставишь, старче,
Этой твоей стезе,
Сердце, пустыни жарче,
Префиксы на слезе?

Пару союзов или
На месте трехзначный бег.
Вроде, как не жили, жили
В Божей тени весь век.

17 декабря 2015

День рождения ночи.
Ночь рождения смерти,
Я получил из Сочи
Письмо в пожилом конверте:

«Нету меня на свете,
Осталась печаль земная,
Да память о здешнем лете -
Наша с тобой связанная.

Люби меня долго-долго.
Там где впадает Висла.
Правда, что в этом толку...
Правда, что в этом смысла...»

20 декабря 2015

Пальцы жег на свече по ночам,
Ждал, что вышибешь стекла, влетая.
Но огня не хватило церковным свечам,
Чтоб душа зазвучала немая.

Ты мелькнула в окне, и на миг
Показалось, что прошлое близко,
Но разбился о воздух приближенный лик,
Понимая бессмысленность риска.

Обгоревшие пальцы, дрожа,
Рвали ржавые струны поштучно,
Но меж звуком и мной оставалась межа,
И душа умирала беззвучно.

Видно, эта душа заодно
С той, что молча любила мгновенье.
Так зачем же мне, Господи, было дано
Слышать ада и райское пенье.

20 декабря 2015

Обожженные губы открываются туго,
Обожженные мысли не торопятся вскачь,
Не выходит судьба из заветного круга,
Где ее не усмотрит дежурный палач.

На столе полстакана коричневой влаги,
На руке впопыхах золотое кольцо,
И пятно от вина на пролитой бумаге,
От морозного солнца лучами в лицо.

Несвершенное время не пашет, не сеет,
Так себе гоношится от жалких тревог,
То полсвета от взрыва по звездам развеет,
То на ось наматывает обрывки дорог.

Ну а мне - дохлебать бы свои полстакана,
То ли нижнюю часть, то ль саму пустоту.
Что полвека глумясь наливали с экрана -
То ли липы в огне, то ли вишни в цвету.

Что кому объясню на ущербном наречьи,
Разве молча слезу уроню из опущенных век,
Мне бы просто дожить, по совсем человечьи,
В до рожденья разрушенный варваром век.

25 декабря 2015

Где римские матроны,
Французские штыки,
Остзейские бароны,
Английские полки?

Сияет Севастополь,
Толпится скорбный люд,
В развалинах акрополь
Из нехристовых чуд.

Скудеет мысли древо,
И варвары в цвету,
Пора идти налево,
Пересеча черту

И разума, и меры,
И «гибели всерьез»,
Не по закону веры,
Но по закону слез.

Убитых и распятых,
По воле нищеты,
В две тысячи проклятых
Безумий и тщеты.

25 декабря 2015

Улетают из памяти даты,
И за ними любезные встречи,
Остаются условно крылаты
Только краткие праздные речи.

И мелькают и рвутся на части,
Застревая подолгу на слове,
Словно карие южные страсти,
Легкомысленные в основе.

Зарастает туманом Итака,
День предсказан расстроенной скрипкой,
Хорошо, что не помню, однако,
Всех, пропавших из памяти зыбкой.

27 декабря 2015

Все началось в декабре, закончилось в ноябре,
И стрелка не добежала.
Дом мой с круглым окном стоял на горе,
И сердце в нем ныло и жало.

Спасибо, что не пришла ни завтра, ни через силу,
Ни через правильный срок - никогда.
И вот я плыву, веслами шевеля, по Нилу,
И кругом меня весело умирает вода.

И, все -таки, хорошо, что куплен билет в обратно,
И, все-таки, я не сплю в каюте.
Вот уже, знаешь, это невероятно -
Свободен и нем, по сути.

Прорезались жабры, пора на дно, ворочаться в иле.
Видишь на горизонте — парус, это за мной,
Даже не знаю, шкоты взять, или
Прощальный ужин с судьбой моей не земной.

28 декабря 2015

Птица радости, птица печали,
Не минуй моей праздной судьбы.
Но не той, что случилась в начале,
Где меня записали в рабы,

С красным галстуком вместо удавки,
И с наганом на желтом ремне,
С черным адресом будущей явки
На сегодняшней грязной войне.

Слава Богу, закончилось это,
Истончилось, сошло незаметно на нет,
В то внезапно пришедшее тайное лето,
Где вручили мне в вечность билет,

В жалкой кассе барачного толка,
Где скучал и пылил деревенский перрон,
Где меня закачала вагонная полка,
Погружая усердно в спасительный сон.

И с тех пор наугад - не устать, не проснуться,
Басурманские дни мельтешат чередой,
Но меня не достанет их власти коснуться,
Даже звуком одним, даже жизнью самой.

4 января 2016

Опять колебание флоры,
Чтоб в ступе толочь толокно.
Оставим, мой друг, разговоры,
Когда задышало оно.

Проснулось, застыло, воскресло,
Заныло, вошло наугад,
Чтоб мира червонные чресла
Накрыли неубранный сад.

Качни же мне ветку сирени,
Прожамли запойный напев,
Мы встанем, мой друг, на колени
Под пение вспененных дев.

Под их незлобивые охи,
Под наши прошедшие дни,
На дне окаянной эпохи,
Казненной эпохе сродни.

От ветра качаются тени,
Попав, как и мы, в переплет.
Нас ставит судьба на колени,
Навстречу, насквозь, напролет.

15 января 2016

67

Что такое слово,
Кто такая Муза?
Нежная основа
Вечного союза.

Полежу на печке.
Приготовить что ли
Пол- стакана гречки
С пол- стаканом боли.

Пошагалить махом
Над уснувшим Римом,
Обменяться страхом
С городом любимым.

Что кому об этом
Рассказать напрасно,
Это было летом
Самым прошлым ясно.

Выхода не зная,
Покружится снова
Нежности шальная
Хрупкая основа.

17 января 2016

68

Чем ближе, тем дале,
Тем воздух больней.
Я весь на медали
Не прожитых дней,

Все смыслы иначу,
Нажиться спешу.
Смеюсь или плачу,
Грешу как дышу.

17 января 2016

Я в праздности достиг предела,
Задачи малой не реша,
Душа лететь - не улетела,
Но остывает не спеша.

Тускнеют лица, блекнут краски,
Желанья скупы и мелки,
И стали скучны эти маски
Всем карнавалам вопреки.

Возмешь пистоль, ко лбу приставишь
Помедлишь, выпьешь коньяку.
Коснешься белоснежных клавиш,
Проснешься, лежа на боку.

И ну спешить, и ну кружиться,
Лететь за тридевять земель.
И хочется еще нажиться,
И длить мирскую канитель.

Беситься все от разлуки,
Нырять без устали на дно.
И жать подряд в тусовке руки
С последней сукой заодно.

5 февраля 2016

Ковер, накидка, капли брома,
Из лейки в землю купорос.
Герани кисти возле дома,
И запах женских папирос.

Вотще я звал приход недели,
И всеу Бога поминал.
Толпятся дни, что пролетели
У входа в вечный терминал.

Как тесно там, и шум, и давка,
Моим же это нипочем.
Они не виснут у прилавка
За самым жирным калачом.

А так себе в свободной лени,
Вальяжно суетность храня,
Чего-то ботают по фене,
Ну совершенно без меня.

5 февраля 2016

71

Прошлое - исправимо
Будущее - увы,
Мне бы билет до Рима,
А выпало — до Москвы.

Вроде бы где -то рядом,
А в сути верховной - врозь.
Первопрестольным ядом
Пропитан мой ум насквозь.

7 февраля 2016

Поднимаю голову. Опускаю руки.
Это дело сделано, то - еще потом.
Возле уха бегают шепотные звуки,
Под руками листится тяжеленный том.

В этом томе радуга, «скорописи» даты,
За окошком Падуя, в белом, как и ты,
Мы с тобой, любимая, вечные солдаты,
На войне не конченной будней и мечты.

Вот герани свежие, вот зима горячая,
Вот кораллов выверты млеют под рукой.
Ах, ты Боже, Боже мой, та война незрячая
То бросает в полымя, то в сплошной покой,

Не дойду ли, выйду ли из чужой невидали,
Может, и не выберусь из слепой войны,
Дали, не додали ли, в убыли и прибыли,
В этом царстве нежности, долга и вины.

7 февраля 2016

Плывет февраль, жара за сорок,
Волна качает за волной.
В душе еще зима и морок,
А выше - пекло надо мной.

Утру лицо, на Будду гляну
И выпью влаги чувства без,
И, перейдя ужо поляну,
Услышу голос не с небес, -

Не дорожи пейзажем света,
Пересекая рубежи,
И переделкинское лето
На это лето отложи.

Где лопухи промеж сирени,
Истории сплошное дно,
Где, встав заутро на колени,
Молиться молча суждено.

Где жизнь прошла, но не до смерти,
Где голод сыт, и бунт в крови.
И где лежит письмо в конверте
Еще несбывшейся любви.

7 февраля 2016

Желанный мир вины и скорби,
И перестук колес чугунный,
И приближенье урби к орби
Всемирной полночью безлунной.

Что ты несешь мне в скорби лета,
Чем ты тревожишь боль утраты?
Но мимо нас летят ответы
Все так же смутны и крылаты.

И междометий этих стаи,
И звуки горлиц и орланов,
Услышит ли душа земная
Под дробь военных барабанов,

Где те, что справа делят нивы,
И те, что слева делят доли,
Как прежде горды и гневливы,
Крича священные глаголы.

Что мне их помыслы и лепет
Живущему полдня на свете,
Истошный гнев, священный трепет,
Когда лишь Бог за все в ответе.

8 февраля 2016

Я уйду непобежденным,
Не усталым и тугим,
В бычью пару запряженным
И, конечно, молодым.

Буду гнать свою телегу
По не вспаханым полям
Лихо к вечному ночлегу
С бычьей тварью пополам.

Раз - бугор и следом - яма,
Поперек версты — река,
Как там в небе Вашем, мама,
Велики ли в нем века?

То ли птица, то ли спицы
Свиста дивного полны.
Все в одно сольются лица,
Схожи с обликом луны.

Имена, заботы, даты,
Свежим ветром, пухом с плеч,
Да бренчат на ямах латы
О тяжелый медный меч.

17 февраля 2016

Я пью с самим собой в восьмой недели день,
И утра нежный звук касается руки,
И движется в углу от прошлой ночи тень,
Закону смежных дат и свету вопреки.

Мерцает прежний смысл в холодной голове,
И кожа дышит в такт проснувшемуся дню.
Конечно, я не прав в семнадцатой главе,
Прильнув своей щекой к погасшему огню.

Как прежде опалим, как прежде обожжен,
И пальцы наугад как корни сплетены.
И вижу, как вверху прекраснейшей из жен
Кружится пепел лет средь пепла седины.

Я вовсе не спешу. Не выучив урок,
Грешно уйти туда, где школы на замке.
Как бережен и свят речей тревожный ток,
Минувшей ночи свет и солнца вдалеке.

1 марта 2016

77

Как много камней и так мало богов,
Подобный порядок от века таков.

Так редко среди слов попадается Речь,
И оню следует жадно беречь.

Коль встретился бог, поклонюсь - подыму,
Потом рассмотрю благодарно в дому.

А Речь, что услышал, сто раз повторю
В проснувшемся марте, забыв к ноябрю.

3 марта 2016

78

Все меньше нас, все больше их,
Но не о том мой грешный стих,

И не об этом, о другом,
О том, что станется потом.

Поблекший дом среди олив,
Сперва прилив, потом отлив.

Одна волна, еще волна,
А «дальше только тишина».

4 марта 2016

Стекла разбитые куски,
В крови насквозь стопа,
Мне жить наверно не с руки,
Где царствует толпа.

Глотая гвозди их острот,
Дырявя лоб и плоть,
Где мне надежда и оплот
Последние, Господь.

Я вынув сердце, посмотрю,
Чего оно болит,
И про себя проговорю
Бессмыслицу молитв,

И вспомню, медленно ведя
Грехам обильный счет.
Простой маршрут, куда ладья
Чарует и влечет.

Еще, что суть - истончена
Доставшаяся нить.
Что жизнь по край вины полна,
Что некого винить.

4 марта 2016

Как хорошо душа дрожит,
Почуяв смертный грех,
Когда смеется Вечный Жид
На мой не вечный смех.

Как хорошо звенит коса
Не о слепой кадык,
А о траву, когда роса,
Под еле слышный крик.

Я знать тебя не начинал
И звать еще не смел,
И лишь, начало всех начал,
Почувствовать успел.

На черном красным провела,
Закрыла серым щель.
И прямо в сердце в два ствола
Попала слету в цель.

Восторга жест неуловим,
Нечаян и лохмат.
Теперь смеется Элоим
В лицо своей Амат.

5 марта 2016

81

Что такое - «из ребра», -
Объясни мне, будь добра.

- Милый, что ни говори,
Мне с тобой теплой внутри.

Для меня ты кров и дом,
Остальное все потом.

А еще во время стужи
Мне достаточно снаружи

На груди свернувшись - быть
И сквозь сон (е-два) любить.

17 марта 2016

Треснут луч наполовину,
Тень полуночи тиха,
И затягивает в тину
Память прошлого греха.

Мы с тобою неразлучны,
Вдоль и поперек родны.
Оба медленны и штучны
Как бессмысленные сны.

Вот он страх на раме мото,
Вот он звук в проеме дня.
Два бессрочных идиота,
Вещей милости родня.

Ешь и пей благополучно,
Береги коросту ран,
Милосердно и беззвучно
И во весь цветной экран.

Все равно потом ли, рано
Будет выпит поздний чай.
Треснет музыка экрана
И погаснет невзначай.

19 марта 2016

Молитва

Я тебе нужен,
И ты мне нужна.
- Сначала мужем,
- Сначала тебе жена.

Потом птицами
Под небеси.
Господи,
Не обнеси.

Не Молитва

Ты мне нужен,
А я тебе нет.
Сначала ужин,
Потом наступает рассвет.

А следом и жизнь
Промелькнет мимо.
Нелюбимо.
Необратимо.

26 марта 2016

Волна давно не приходила,
Счастливой музыкой губя,
И не волнуется ветрило
При виде бешеной тебя.

Так и живу в режиме плача,
На острие живом луча,
В надежде, жизнь переинача,
Дышать немея и звуча -

Насквозь, навывлет, без финала,
Вне траектории свинца.
И знать, что жизни этой - мало.
А той, которой, - без конца.

1 апреля 2016

Неумная, не случайная,
Бесконечная как мираж,
Полумуза моя обручальная
И легчайшая из поклаж.

Вот навстречу верхом из памяти
Пробивается вещей зрак.
Той не снежной, весенней замяти,
Что не вспомнить дано никак.

Я смиреннее римской окраины,
Я покорней самой судьбы.
Запишу себя в ваньки-каины,
А потом и совсем в рабы.

4 апреля 2016

Живи, немытая держава.
Что ни случится, Бог с тобой,
Идущих влево и направо
Ведущая в последний бой.

Я был с тобой и буду вечно
В твоём болоте и дыму,
И прочее — бесчеловечно
В моем разрушенном доме.

Какие сны, какие души
Тебя пороли и вели,
Одна шестая грешной суши
Моей единственной земли.

Пою ли, плачу ли напрасно,
Сжимаю голову, хрипя,
Я за тебя единогласно,
Пусть целый мир не за тебя.

Не почему, противу логик,
Какой грешны одни рабы,
Я безнадежный алкоголик
Твой пронзительной судьбы.

5 апреля 2016

Ничто не вечно под луной,
Опять опричнины стезя,
И супит брови вечный Ной,
Поклажу вечную везя

На испещренный древний брег:
Холстину, доски, такелаж.
Опять под парусом ковчег,
Вот только жалко, что не наш.

Кружится чайка, голося,
В своей печали вековой.
И жизнь, иссеченная вся,
Все тщится помахать рукой.

6 апреля 2016

Плоды моральной суеты
Не велики, не глубоки,
Есть у меня, наверно, ты,
Твоей же сути вопреки,

Есть у меня громоздкий мир
Со всей своею пустотой,
Да я, простой советский Лир,
В кабак забредший на постой.

Не пью, вздыхаю тяжело,
О царстве праведном тужу,
За то, что было и прошло,
Себя жалею и сужу.

А царства нет, и скорбен дух,
Но на последние гроши
Пою портвейном двух старух
В помин не выжившей души.

6 апреля 2016

Никогда-нибудь приеду,
Никогда-нибудь найду,
Может позже, может в среду,
Может в правильном бреду.

Ты не встретишь, не узнаешь,
Головы не повернешь,
Все болеешь и летаешь,
Пропадая ни за грош.

А летаешь по подвалам,
Бьется темя в потолок,
Где в своем пространстве малом
Каждый смертный одинок.

Вот легло на тучу слово,
И вода течет, дыша,
Мысли надобна обнова
В две строки с карандаша.

Без расчета, без примерки,
Помози нам грешным, Бог.
Без тебя, без пионерки,
Ничего бы я не смог.

19 апреля 2016

Я весь из долга и вины,
И этих ношей - тьма.
Мне остаются только сны
На гульбище ума.

Из яви ступишь - прошлый век
И гон больных дворняг,
И безымянный имя рек -
Мой незабвенный враг.

По реям скопище друзей,
Повисли на ветру,
И этот вечный коллизей
В обыденном аду.

А дальше путь - сплошной гранит
И в трещинах- трава,
Где даже Бог не сохранит
От власти естества.

Я закрываю вещей глаз
Покровом мертвым льда.
И вновь шепчу- «помилуй нас»
Куда-то в никуда.

21 апреля 2016

Твои голубые пиноги
И звезды в моей голове
Пребудут в не общем итоге
В природе, судьбе и молве.

Дитя молодого разврата,
Ведущая девственный быт,
Мне суть пред тобой виновато
За то, что я памятью сыт.

За то, что угроблен до срока
Обломками скорбными дат,
Что веры больная морока
Меня не вернула назад.

А бросила в готику Праги,
Где самоубийственный Брут
Провел наугад по бумаге
И мой нерасхожий маршрут.

28 апреля 2016

Шестнадцать ступеней, и ночь на дворе,
Четырнадцать весен, и утро настало,
Воистину тот, кто не умер — умре
Однажды от жажды в краю краснотала.

Зачем- то зима пробежала знобя,
Зачем- то луна занавесила око,
Мне было с тобой, как всегда без тебя,
Летально, свободно и не одиноко.

Наверное, вера имеет предел,
Граница проходит меж волей и роком.
Осталось немного не сделанных дел,
Доверенных смертным пророком -

Коня напоить неживою водой,
Колени поставить на землю сырую,
Да спрятать светило за горной грядой
В безбожную полночь глухую.

И выпить всю ночь до холодного дна,
И выдышать душу до призрачной сути,
До самого края нездешнего сна,
Дарованных вещей минуте.

5 мая 2016

И голос потух, и пожухла трава,
И ветер забился в червонную щель,
И солнце остыло, проснувшись едва,
И выдохся за полночь - собранный хмель.

И все же я вышел из леса на свет,
И все же я выстрелил молча в висок.
Скажи мне, голубчик, а много ли лет
Стекала душа в неподвижный песок.

Который развеян давно по земле,
Который рассыпан с золой пополам.
Как жили во зле, так и сплыли во зле,
Как будто и не было выбора нам.

Пора бы и жизни на смерть присягнуть,
Как делала прежде бубновая знать,
А в чем же она заключается суть
Не вышло узнать, и не выйдет узнать.

13 мая 2016

ВСТРЕЧА

Режим служения умерен,
И благостен и терпелив,
Вези и дальше, долга мерин,
Святую ношу на двоих.

И со спины и с полувзгляда
Ты узнаваемо родна.
И памяти надежда рада,
Не исчерпаема до дна.

Сидим в кино на полустанке
И рук тепло сжимаем в плоть,
Один стакан и две баранки
Да хлеба белого ломоть.

И водки призрачные грани
Переливаются в луче,
Где идиоты на экране
Шагают бодро в кумаче.

За что нам, Боже, это благо,
Минутной встречи нежный храм.
А завтра врозь — Москва и Прага
Судьбу растащат пополам.

16 мая 2016

Закат темнел, трава желтела,
И пепел ветер моросил,
Лишь оставалось гибким тело
По мере безысходных сил.

Кругом жила стихия страха
И равнобедренной тоски,
И был я сам синоним праха,
В рабах у гробовой доски.

Но что - то пело и дышало,
И мерно двигалось вовне,
И жить разрушенно мешало,
И помогало слышать мне

Тот голос, что исчез куда-то,
Пропал из памяти и дат
На дне снесенного Арбата,
Поверху липовых палат.

О, как он звал неумолимо,
Твердя благое — исполать,
Как не давал мне голос Рима
Когда-то сердце оборвать.

16 мая 2016

Раздавишь голову змее,
Проснешься вял слегка,
И дальше в путь по колее
В не бывшие века.

А в заднем зеркале — кольцо,
В переднем - небосклон,
Я потерял давно лицо,
Из жизни выйдя вон.

А в ней все те же - боль и бой,
А в ней - вина и власть.
И выбор, данный мне судьбой,
Взлететь или упасть.

И я смотрю на свой сюжет
Давно со стороны.
В нем Бога нет, и веры нет,
А только гул войны.

А здесь - и Бог, и глухомань,
И бездна праздных дел.
И этот дар - в слепую рань
Исполнить свой удел.

17 мая 2016

97

Пепельно-серый устойчивый быт -
Умер, родился, мелькнул и забыт.

29 мая 2016

Я - очень многочисленный народ,
Меня давно невыносимо много,
И я бреду весь век наоборот,
Сначала к Богу, а потом от Бога.

А на границе всадники и рвы,
Пролет свободен бабочкам и птицам,
Еще летучим призракам молвы,
Рассеянным по прочим границам.

И боле никого и никогда,
Ни звука жеста, ни живого слова,
И без людского праздного суда
Под крышами размноженного крова.

Здесь нету войн и схваток за престол
Здесь правлю я давно - в пределах тела.
Здесь в подданных покорнейший глагол,
И каждый звук до хрипоты предела.

Так и живу, не помня ни о чем,
Для здешних лет избыточно пропащий.
Вот если бы не ангел за плечом,
Да чей-то голос вещий и скорбящий.

3 июня 2016

Черкнет по полдню ветер веткой
Живую фразу наобум,
И тихо грянет выстрел меткий,
Освобождая скорбный ум.

Свобода выдохнет устало,
Закроет нежности глаза,
И мы отчалим от вокзала,
Когда закончится гроза.

И будем рвать земные связи,
Минуя землю «над» и «под»,
Слепой Пегас у коновязи,
Не замечая наш уход,

Уткнется мордой в чью - то торбу,
Жуя и слушая прибой,
На острове священном Корбу,
Где жили-были мы с тобой.

4 июня 2016

Свободно, легко и весело
Душа не торопится жить.
Зачем- то судьба подвесила
Меня на не тонкую нить.

До кончика пальцев — дистанция,
До дальней звезды — ничто,
Когда- то больная Франция
Лечила меня в шапито,

С тех пор в желто - красном месяце
Я узнаю тот свет,
И вижу в мирской околесице
Божий - навзрыд - завет.

Как мне легко танцуется,
Скинув обузу с плеч,
Кружится и гарцуется
Моя потаенная речь.

Наотмашь и мимо случая,
Меж знаков тире и проч,
Там, где мерцает лучшая
Безлунная в мире ночь.

17 июня 2016

Слава богу, лед растаял,
Где отдельно ты и я,
Был убит холопом Павел,
По закону бытия,

Хорошо, что соль на коже
Можно смыть простой водой,
Помоги нам грешным, Боже,
Быть в согласии с собой,

Ты - налево, я направо,
Слепоты не вечен век,
Никому не должен, право,
Несвободный человек.

Что тут скажешь — жизнь не вечна,
А в избытке мечт и дел,
Раз земля бесчеловечна,
Можно выйти за предел

Веры, памяти, простора
(Оным скованы рабы).
У меня украли воры
Долю вещую судьбы.

19 июня 2016

Возле реки Эвной
Дом мой стоит века.
В нем царство мое земное
В пространстве черновика.

Я погружаю руки
В теплую плоть реки,
Там, где плавают звуки
Смыслице вопреки.

И достаю оттуда
Любви и добра слова
В облике сна и чуда,
Слышимого едва.

И, разложив любезно,
Сушу их - не вслух - дыша,
И вторит им слепо бездна -
Моя - не моя - душа.

19 июня 2016

Врагов забыл, друзей не вспоминаю,
И Данта ком дыхание теснит.
И мысль толкает, приближая к краю,
Поток недогоревших Леонид.

Я есмь, я был, я временем источен
До лишних строк, до темени луча.
Я был всегда туманен и неточен,
Земную жизнь бессмысленно влача.

А день погож, и на небе узоры,
Знакомых туч развалины тесны,
Не кончены ни жизнь, ни разговоры,
Которые мне заменяли сны.

Трещи же громче, бедная сорока,
Пугай слова, несбывшийся сюжет.
В пространство меж порока и пророка
Не выпал мне просроченный билет.

И посему свободен, ако боги,
И выброшен из неизбежных лет
На тот рубеж, что посреди дороги
Связал узлом и тот и этот свет.

20 июня 2016

Что душа? Там где мясо и кости,
Лишь убогая тень пустоты.
Ей отказано в быте и росте,
Даже Бог с ней, конечно, на «ты».

И другое, я думаю, дело,
Что старея, любя, мельтеша,
Возвышает нас брренное тело,
Так прощально, не то, что душа.

Промелькнет и погаснет, и снова
Раскачает небесную глушь.
А еще несказанное слово
Может выдохнуть в скопище душ.

Может тлеть, может сжечь ненароком,
Так предметно, не то что душа.
Может стать на мгновенье пророком,
Целый мир невзначай сокруша.

23 июня 2016

Что-то море тревожно и сонно,
Чья-то воля моя — не моя.
А душа не мелеет бездонна,
Обломав о неволю края.

Кличет птица бездомная в роще,
Вызывая меня - не меня,
Мне с тобою, конечно бы, проще
Просидеть до утра у огня,

Чем бродить одному по дороге
Среди звезд в придорожной пыли,
Слушать звуки казенной тревоги
Этой самой небесной земли.

Как цикада свистит и стрекочет,
Больно рая неслышимый слог.
Море камень без усталости точит,
Чтоб куриный был выточен бог.

Я не я - еще, кажется, слышу
Этот труд продолжением в срок,
Когда сносит и разум, и крышу
Незатейливо плавный курок.

25 июня 2016

Свет ты мой, неодолимый
Этой тьмой и здешним веком,
Тяжело ли быть любимой
Только дальним человеком?

Тяжело ли звать напрасно,
Не пришедшего в ответе,
Еженощно, ежечасно,
С датой прошлою в билете.

Тяжело ли быть летящей
Без земли к тебе плывущей,
Неизбывно настоящей,
Счастья вволю неимущей.

Ты прости меня за крохи
Жизни в воле и размахе,
Нам достались от эпохи
Только помыслы и страхи.

Только бедная удача -
Ворожбы, волшбы в избытке,
Тайной жизни в мере плача
Вместо яви в древнем свитке.

14 июля 2016

Приложение

«В пространстве тысячелетия»

Леонид Латынин отвечает на вопросы

Дмитрия Бавильского «Топос»

<http://www.topos.ru/article/6300>

Жизнь и творчество Леонида (<http://www.latynin.ru/>) много шире скупых строчек резюме, о чем сразу же становится понятно – и из нашего общения, между прочим, тоже. Латынин – универсальный автор, которому подвластны самые разные жанры и стили. Поэтому свою беседу мы и разделили на три части – сначала поговорили о стихах, тем более, что большая часть его новой книги «Дом врат» была недавно опубликована у нас на «Топосе». Затем я расспрашивал Леонида о его прозе, а в заключении – о том, что между поэзией и прозой – о времени и о жизни в этом времени, сложном и неповторимом.

Дмитрий Бавильский

Вопросы Дмитрия Бавильского совпали с временем выхода моей книги «Черты и Резы». Именно этим и обусловлено начало нашего разговора. ЛЛ

Часть первая

Стихи

ДМИТРИЙ БАВИЛЬСКИЙ. Тема отклонения от общепринятой грамматики задается уже в названии книги «Черты и резы», для чего это было нужно и как это следует расшифровывать?

ЛЕОНИД ЛАТЫНИН. А в чем отклонение? «Черты и резы» – это идиома. Наши предки в дохристианский период русской истории использовали некую разновидность рунического письма в виде «черт и резов». Подтверждает этот факт и трактат «О письменах» болгарина монаха Храбра, времен Кирилла и Мефодия: «Прежде словене не имаху письмен, но чертами и урезами читаху и гадаху»... О том же свидетельствует и археология.

В книге академика Рыбакова «Язычество древней Руси» есть глава, которая называется «Календарные «черты и резы».

Ученый, исследуя эти – черты и резы, которыми покрыты сосуды, раскопанные на территории Киевской Руси и датированные вторым– четвертым веками, приходит к выводу, что эти знаки носят либо календарный характер, либо связаны с магическим ритуалом, жертвенными обрядами, гаданиями и аграрной магией. А вся жизнь наших языческих предков была пронизана магией. Рыбаков употребляет, конечно, уже устоявшееся для славянской праписьменности определение как метафору. Но и черноризец Храбр говорит об использовании «черт и резов» не только для письма, но и для гадания.

И, наконец, «черты и резы» – это личные клейма и знаки бортников, которые они оставляли на стволе деревьев, например, березы, помечая границы своей частной собственности. Можно считать, что эти знаки – в известной степени предшественники берестяных грамот.

В общем, есть устойчивое словосочетание, которое являет собой вместилище множества смыслов.

Не надо путать старославянское «черты» (ударение на первом слоге) с современным словом черты (ударение на последнем слоге). Слово черты имеет следующий синонимический ряд (не имея единственного числа): резы на дереве, клинопись, бортический знак, клеймо, тайнопись, криптография (от греческих слов *kryptos* – тайный и *grapho* – пишу). Над магическими календарными знаками, украшавшими сосуды – чары (очаровывать), занимались колдовством и гаданием чародеи и чародейки.

Слово черта имеет совсем другой синонимический ряд – линия, межа, граница и проводилась она, в допергаментный и добумажный период, прежде всего, по земле, деля поле одно от другого.

Смысл названия моей книги, разумеется, раскрывается в пределах первого синонимического ряда.

ДБ. Отклонение – в необычности, занозистости звучания, мгновенно окликающегося внутренним диском: легких путей вы не ищите. Скажем, я никогда бы не назвал свою книжку таким образом, а вы уже с названия начинаете проблематизировать общение с читателем (я привык, что читателю нужно помогать)...

ЛЛ. Вы знаете, для меня литература – не супермаркет, в который может зайти каждый, дверь открыта, и все – на полках, ценники – в копейках, а скорее – высокая опера, куда не только нужно купить дорогой билет, но и быть меломаном – иначе зачем билет покупать. Или вход в пещеру, который недоступен, если не знать пароля: «Сим–сим, открой дверь».

В изданной переписке Парщикова и Курицына (Алексей Парщиков, Вячеслав Курицын. Переписка. Москва: Ad Marginem. 1998) Алексей воспроизводит мою притчу об искусстве для первого ряда.

Поскольку версия Парщикова пропущена через его стилистику и сознание, воспроизведу свой вариант. В 1995 году Португалия принимала очередной конгресс членов World Organization for Poets. Акция проводилась европарламентом, посему прием был пышным. Одним из угощений, которым нас потчевали, был жутко модерновый французский балет, руководителем была обозначена Olga Roriz.

Это проходило в бывшем тронном зале королевского дворца. Небольшая площадка, где некогда стоял трон, и была местом, где танцевали артисты, и перед ними стояли в четыре ряда десятка полтора стульев. В первый ряд сели тогдашний президент Мариу Суареш, лауреат нобелевской премии Воле Шойнка, премьер и, кажется, испанский поэт. Я сел сбоку, боясь помешать сидящим за мной видеть происходящее на сцене. Практически весь танец

происходил на полу. И севшие в прочие три ряда мало что видели. Вечером на приеме я сказал Ольге, – увы, даже из второго ряда в Вашем спектакле трудно что-то увидеть. И она мне ответила, не без улыбки, что ее искусство для первого ряда.

В мою задачу не входит помощь читателю. Мой диалог возможен только с теми, кто знает пароль и язык, на котором я говорю, и, разумеется, контекст культуры этого языка. К счастью, круг моих собеседников и читателей пусть и не столь широк, несмотря на европейские переводы, но весьма для меня содержателен. Впрочем, мне хватило бы Жоржа Нива и Евгения Витковского.

Возможно, продаваться в супермаркете литературы не так уж плохо, рекламщики шустряют, продавцы суетятся. Но так уж получилось, что перефразируя Декарта, находясь в разных культурных измерениях, мы не подозреваем о существовании друг друга.

ДБ. А что тогда входит в вашу задачу?

ЛЛ. Ну и вопросище, Дима, круче его только о смысле жизни. Но попробую пройти пару метров по дороге на этот Эверест.

Прежде всего – прожить здешний кусок жизни достойно, не мучая близких моей утопией. Что касается поэзии, она всего лишь тень во времени, которая естественным образом повторяет форму нашего сумеречного сознания.

ДБ. Давайте сузим глобальность вопроса – какие задачи перед собой вы ставили в этой конкретной книге?

ЛЛ. Уже легче, хотя ответить сложнее. Однако попробую.

Задача, то есть рукотворный этап поэтической книги, возникает через энное количество времени жизни в тексте. Сначала возникает сам текст. Нельзя думать о том, как будет выглядеть птица, когда перед тобой всего лишь яйцо. Или даже точнее – перед тобой всего лишь дерево, которое ты вырастил. И должна появиться мысль, задача, сюжет, чтобы из этого дерева сделать скрипку или свирель.

Стихотворения рождаются сами из воздуха, если умеешь слышать; из тоски, которая никуда не уходит, если ты не пьешь; из любви, из сострадания, если ты бессилён помочь, и из прочего сора человеческих переживаний.

В данном случае книга возникла сама собой из предчувствия и угнетенности болезнью, о которой я не подозревал, но она уже жила во мне. Как ни странно, метафора любви как формы

тяжелой болезни сюда вполне подошла. Но понял я это, когда увидел книгу целиком, увидел, что сюжет ее, если приложить усилия, выстраивается в пределах анти- мотива об Эвридике, мотива нетрадиционной Эвридики, которая причиняет невероятные муки герою (отсюда название главы – Морок), и она же, когда герой оставляет землю и спускается в ад, зовет и возвращает его обратно. Ибо в данном случае покидает землю герой, а Эвридика остается на грешной земле. То есть страдание оборачивается искуплением и спасением. Этап приложения усилий не был уже столь длительным, недостающие черты и резы были исполнены где-то за месяц до онкологического диагноза.

Но и тогда я не понял, зачем первым стихотворением поставил то, которое заканчивалось словами:

И, середь вот этой свалки, этой судороги, боли, дележа и куража, Смуты, лепета и крика, мировой державы бранной, Я люблю, дышу, страдаю, этой жизнью бесполой, бесконечно дорожа, Этой жизнью безымянной, жалкой, грешной, краткой, странной, Различимой на полвзгляда, но до одури желанной.... на пол взмаха от ножа.

Я даже еще посомневался, что это за есенинская лексика, но спустя несколько месяцев, когда скальпель распахал меня по вертикали, я подумал о правильности своего подсознательного движения и осуществленной семантике данного ножа. Более того, в новой книге, написанной в период диагноза и лечения, у меня сами собой возникли названия глав: На полвзмаха от ножа и После ножа.

ДБ. С чем связано написание топонимов с маленькой буквы? Какой за этим концепт? Можно ли его назвать удавшимся (работает ли он на раскрытие главных смыслов книги)?

ЛЛ. Внимательный вопрос. Мысль проста: только слово «Бог» заглавной буквой может быть возвышено над прописью топонимов и прочих имен собственных, данных природе и социальному человеку.

И в «Чертах и резах», и в «Фонетическом шуме» – диалогах с Витковским, и в книге из серии «Сон серебряного века» этот прием был реализован. Но хождение не по камням оказалось неправильным по ряду причин – и прежде всего надо было сочинить собственную грамматику и посвятить в нее корректора, редактора, и наконец, читателя, который, отвлекаясь на внешний, монотонный и малосодержательный прием, мог пропустить тайное и значимое.

Формальное и внешнее всегда говорит громко, внутренне тонкое и трепетное – говорит полуслышно. Еле.

Я думаю Вам это понятнее, чем другим. Скажем, звуки рояля, на котором исполняют «Фантазию–экспромт» Шопена менее слышны, чем работающая рядом пилюрама.

В оные годы по приказу литфонда рабочие, разломав, выкинули из переделкинского дома Пастернака рояль, на котором играл Генрих Нейгауз. Так вот, после того как крышку рояля разбили топором, играть на нем было безнадежно даже самому совершенному музыканту. Сейчас же на каждом дне рождения Пастернака этот рояль вновь звучит прекрасно. Но для этого его надо было восстановить и настроить. Грамматика более сложный инструмент, чем рояль. В каком–то смысле, ломая грамматику по своей воле, я уподобился рабочим и литфонду в одном лице. Поэтому, Вы правы, мой концепт оказался обычным варварством, хотя замысел был избыточно полон благих намерений. Я думаю, в этой модели весь принцип модернизма: сломанный и расстроенный инструмент грамматики легализует отсутствие мелодии тайного, сущностного и главного содержания.

В новой книге «Дом врат», слава Богу, все традиционно. Да и заглянув за край жизни, я обнаружил, что там нет ни модернизма, ни постмодернизма, одна классика жизни и смерти.

ДБ. А с чем связано обилие курсивов, словно бы солнечным зайчиком путешествующего из текста в текст?

ЛЛ. Проще всего на этот вопрос ответить на примере конкретного текста. Вот, скажем, стихотворение «Что-то солнце подземное село...» Выделено курсивом словосочетание, а для меня понятие, –подземное солнце.

Согласитесь, подземное солнце – вещь редкая в нашем обиходе. Но вот для Евгения Витковского, с которым когда–то мы выпустили общую книгу диалогов, где поэтическая часть была моя, а прозаическая принадлежала Е.В., эти выделенные слова окажутся вполне содержательными, ибо только накануне я говорил с ним о замечательном сюжете северодвинской прялки, 18 века, на лицевой части которой были изображены четыре солярных знака.

В квадрате, разделенном на четыре части, на белом дневном фоне сверху изображалось восходящее солнце – слева и заходящее – справа. И внизу, под землей, наоборот, на черном ночном фоне восходящее солнце – справа, и заходящее – слева. На этой прялке зафиксировано представление древнего сознания и о том, что солнце уходит под землю, и о том, что там, под землей, в царстве, где живут ушедшие в землю, есть свои закаты и свои восходы, и о том, что солнце для живых и мертвых общее. Конечно, вы можете меня упрекнуть в том, что образ оказывается зашифрован, а ключом к шифру владеет автор и еще два–три человека.

Но в поэзии это вообще нередко случается – иначе стихотворение не обрастало бы таким количеством комментариев. Курсив – в данном случае знак того, что на этом слове стоит задержаться, оно не случайно, за ним – некий смысл.

Или, скажем, в стихотворении «Что– то света стало мало» выделены курсивом слова – Наступает жажда веры у поверженного хама. Тут, конечно, отсылка к Д. С. Мережковскому, который предсказал на рубеже 19 и 20 века, а точнее в 1906 году, приход в Россию грядущего хама. Кстати, ему же принадлежит мысль о том, что Китай грядет в Европу, и о том, что желтолицые позитивисты затопили мир, а повторенное им легендарное пророчество дьячка Троицкой церкви быть Петербургу пусту («Смерть России – жизнь Петербурга; может быть и наоборот, смерть Петербурга – жизнь России) уж как– то слишком горячо оспаривал Лев Давыдович Троцкий, так что невольно подумаешь: спорить-то он спорил, а столицу все же большевики решили перенести.

Так вот, возвращаясь к нашей строке. Курсив здесь указывает на наличие скрытой цитаты в тексте, на попытку вступить в диалог с Мережковским, продолжить его мысль о грядущем хаме сообщением о том, что вчера грядущего, а сегодня сущего, хама потянуло на веру. Я думаю, мы все свидетели этого процесса.

Иногда я обозначаю курсивом архаизмы и неологизмы, в своем неправильном для нынешнего словаря написании. Иногда – нужно выделить мысль, которая выходит за рамки данного стихотворения. В общем, для меня курсив – способ диалога с посвященным и, надеюсь, со временем, и просто читателем.

ДБ. Вряд ли вы ждете от читателей подобной проникновенной эрудиции. Означает ли, что курсивы и подобные «пряталки» второго и третьего уровня смыслов выполняют роли детских «секретиков»?

ЛЛ Так ведь вся поэзия требует от читателя эрудиции, и хотя поэт редко специально играет в пряталки, он невольно оставляет массу разбросанных секретиков. Другое дело, что можно прочесть стихотворение, даже и не заметив этих секретиков. Что может быть яснее «Евгения Онегина», к тому же разжеванного, растолкованного школой и университетским курсом литературы XIX века? Но вот в 1980 вышел комментарий Ю.М. Лотмана к «Евгению Онегину» – и я обнаружил, как много мною было упущено при чтении «Онегина».

Зато теперь, казалось мне, я понимаю почти все. А в 1998 году был издан на русском «Комментарий» Набокова к «Евгению Онегину», по объему раз в десять превышающий лотмановский, он стоит у меня на полке, и общение с ним еще не закончено. И комментарий этот вызвал во мне и восхищение литературным и лингвистическим кругозором Набокова, его филологической виртуозностью, и ощущение бессилия перед пушкинским тек-

стом, который, оказывается, неисчерпаем. Диалог читателя с текстом и составляет объем его содержания. Поэзия еще оказывается и поводом к физическому воспоминанию о случившейся истории.

Возьмем простое, на первый взгляд, небольшое, хорошо известное стихотворение Мандельштама:

*Куда как страшно нам с тобой
Товарищ большеротый мой,
Ох, как крошится наш табак.
Щелкунчик, дружок, дурак!
А мог бы жизнь просвистать скворцом
Заест ореховым пирогом.
Да, видно, нельзя никак...*

1930, Тифлис

Все понятно? Да вроде все. Экзистенциальное ощущение страха, понимание жизни как предначертания судьбы. Сильный образ легкого отношения к жизни: «просвистать скворцом, заест ореховым пирогом». Слова, ставшие крылатыми.

Имеет ли значение, что этот ореховый пирог, как вспоминает Надежда Яковлевна Мандельштам в «Третьей книге», был съеден на ее именины, 30 сентября 1930 года, и оттуда залетел в стихи? Имеет ли значение, что эти стихи обращены к ней, что это она «товарищ большеротый мой»? Имеет ли значение, откуда взялось чужеродное для Мандельштама слово «товарищ»?

Надежда Яковлевна вспоминает, как посмеивалась она над женами партийных начальников на даче в Сухуми, когда они своих мужей называли «товарищами», и как Мандельштам сказал «Нам бы это больше подошло, чем им». Сказал – и вставил слово в стихи, где оно звучит и чужеродно, и тепло, и иронично. И табак, оказывается, не случайно крошится: в условиях тифлисского табачного дефицита на рынке приходилось покупать и такие табачки, пересохшие и крошащиеся. Да и страх не просто разлит в воздухе времени, а конкретен: всесильный первый секретарь Закавказского крайкома партии В. Ломинадзе, покровительствовавший Мандельштаму и тепло его принимавший, внезапно пал, был объявлен организатором «право-левацкого блока» и снят со всех постов. Такое покровительство оборачивалось против четы Мандельштамов, - и они поспешно покинули Тифлис.

Таким образом, мы видим, что для Надежды Яковлевны Мандельштам в этом стихотворении гораздо больше смыслов, чем для нас. Если угодно – секретиков, которые она нам в комментариях и раскрывает. Но ведь написано оно не для Надежды Яковлевны? И не к каждому стихотворению прилагается комментарий?

Работа читателя как раз и заключается в том, чтобы пройти несколько уровней смыслов, расшифровать их. Это не всегда получается. Тогда остается ощущение неразгаданности – и порой оно заставляет вновь и вновь обращаться к загадочному в тексте.

Приведу в пример известное стихотворение одного из самых любимых моих поэтов – Георгия Иванова. Придется процитировать его полностью.

*Свободен путь под Фермопилами
На все четыре стороны.
И Греция цветет могилами
Как будто не было войны.*

*А мы – Леонтьева и Тютчева
Сумбурные ученики –
Мы никогда не знали лучшего,
Чем праздной жизни пустяки.*

*Мы тешимся самообманами,
И нам потворствует весна,
Пройдя меж трезвыми и пьяными,
Она садится у окна.*

*«Дыша духами и туманами,
Она садится у окна».
Ей за морями-океанами
Видна блаженная страна:*

*Стоят рождественские елочки,
Скрывая снежную тюрьму.
И голубые комсомолочки,
Визжа, купаются в Крыму.*

*Они ныряют над могилами,
С одной – стихи, с другой – жених...
...И Леонид под Фермопилами,
Конечно, умер и за них.*

Что поражает в стихотворении? Сначала, конечно, музыка, колдовская магия слова. Завораживает ощущение мировой истории, волны которой перекачиваются от легендарного спартанского царя к советским комсомолочкам, как волны моря катятся от Греции до Крыма. Мощно выражено ощущение трагизма утраченной жизни (времени) и утраченной блаженной страны (места), превратившейся в «снежную тюрьму». Но даже для восприятия стихотворения на этом, самом первом уровне, надо знать, что

происходило в сшибке европейской и восточной цивилизаций под Фермопилами и понимать, что не только закавыченные строки взяты из «Незнакомки» Блока, но и перед ними – скрытая цитата из Блока.

Георгий Иванов любит прямые и скрытые цитаты, задавая работу своим будущим исследователям и предвосхищая постмодернизм с его центонностью. А вот дальше возникает вопрос: прямая и скрытая цитата из Блока – это все? Или есть еще скрытые цитаты?

Думаю, что есть. Вот знаменитое высказывание Константина Леонтьева:

«Не ужасно ли и не обидно ли было бы думать, что Моисей всходил на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели Пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арбеллами, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только, чтобы французский, немецкий или русский буржуа в безобразной и комической своей одежде благодушествовал, индивидуально или коллективно, на развалинах всего этого прошлого величия?»

В чередe героев, перечисленных Леонтьевым, рядом с легендарным красавцем Александром вполне может стоять легендарный спартанский царь Леонид. Леонтьев (в известной степени унаследовавший тютчевский взгляд на Россию и Запад) питал эстетическую ненависть к демократии, к эгалитарному процессу, и если революция в России и не принесла демократии – то она принесла, с точки зрения Леонтьева (и его сумбурных учеников), нечто худшее – торжество пошлости. «Голубые комсомолочки», что визжа купаются в Крыму – это конец аристократического периода истории, конец культуры, торжество мещанства.

На неистовый вопрос Леонтьева – за что умирали величественные герои мировой истории, Георгий Иванов дает, на мой взгляд, горький, ироничный и несколько снисходительный ответ: увы, и за этих комсомолочек тоже.

Если бы поэт был немного милосерднее к читателю, он бы пометил курсивом или как-то иначе обозначил наличие скрытой цитаты, переключки с Леонтьевым, значительно облегчив жизнь своим комментаторам.

Примеры можно множить и множить. Для меня уровни смыслов, зашифрованные поэтом, – это не детские секретники и пряталки, а интеллектуальное эхо, без которого не существует подлинной поэзии.

ДБ. Подлинная поэзия бывает всякая, в том числе и «глуповатая». Просто секретники нагнетают дополнительную суггестию и, оттого, являются вполне легитимным техническим средством. Другим таким важным дополнительным техсредством является наведение единого контекста, когда стихи как бы поддерживают друг друга, являясь чем-то целым. Я прочитал вашу книгу как единое целое, причем целое, имеющее отношение к искусству прозы, к роману в стихах или дневнику – когда циклы образуют части и главы, когда цифры маркируют причинно-следственную необратимость...

ЛЛ. Ну, я рад, что мы вроде бы пришли к соглашению насчет секретников. Что же касается Вашего замечания насчет способов создания единого контекста книги, то – оно, на мой взгляд, правомерно. О самом замысле и структуре книги я уже говорил, отвечая на ваш четвертый вопрос, не буду повторяться, скажу только, что в книге, действительно сложной и по законам прозы, есть темы, выходящие за пределы сюжета – двойственной природы любви.

Кроме того, использовано несколько вариантов социальных словарей. Да и порядок глав и цифры, тут вы тоже правы, играют свою роль. Но это уже территория читателя и критика.

Кстати, и для меня самого задуманная книга, и книга, прочитанная после болезни, разнятся в своих смыслах. Оказывается, что подсознание тоже форма разума, но в его формулу обязательно входит элемент времени.

ДБ. Расскажите, как ваша книга воспринимается вами ныне?

ЛЛ. По пути движения нашей беседы Вы зажигаете свет в самых забытых уголках моей памяти. Почему – то мне вспомнилась давняя застольная беседа в тогда еще густо населенном переделкинском Доме творчества. Я оказался за одним столом с Юрием Александровичем Завадским, к нему как-то приехала Галина Сергеевна Уланова. Она и завела разговор о его постановках «Отелло». И Завадский сказал, что в зависимости от времени спектакль воспринимался по – разному.

В 1937 году это была история о Яго, и вообще об интриганстве, злодействе и коварстве. Во время войны это был спектакль о ВЕРНОЙ, сильной, искренней, чистой, оболганной любви.

А после войны, когда солдаты возвращались домой, на первый план вышла тема измены и ревности. Я не помню, разумеется, дословно слова Завадского, но суть притчи ясна. Она в том, что время вкладывает в текст свое содержание.

«Черты и резы» для меня в период составления книги были поэтической версией романа «Гример и Муза». Главным был мотив страдания, испытаний, как платы за участие в рождении новой идеи.

А вот после перенесенных «страданий и испытаний» во время болезни, «Черты и резы» стали для меня книгой предчувствий.

Я засыпал отягощенным сном, я закрывал незащищенно веки И боль глуша надеждой и вином, я в смерти жил, как варвары и греки...

Откуда взялся этот странный эпитет к слову сон – отягощенный? Не из подсознания ли, из ощущения болезни, которая уже в тебе, но еще не названа? А вот другие строки:

Я брожу между синими соснами, все ищу свой зеленый рай. Меж годами подряд високосными, там, где мается месяц май. Май – сейчас для меня месяц жесткого и однозначного онкологического диагноза. Что мне, смертному, было за дело до небесной твоей головы. Я заштопал разъятое тело на окраине желтой Москвы

– когда я сейчас перечитываю эти строки, я вижу в них предощущение будущей операции, когда скальпель разъял плоть от груди до паха.

Мотивы рока, смерти, конечности земной жизни, в общем-то часто варьирующиеся в поэзии, тоже наполнились для меня совершенно конкретным смыслом

В царстве мертвых детские заботы – ни еды, ни дел, ни куража Вечность, доводящая до рвоты за чертой земного рубежа. Жизнь окаменела и погасла, и уходит медленно из глаз. Аннушка уже купила масло, может быть, в мосторге и для нас.

Или вот еще –

Скачет белка, стрекочет сорока, чай дымит за оконным стеклом. Мы в неволе у тайного срока, стерегущего нас за углом.

Или несколько стихотворений об Орфее, который уже побывал в другом, пространстве, где «два шага от земли до Бога. Нет заката и всегда рассвет...» и все-таки вернулся на землю:

Я побрел по пройденной дороге в тот живой потусторонний свет, Где стрельба, пожары и утраты. Где без смерти не проходит дня. Где темнеет посреди Арбата дом, где Эвридика ждет меня.

Сегодня я вижу в них предчувствие собственного путешествия в пространство за грань жизни и возвращения обратно. И то, о чем я уже говорил – книгу открывает стихотворение, заканчивающееся фразой... *на пол взмаха от ножа.*

Этот литературно-абстрактный нож материализовался в реальный скальпель хирурга.

Вобщем, «Черты и резы» стали для меня книгой предчувствий, я ищу и нахожу в ней следы невольного, неосознанного описания уже текущей и все более захватывающей меня в плен болезни, и лишний раз убеждаюсь, что текст – всего лишь плоская тень, отбрасываемая во времени телом иного, сумеречного сознания.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРОЗА

ДБ. Вы автор нескольких романов. Как опыт писания сюжетной прозы сказывается на конструировании ваших поэтических книг?

ЛЛ. О «Чертах и резах» я уже рассказывал, но это не системное решение. Каждая книга, в зависимости от времени и обстоятельств, требует своего решения. Да и опыт у меня в этом занятии невелик. Книга «Сон серебряного века», <http://www.latynin.ru/sonserebryannogoveka2.html> – просто избранное, составленное по хронологии из предыдущих сборников

Книгу диалогов «Фонетический шум», где стихи мои, а проза Евгения Витковского, составил, разумеется, Евгений Витковский – он же автор «конструкции» книги.

«На склоне Света», книга в серии «Сон серебряного века», сложена тоже Евгением Витковским, серия придумана им. И послесловие в книге тоже написано им, более похожее на манифест направления «Новый серебряный век».

Остается только «Дом врат», но ее сюжет сложили мои близкие, врачи медцентра «Ихиллов», хирурги Каширки, и все, кто был рядом в нелегкие месяцы прошлого года.

Вот что касается участия поэтического опыта в работе над прозой, здесь есть предмет разговора.

ДБ. Вы имеете ввиду использование «поэтических» средств и развитие прозаического текста средствами повествовательного стихотворения? Я это прочувствовал...

ЛЛ. Да, моя проза вышла из того самого иного, сумеречного сознания, существующего за пределами рационального, с

которыми традиция связывает такое неопределенное понятие, как поэтическое вдохновение. Для Пушкина это «священная жертва» Аполлону. Чтобы снизить пафос этих строк, замечу, что для меня, человека, занимавшегося изучением архаических культур, где большую роль играет жертвенный обряд, пушкинское «пока не требует поэта к священной жертве Аполлон», наполнилось новым смыслом после того, как пришлось потерять часть своей плоти под ножом жрецов современной медицины.. Тогда я почувствовал, что взамен утрачиваемого меня, расширяется горизонт сумеречного сознания, в нем возникает больше света, чаще слышимы звуки строк, и становится все легче и естественнее бытование в этом пространстве.

Возможно, в каком-то смысле, предчувствие, что неизбежно, в будущем будет принесена в жертву поэзии высшая ценность пушкинского гения – сама жизнь, нечаянно и было явлено в этом тексте А.С.П.?

Впрочем, вернемся к прозе. Я даже нашел реальную форму бытования этого сумеречного сознания: сюжет и тон каждого романа был придуман и услышан мною в состоянии обязательно полусна, либо вечером, когда уже не бодрствуешь, но еще не спишь, или утром, когда уже не спишь, но еще не проснулся.

В «Спящем во время жатвы» я даже использовал это в конструкции романа, где мой главный герой, полумедведь – получеловек (роман был написан 20 лет назад и в воздухе не пахло еще никаким медведь – династией), совершая путешествия во времени и перемещаясь из утопии 10 века в утопию 21 века, каждый раз засыпает и оказывается в новом времени. Он ни разу на протяжении романа не просыпается. Отсюда и «Спящий во время жатвы» (хотя в «Библии», как Вы понимаете, под рубашку этого текста спрятана другая мифологема).

Время здешнего холодного и системного сознания наступает, когда передо мной десятки печатных листов «глины», заготовок текста, из которых отбирается, дай Бог, одна десятая часть. И из них складывается некое целое, по увиденному мной в полусне плану. Если представить роман в виде дерева, то по прочтении и сложении отобранных материалов я отчетливо вижу, каких не хватает на этом дереве ветвей и листьев, и уже просто дописываю необходимый текст. Но это занятие трудное и долгое.

Ибо, если в главе четвертой есть, скажем, предмет, называемый ковер, то в главе шестьдесят четвертой можно узнать смысл его рисунка. Живший у меня в Москве какое – то время переводчик глав «Берлоги» англичанин Арч Тейт показал мне настолько сложную систему этих связей, нарисованную на огромном листе бумаги, что следующую книгу я освободил от этой путаницы ковровой магии, дабы облегчить работу будущего переводчика (и конечно, читателя).

Как видите, реальное сознание в моем случае играет роль

второстепенную и вспомогательную. Первичное – сумеречное, то есть сознание, работающее активно именно в пограничном пространстве полусна, полусвета, мерцания и отзвука иного бытия.

Конечно, все мы платоновские пленники, заключенные в пещеру реальности, и нам лишь дано видеть на стене, сидя спиной ко входу, игру отраженных теней. Но ведь дано, и почему спустя почти две с половиной тысячи лет не допустить мысль, что это не стражники показывают игру теней на стене пещеры, а Бог, и он не обманывает нас, а бережет, боясь ослепить не отраженным, а живым пламенем живых идей. И не платоновская, а хлебниковская мысль, описывающая сумеречное сознание, ближе мне сегодня,

*Плеск небытия за гранью Веры
Отбросил зеркалом меня.*

ДБ. Интересно вот что: пишущий обычно склоняется, в конечном счёте, либо к стихам, либо к прозе, одно вытесняет другое или чередуется. А каков, в этом смысле, ваш индивидуальный график? Стихи сосуществуют рядом с прозаическими текстами или же подменяют их? Ведь, если я правильно понимаю, сейчас у вас именно поэтический период?

ЛЛ. Вы знаете, мне кажется, наверное, в конечном счете, я не писатель. Для меня образ – всего лишь технология для передачи мысли, замысла, ощущения, а всего более, предчувствия.

Да и метафора для меня не – не клетка, в которой сидит птица, а небо, в котором летает птица.

Есть несколько идей, которые или доверены мне, или существовали внутри меня задолго до рождения, как, впрочем, и сны, которые воспроизводят массу информации, рожденные дородовой и родовой памятью: от космической невесомости до полетов, падений и существования в неизнаваемом вечном мире, не имеющем никакого отношения к нашему земному опыту.

Скорее всего для меня литература, в каком-то смысле, форма послушания, служения Богу и этим идеям. Поэзия – простой и мобильный и предварительный жанр, в котором идея осуществляется в форме ощущения, чувства, импульса, волнения, мерцания, фонетической дрожи, догадки, предчувствия, фонетического шума, предощущения прозы и инструмента настройки прозаического текста, где идея может существовать в более внятном виде.

Есть такой замечательный киевский ученый и мыслитель, Вадим Скуратовский, вот он говорит, что по каждой проблеме

существует полка книг. В своей работе над романами – «Спящий во время жатвы» и «Берлога», я обнаружил, что мои идеи нуждаются в дополнительной информации, которой нет на этой полке книг.

Полка книг, в основном – хотим мы этого или не хотим – содержит «профессорские» сведения об искомом предмете. Нужна вторая составляющая – устная, иконографическая, «народная», невербализованная информация.

В поисках не запечатленных знаний я и прошел пешком деревни Северной Двины, свои родные места костромской, ивановской, ярославской, вологодской, нижегородской волостей, добрался до «семейских» домов Забайкалья, а когда оказалось мало только русской народной культуры, ибо она связана, достаточно заметно, с другими культурами мира, особенно это заметно в глиняной пластике (китайский глиняный петух провинции Хебей уезда Юйтянь, мастера У Юйчена ничем, ни по цветовому исполнению, ни по форме, не отличается от работы Дербеновой или Карповой из села Филимонова Тульской области, то же можно сказать о работах Самошенковой или Студницкой из деревни Хлуднево Калужской области, которые близки работам Хамро Рахимовой из Таджикистана и так далее), то наступила пора поездок в Таджикистан, Узбекистан, Бурятию, Армению, Грузию, Францию, где – помните Камю – в Булонском лесу расположен гениальный музей народного искусства. Кстати, моя книга «Основные сюжеты русского народного искусства» – это тоже побочный продукт работы над романами, или, если так можно выразиться, леса, необходимые для строительства текста.

Когда у тебя в душе, голове, глазу, сознании живет идея, то музеи, народные мастера, их работы и прочие народные сведения, еще не попавшие на полку книг, становятся видимы иначе: так сумеречный куст на свету оказывается спящим медведем, или, наоборот, увиденный в сумерках, в свете страха, медведь – на свету оказывается кустом.

Так что в моих текстах три составляющих – собственно проза, поэзия и наконец, исследование, когда не хватает так называемой «полки книг». Все эти три жанра сосуществуют мирно и одновременно.

Правда, в период болезни, Вы правы, поэзия оказалась более необходима, доступна и лекарственна, чем другие жанры, к тому же через несколько часов после операции мне по силам были только перо и бумага.

Так что последняя книга стихотворений «Дом врат», оказалась чисто поэтическим опытом (к тому же вряд ли бы прозаика Орфея вернули в живую жизнь). Как оказалось, поэзия – это заговор от смерти.

ДБ. Если вы не определяете себя писателем, то как же вы себя определяете?

ЛЛ. Вижу в вашем вопросе тень улыбки. Тень этой тени лежит и на моем ответе: возможно, я литератор, существующий в пространстве между философским текстом и вербализацией мерцающих в сознании идей.

Как мне не хватало информации о семантике зооморфных и антропоморфных изображений в народном искусстве, и мне пришлось написать книгу «Основные сюжеты русского народного искусства», так мне не хватает и сведений и представлений о происхождении понятий русская земля, русская народность, русская цивилизация в контексте мировой истории и далее в этом направлении, и я делаю попытку в «Спящем во время жатвы», «Берлоге» и новом романе, окончание которого отсрочила болезнь, для самого себя хоть несколько шагов сделать в направлении их понимания.

Иными словами, я путешественник, идущий туда, не знаю куда в тумане незнания, и ищущий то, не знаю что в темноте неведения. Но по мере того, как я совершаю это путешествие, и тумана меньше, и тьма уже не так темна. Сколько смогу, столько и пройду. Понимаю, что сам напророчил на неотвечный вопрос.

ДБ. Просто я и сам не знаю, кто я. Никакой улыбки. Скажите, Леонид, а какое место в вашей прозе вы уделяете сюжету. Какой уровень важнее, письма или наррации?

ЛЛ. С нарративностью, Дима у меня туго. Я не рассказыватель историй. Себя могу тешить тем, что наряду с писателями, которые строят увлекательный рассказ (тут и Достоевский, и Толстой, и Булгаков) есть еще, к примеру, Кафка. Ну, попробуйте пересказать фабулу «Замка». Стоит замок, в него на протяжении всего романа не пускают героя. Точка.

Нарратив «Гримера и Музы» – пол романа пыток, которым во время испытания подвергают Гримера, перед тем как ему доверят работу над лицом Стоящего – над – всеми. А он, вместо того, чтобы обновить стершиеся черты образца (люди в этой антиутопии все носят схожие лица: в приближении лиц номенклатуры к образцу и состоит работа гримеров) – создает совершенно новое лицо. То есть меняет Образец. Хотя сам Гример носит прежнее лицо и понимает, что вместе со всеми носителями старого лица будет уничтожен пробудившейся безликой массой.

В общем, читается, как дневник событий русской истории от 80-х годов прошлого века до сегодняшних дней, но не стоит забывать, что он написан за десять лет до так называемой «перестройки». Факт изъятия на таможене рукописи этого романа у шведской журналистки Диссы Хусты, пытавшейся его вывести, описанный в ее книге, подтверждает возраст «Гримера», – так что никакой конъюнктуры.

Главное содержание романа – модельное описание событий в обществе на сломе идей. Это равно относится к смене язычества – христианством, христианства – социализмом и в обратную сторону, пока социализма христианством, но полагаю – и язычество не за горами. Капитализм не идеология: это ремейк первобытного общества. Пещеры с евроремонтом, дубина у кого больше тот и прав, дележ дров и мяса, далее – «Золотая ветвь» «Фрезера».

Статика «Спящего» и «Берлоги» еще радикальней – все происходит всегда. Герой полумедведь – получеловек одновременно существует в двух антиутопиях – десятого и двадцать первого века, да еще во сне. Но если читать роман по кускам – нарративность эпизода существует, но только для того, чтобы сделать зримей единственную мысль романа – кто мы и что наш Север в кривых зеркалах цивилизаций Востока, Запада и Юга.

А поскольку эта область более доступна волхованию, шаманству, чародейству, заговору, то и соответствующий мелос – максимум мерцания смысла на минимум слов.

Некоторая некорректность Вашего вопроса, надеюсь, смягчает некоторую некорректность моего ответа.

ДБ. Расскажите поподробнее про «Берлогу», ставшую в свете последних политических событий, неожиданно актуальной.

ЛЛ. «Берлога» – продолжение «Спящего во время жатвы». Оба текста объединяет герой Медведко, получеловек – полумедведь.

Первые главы книг были напечатаны в Париже в «Стрельце» и «Русской мысли» еще в 90 году, писались же еще раньше, в 60–80 годах, в общем, в период династии ульяновых, когда о династии путинных и медведевых в нашем лесном темном царстве и слуха не было, да и безымянный родоначальник едва ли еще читал по складам «мама мыла раму».

Имя Медведко в русском фольклоре заметное – несомненно, продукт тотемического сознания.

Все знают, что такое тотем, но не все помнят, что этот термин сравнительно новый и введен в обиход всего лишь в конце восемнадцатого века. Исходное слово этого термина – «тотам», что в переводе с древнеалькогинского, одного из наречий индейских племен

Северной Америки: «родство с братом» или «родство с сестрой», а в нынешнем научном обиходе – «мистическая родственная связь по крови и племени».

Таким образом, для членов определенного клана, племени,

рода тотем – это абсолютно реальный, почитаемый, обожествленный общий предок. Следы тотемизма сохранились и в современных «символах» наций: у англичан – лев, у французов – петух, у итальянцев, – волчица, у русских и немцев – медведь и т.д.

В охотничий период в нашей, тогда еще безгосударственной глуши, медведь вполне обеспечивал условия существования человека. Меха и шкура – одежда. Мясо – пища. Нужна лишь пещера и костер, чтобы жизнь казалась полной чашей. Не говоря уже о магии власти силы и лесного верховенства. Готовая идеология и мировоззрение. По терминологии Гачева, сущий национальный космос.

ДБ. Почему вы выбрали в герои именно Медведко?

ЛЛ. Меня занимала мистика русской истории, и тут я не мог обойти зверя, который является пращуром этой земли.

В конце концов, медведь – это не какой-то галльский петух, или взятый напрокат британский лев. Вот китайский предок, дракон – это да, символ, внушающий уважение и страх. Но и наш медведь не последний зверь в мировом лесу. Не говоря уже о его двойной небесной прописке.

Я попытался описать эволюцию моего героя от зверя, живущего со своим отцом – медведем в берлоге и в лесу (где он получает высшее медвежье образование, узнает законы медвежьего боя и медвежьего бытия), к человеку, по крещению получившему имя Емеля (строго исполняющему Божий завет – не убий, несмотря на то, что он воин дружины князя Бориса, будущего святого). В какой – то степени, эта книга – мечтательная история о русском народе в контексте мирового пространства.

Жизнь моего героя, благодаря сну, дает ему возможность реально (а сон это, безусловно, тоже реальность), органично существовать в двух антиутопиях: десятого века, времени крещения и начала государственности, и двадцать первого эсхатологического века, и пережить гибель Москвы во времена бурного финала вялотекущей национальной войны и гибель Иерусалима от мирового погрома.

Как видите, все совпадения с актуальной историей – совершенно случайны, непреднамеренны, непредумышленны и всего лишь совпадения.

Всего лишь нечаянное точечное пересечение разных орбит времени – моего тысячелетнего и сущего, то есть сегодняшнего

Часть третья.

Между поэзией и прозой

Д.Б. Какие физиологические функции (в отличие от стихов) выполняет проза?

Л.Л. Для меня – возможность реально, предметно, детально, медленно и гораздо подробнее жить в пространстве тысячелетия, где последний век со всеми его событиями, сменой властей и формаций, культурой кажется общей расплывчатой картинкой, мелькнувшей за окном летящего вагона, а убиение князя Бориса происходит на твоих глазах и виден грязный засаленный рукав кафтана Путши, из которого торчит рука с обкусанными ногтями и отрубленным левым мизинцем. В руке – копьё с наконечником, начищенным до блеска речным песком Альты, которое медленно вопзает, как поезд в тоннель, в тело Бориса.

Ты отсутствуешь физически в текущем пространстве и времени. И с одной стороны живешь, как будто ты уже умер, а с другой – следующий после тебя век кажется уже совершившимся сегодняшним днем.

Для меня физиология поэзии и физиология прозы так же различны между собой, как любовное приключение в подьезде, в поезде, в машине, на пляже отличается от долгих брачных утех в супружеской спальне.

Таким образом – поэзия – вечное любовное приключение, а проза – таинство брака, не имеющее такой разовой остроты, но имеющее ту глубину и мистику, которые разовой страсти и не снились.

Д.Б. Как меняется (если меняется) ваша жизнь, когда вы находитесь внутри большого текста (большого цикла)?

Л.Л. Стихи чаще всего пишутся «с голоса», на ходу, в машине, на улице, на лыжах. Первые строки вообще слышу внезапно и готовыми, и эти первые строки никогда не редактирую, но просто записываю на том, что окажется под рукой: на листе бумаге, с помощью диктофона. В последние годы случалось для этого пользоваться и мобильником. На бумаге же происходит только правка и отделка текста

Иногда это вообще связано с конкретной географией. Книга стихов «Перед Прозой» была написана наполовину по (ежедневной) дороге от дома творчества «Переделкино» к святому источнику, что лежит мимо дачи Пастернака.

*Мимо света, мимо мрака,
Мимо дома Пастернака,
Как бездомная собака
Вниз по склону путь держу,
словно странником служу...*

Таким образом, стихи не мешают жить, не меняют быт, не требуют ни особых условий, ни особой сосредоточенности. Единственное условие – движение и отдельность от людей, отсутствие стен и присутствие неба.

Большой текст – совсем другое пространство. Это полная схема, отъезд, берлога. У текстов, написанных мной, нет домашней географии. Первый текст «Гримера» был написан в Дубултах, второй в Комарове. Окончательный в Переделкине. Ни у одного из этих текстов нет ничего общего, кроме героев и имен.

Что касается замысла «Спящего во время жатвы», мерцание его случилось еще в Плесе на Соборной горе на берегу Волги, в центре второй крепости Василия Дмитриевича (сын Дмитрия Донского, не побежденного Тамерланом и своим зятем литовским князем Витовтом), то этот замысел позже реализовался кусками с большими перерывами. Всегда уединенно. Всегда во время какого-то сильного внутреннего переживания. Текст никогда не писался, он выплескивался в особом эмоциональном состоянии. Приближение этого состояния было часто болезненным и совершенно глухим и слепым к окружающему пространству и даже близким. Как бы рождалась глина, из которой потом можно было вылепить окончательный текст. И много лет спустя эти тексты сводились в единый корпус – отдельно антиутопия десятого века и отдельно антиутопия двадцать первого. Текст и материал к нему соотносятся примерно один к десяти.

Материал для «Берлоги» производился параллельно «Спящему». В окончательный текст был сложен в Ялте.

А самоощущение менялось с каждой книгой. «Гример» помог разгадать и разглядеть систему и модель социума, а, значит, и освободиться от него.

Правда пытки, или обряд инициации, через которые прошел мой герой, прежде чем он стал творцом новой идеи, из метафоры стали отчасти фактом моей биографии, – я имею в виду собственную болезнь.

«Спящий» и «Берлога» освободили меня от переживаний текущей истории, и окончательно от социума. Так что эти книги во время работы над ними не только погружали меня в параллельное пространство, но и радикально меняли мое ощущение настоящего.

Д.Б.Насколько пишущему (в вашем случае, путешествующему) важна связь с социумом? Почему от нее нужно освободиться?

Л.Л. Пишущему – связь с социумом вредна, разрушительна, губительна и, наконец, отвратительна. Связь, общение, диалог чреват компромиссом, то есть эстетическими, мировоззренческими и прочими потерями. А компромисс – отказ от личной, четкой, свободной позиции, без которой не существует Пишущего. Вместо него в диалог вступает переводчик с общего – на личный, или с личного – на общий. Хочешь увидеть время, социум – беги от них подальше в скит своих мыслей, ощущений, веры и сомнений. Оттуда время читается отчетливей, и независимей, и всеохватнее. Диалог – всегда операция бартера, продажи, войны, торговли или мошенничества. «Еще одно последнее сказанье» не пишет барыга, шоумен или шут. Диалог с социумом – это профессия актера, бизнесмена, политика, война или сочинителя коммерческих текстов. В этом я уверен по получении некоего опыта несостоявшегося диалога с социумом. Вот итог этого опыта.

*Вступленье. Середина. Эпилог.
Открытым текстом. Молча. Между строк.
Пускаясь в ор. И губы на замок –
– Мне с вами невозможен диалог.*

*Но вы – и хлеб, и кров моих детей.
Владельцы вод. И рыбы. И сетей.
Но вы – вверху на каждый мой прыжок,
И в ваше ухо вставлен мой рожок.*

*И все же, вновь распластанный у ног –
Не одинок – и трижды одинок.
Открытым текстом. Молча. Между строк.
Пускаясь в ор. И губы на замок –
– Мне с вами невозможен диалог.*

Простите, что так эмоционально, но этот вопрос когда-то был для меня болезненным...

Д.Б. В чем сила литературы? Я имею в виду нынешнюю ситуацию, когда читают мало и не то. Не тех. Почему читать нужно и важно?

Л.Л. Сначала о массовом потребителе, который бывший народ. Уже очевидно, что деньги с божественной функцией, как в Европе и Америке – в России не справились. Так же очевидно, что золотой запас духа создается не в один день, и не в каждые времена востребован. Что из этого следует?

Россия не в первый раз читает «не то и не тех», и на смену этому положению маятника приходит зеркальный вариант. Между точкой ОГИ и ареной Лужников монотонно движется вечный маятник. Так было, так будет. Сейчас время обморока и равнодушия. Радикалы или, скажем, идейно несчастные всех мастей – не в счет, больные всегда имеют свой процент, но не они выражают время.

Теперь о власти, которой всегда две.

Одна сидит на троне и рубит головы, и раздает пряники. Такова ее технология. Другая входит в рублище в Иерусалим и начинает править, будучи поднята первой над собой и народом на высоту креста.

Если первая пытается нарушить ритуал «золотой ветви», как, скажем, Марк Аврелий, ее заменяют правильной ритуальной властью. Если вторая пытается заменить кесаря, она вырождается в инквизицию, или крестовые походы и от нее уходит Бог, и она сходит с исторической сцены (кстати Россию минул этап инквизиции во времена христианства).

Литература, обслуживающая первую власть, не литература – это слесарный цех по переделке человеческих душ. Вторая литература, что есть Литература, пишется не по потребности, а по одной ей известным законам. И в ею отведенные сроки. Поэтому о Литературе:

*«Вы полагаете, все это будет носить?»
– Я полагаю, что все это следует шить.»
(Юрий Левитанский)*

О массовом потребителе – пусть читает, что хочет, придет время и его внесет течением в Лужники не на футбол.

О власти кесаря. Она и Литература несовместны.

О власти духа. Она и Литература – пример синонимии.

Те и другие бессмертны и востребованы.

А что народ, толпа, потребитель? Тоже бессмертны. Справились с квартирным вопросом, справятся и с обмороком, и с беспаятством и с равнодушием. Если не справятся – съедят друг друга или вымрут.

Д.Б. Как интеллектуалу пережить «время равнодушия»? Какие вы ставите перед собой задачи в отчетный период?

Л.Л. Буднично. Знаете, как песок движется в песочных часах по песчинке за мгновение – и так всю жизнь. Какая мне разница, какое тысячелетие на дворе, и какая там погода – равнодушия, революции, бури и натиска, возрождения или очередного, тоже временного, средневековья. Погоде – быть. А мне делать то, что должно, – и пусть будет, как будет.

А задачи, самые простые, – попытаться исполнить программу, которая была заложена в тебя ДО рождения.

Тем более, что за окном не инквизиция, не охота на ведьм, не освенцим, не тридцать седьмой год, не крестовый или полумесяца поход, и все, что НЕ сделал человек – только его вина и никого больше. Я сам лишь недавно понял, что мои собственные отговорки: о равнодушии, не том времени (а оно всегда не то, слону всегда что– то мешает исполнять танец маленьких лебедей) – песни убогих и сырых.

Блаженные – просто живут. Честолюбивые стремятся к успеху, воины грабят банки или уютжат танками ближних и очень дальних соседей, алчные варят сталь, гонят газ и нефть и продают все, что имеет цену или идут во власть, нежные – любят, несчаст-

ные страдают. Все как в Вавилонском царстве, Поднебесной, а также Римской, Британской, Российской, американской империях, или в деревнях зулу, мулло-курумбов, баддагов и тоддов тысячи лет подряд.

Место и путь человек выбирает сам. Бог решает, когда обрвать этот путь, а заодно и проблему места.

18 мая прошлого 2007 года я радостно готовился ехать в Париж к друзьям – Клоду Фриу и Ирен Сокологорской. 23 мая оказался в Израиле, и скоро лежал на столе под лучами радиации, и потом под ножом гениального хирурга, который мой вес довел до веса, который у меня был в двадцать лет. Возможно, это был промысел. Цена велика, но и результат есть. Все заботы о равнодушии времени испарились, как вода после ядерного удара. Да и сделал я за это время больше, чем за предыдущие десять лет. Это больше похоже на первую ступень стартовавшей ракеты. Человек всего лишь полагает...

Д.Б. А что вы за это время сделали?

Л.Л. Сделанное не всегда можно измерить в километрах, тоннах и кубометрах. Просветление Гаутамы длилось мгновение и не сопровождалось метрами гимнов.

Говоря о сделанном, я имел в виду именно это мерцание, возникшее в сознании, которое, поплутав, вывело меня на другую дорожку отношения к жизни, людям, истории, к себе и своей работе, наконец.

Как это не покажется странным, я обнаружил, что у меня было совсем другое детство, юность и прочие годы. Время, из того короткого мгновенного промежутка, в котором я емь, вытянулось в историческое, в котором цивилизация стала лужайкой перед домом, а время, в котором эта цивилизация рождалась и старела и, как луч прожектора, выхватывала из темноты страны и народы, забывая одних и наполняя сиянием и светом других, стало размером с послеобеденное сидение за столом, когда жаркое съедено, чай выпит, но гости не расходятся, блаженство томит их покоем и сытостью, далеко до смерти и этот покой завораживает своей доступностью. Как говорила об это времени мама моей жены – посидим в раю.

И мне не важно, что эта мысль и это ощущение не были отражением истины. Возможно, это всего лишь мое очередное новое заблуждение. Главное дело сделано. Я жив и не только физически.

Оглавление

ОТ АВТОРА

5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УТЕШЕНИЕ

1	<i>Утешь меня, мой ангел грешный,</i>	19
2	<i>Я позабыл, что мир не умер,</i>	21
3	<i>Бедное мое тело</i>	23
4	<i>Где-то бродит наважденье беспризорно,</i>	24
5	<i>Даль земная так далеко,</i>	25
6	<i>Тревожен час, безумно время,</i>	26
7	<i>Жгу солому в заезженной Пизе,</i>	27
8	<i>Что - то ветер над оливами тяжел.</i>	28
9	<i>Справа даль и слева тоже.</i>	29
10	<i>Я слеп в чужой земле, я глух в чужой стране.</i>	30
11	<i>Дорога в никуда, Тарханово, трава,</i>	31
12	<i>Все дальше друг от друга</i>	32
13	<i>И ты ни в чем не виновата.</i>	33
14	<i>Земля моя, зачем ты не кругла,</i>	34
15	<i>Кроме гнева, кроме мести, кроме славы,</i>	35
16	<i>Снова волны, снова море, снова воля,</i>	36
17	<i>Ах, погода, непогода,</i>	37
18	<i>Из неизбежности и нежности</i>	38
19	<i>Никто не виноват, что я умру.</i>	39
20	<i>Смывает мир, как мусор, в океан,</i>	40
21	<i>Пишу не о том, что думаю,</i>	41

22	<i>Не лишай меня, Боже, движения речи,</i>	42
23	<i>Еще не высохли чернила,</i>	43
24	<i>Как выстрел, короткое скерцо,</i>	44
25	<i>Смута рождает слово,</i>	45
26	<i>Жизнь по капле вытекала,</i>	46
27	<i>Кому куда, а мне на Эверест.</i>	47
28	<i>Кто я, Господи, знать хоть бы малость,</i>	48
29	<i>Когда поют цикады</i>	49
30	<i>Не золотой отрезок суши,</i>	50
31	<i>Азиатчина справа и слева</i>	51
32	<i>Одна - стряпуха, другая - муза,</i>	52
33	<i>Мелькает трость по косогору,</i>	53
34	<i>Где Вы бродите, праздная леди,</i>	54
35	<i>Ничего не надо ждать,</i>	55
36	<i>Посиди, попечаль свою душу,</i>	56
37	<i>Так вслепую по клавишам плачу,</i>	57
38	<i>Шелест пары воздушных шагов,</i>	58
39	<i>Аккорд погас, но тишины не слышу,</i>	59
40	<i>Одна дорога перешла в другую,</i>	60
41	<i>А Вы опоздали, я ждать не умею,</i>	61
42	<i>Нагнулась душа, прикоснувшись едва,</i>	62
43	<i>Начинается время обратное,</i>	63
44	<i>Небо плакало долго и горько,</i>	64
45	<i>Стихия страха и тревоги</i>	65
46	<i>Природа не ведает страха,</i>	66
47	<i>Поздний гость стучится в двери,</i>	67
48	<i>Я не хочу исчерпанного быта</i>	68
49	<i>Звучит валторна, вырвана из Баха,</i>	69
50	<i>Ты для меня училась речи</i>	70
51	<i>Какое мне дело до вашего века</i>	71
52	<i>Жизнь проходит мимо,</i>	72
53	<i>Поработай музыкой.</i>	73
54	<i>Отзвук слова, отблеск речи,</i>	74
55	<i>Этот мир не хуже и не лучше,</i>	75

56	<i>Катится мир и катится,</i>	76
57	<i>По наледи клавиш скользящие пальцы,</i>	77
58	<i>Давно я дома не живу,</i>	78
59	<i>Среди вечного похмелья</i>	79
60	<i>Ваша музыка плачет ночами,</i>	80
61	<i>Еще бежит по жилам суета,</i>	81
62	<i>Вроде нечему учиться,</i>	82
63	<i>Узор камней на берегу</i>	83
64	<i>Боже правый, в куриной лени,</i>	84
65	<i>Ветрено и немного</i>	85
66	<i>Россия сплошная Троя,</i>	86
67	<i>Играй, судьба, на тусклой сцене,</i>	87
68	<i>Пустоту заполним не собой,</i>	88
69	<i>Открыть глаза и в сон проснуться,</i>	89
70	<i>Это ты в тумане ворожишь не мне,</i>	90
71	<i>Дремлют ангелы в сугробе,</i>	91
72	<i>Где- то в полусне и полуяви,</i>	92
73	<i>Жизнь не уходит, вертится и служит</i>	93
74	<i>Благодарю тебя за вздох,</i>	94
75	<i>Этих пальцев полет по ладони,</i>	95
76	<i>Что- то ветрено и вьюжно,</i>	96
77	<i>Полетаем еще между делом,</i>	97
78	<i>Игра не кончена, а жизнь не начата,</i>	98
79	<i>Посмотришь направо – помойки и ямы,</i>	99
80	<i>Один рубеж, другой рубеж,</i>	100

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПО НАЛЕДИ КЛАВИШ СКОЛЬЗЯЩИЕ ПАЛЬЦЫ

1	<i>Жизнь рассеяна пеплом по полю,</i>	103
2	<i>Страх смерти пережит,</i>	104
3	<i>Ну что мне до разбитого ковчега,</i>	105
4	<i>Зазывает зазывала,-поживи еще немного,</i>	106
5	<i>Рад, что веришь между делом,</i>	107
7	<i>Угадай, не угадаешь.</i>	108
8	<i>Ты камень холодный и тесный,</i>	109
9	<i>Катится время, тяжелым катком</i>	110
10	<i>Пора вернуться на Итаку,</i>	111
11	<i>На мрак и свет помножена душа,</i>	112
12	<i>Ночь. Полнолуние. Звезда,</i>	113
13	<i>Душа побурлила, попела, устала.</i>	114
14	<i>Ничего и не случилось, просто птица прилетела,</i>	115
15	<i>Трень, да брень, да пол глотка</i>	116
16	<i>Я покупаю время, обычно на местном рынке.</i>	117
17	<i>Смотри, в руке горящее железо</i>	118
18	<i>Как хочется пить, а кругом вода,</i>	119
19	<i>Заворожила меня ты когда - то,</i>	120
20	<i>Под то ли «трень», а то ли «брень»,</i>	121
21	<i>Начнем обратный круг, уже в который раз,</i>	122
22	<i>Собираются птицы и готовятся в путь,</i>	123
23	<i>Но кому- то ведь надо играть на дуде,</i>	124
24	<i>Все реже снятся луговины,</i>	125
25	<i>Елизийские поля, елизийские туманы,</i>	126
26	<i>Что - то ветер развылся некстати,</i>	127
27	<i>Боже, зачем я пришел в это жрало и чтиво,</i>	128
28	<i>В одном краю несбывшиеся дни,</i>	129
29	<i>Снова время пахнет Доном, белым Доном.</i>	130
30	<i>Кричит петух, собака лает.</i>	131
31	<i>Что с того, что взял да умер,</i>	132
32	<i>Тенью мысли двигать сушу,</i>	133

33	<i>По морю тихо блуждает волна,</i>	134
34	<i>Тяжелая луна и грозди винограда,</i>	135
35	<i>По печали почаяевичать пора,</i>	136
36	<i>Обложило время ватой,</i>	137
37	<i>Душа, не спи и не дрожи</i>	138
38	<i>Помолюсь над тобой, посмеюсь и поплачу,</i>	139
39	<i>Дом налево, дом направо,</i>	140
40	<i>Две войны идут во мне,</i>	141
41	<i>Темнеет утро, ночь белеет,</i>	142
42	<i>Преодолеть тяжелый век</i>	143
43	<i>Но ведь должен же кто-то следить за полетом шмеля,</i>	144
44	<i>День прошел стороной.</i>	145
45	<i>Простите мне серьезный слог,</i>	146
46	<i>Мясо, кости, шум дождя,</i>	147
47	<i>Чем ближе, тем дале,</i>	148
48	<i>Хвала окрестностям судьбы,</i>	149
49	<i>Стало проще, стало строже,</i>	150
50	<i>Предчувствие Бога мерцает в груди,</i>	151
51	<i>Не терем, не сад, а свобода,</i>	152
52	<i>Вчерашний день – моя награда,</i>	153
53	<i>Как этот мрак разбавить светом,</i>	154
54	<i>Я приглашен был, сударь, вами</i>	155
55	<i>Звучи, звучи нездешняя струна,</i>	156
56	<i>Тронуть клавиши опасно,</i>	157
57	<i>То ли солнце стремится к югу,</i>	158
58	<i>Вина не велика, полмузыки остыли,</i>	159
59	<i>Что мнилось, то стряслось,</i>	160
60	<i>Опускается вечер неспешно,</i>	161
61	<i>Немного почвы, немного тверди,</i>	162
62	<i>Гостившим ТАМ - судьба благоволит,</i>	163
63	<i>Желтеет день под солнцем юга,</i>	164
64	<i>Я тело износил за годы в дым,</i>	165
65	<i>Не так уж скверно время на земле,</i>	166
66	<i>Труден день и долог вечер,</i>	167
67	<i>Пол Венеции - налево, пол Венеции - направо,</i>	168

68	<i>Я не был долго в здешней кутерьме,</i>	169
69	<i>Дорога Венеция – Фриули</i>	170
70	<i>Век прошел, другой в полете,</i>	171
71	<i>Серый вечер качнет занавеску,</i>	172
72	<i>Вкушая сладкий яд,</i>	173
73	<i>Ночь закрыла глаза, день занавесил слух,</i>	174
74	<i>Наплывают мотивы железобетонного сна,</i>	175
75	<i>Рано трогать мыслью звуки,</i>	176
76	<i>Не мне, не нам и не тебе</i>	177
77	<i>Вот и отданы все долги,</i>	178
78	<i>Свет в распахнутом оконце</i>	179
79	<i>Однажды случилась большая «непруха»</i>	180
80	<i>Над нераспаханной межой,</i>	180
81	<i>Мне кажется, что вы уже не Вы,</i>	181
82	<i>Дом мой узок, дом мой тесен,</i>	182

ЧАСТЬ 3
В НЕСВОБОДЕ ОТ СЕБЯ

1	<i>Что мне сказать, если веку отрезаны уши,</i>	185
2	<i>Легкое кружево серы,</i>	186
3	<i>Во-время скинуть с подводы</i>	187
4	<i>Остывает роца золотая,</i>	188
5	<i>Я Вас не знал и видно не узнаю,</i>	189
6	<i>Пока трава не ляжет под снега.</i>	190
7	<i>Опять зима стучит в окошко,</i>	191
8	<i>Сердце рвется на части,</i>	192
9	<i>Листаем страницы теней,</i>	193
10	<i>Догорают свечи и огонь в камине,</i>	194
11	<i>«Ворожи, ворожея, ворожи»,</i>	195
12	<i>Вынуть гвоздь из просторной ноги,</i>	196
13	<i>Обещаю тебя разлюбить,</i>	197
14	<i>Пора выбираться из плена</i>	198
15	<i>Положи где взял, и забудь урок,</i>	199
16	<i>Две надежды, две заботы, две печали,</i>	200
17	<i>Запрягать голос в рукава,</i>	201
18	<i>Я столько раз промахивался мимо,</i>	202
19	<i>«Было» ли, не было, вынь да положь,</i>	203
20	<i>Не допускайте к трону, господа,</i>	204
21	<i>Ту, что раньше была любима,</i>	205
22	<i>Не жди ни отклика, ни вдоха,</i>	206
23	<i>Слабеет слух, темнеет зренье,</i>	207
24	<i>Муза живет на ветке, и на хвосте собаки,</i>	208
25	<i>Что я видел оком внутри,</i>	209
26	<i>Летний день облетел, как лист,</i>	210
27	<i>Забубенный, бубновъй, марьяжнъй король</i>	211
28	<i>Все осталось так, как было,</i>	212
29	<i>Так и живу, застрелюсь на ходу,</i>	213
30	<i>Поживем в раю убойно,</i>	214
31	<i>Луна взошла, и отраженный свет</i>	215

32	<i>Ты мне нужна посмертно,</i>	216
33	<i>Картинка сна не тает,</i>	217
34	<i>Пора подбивать итоги,</i>	218
35	<i>Сухо в горле, очи сухи,</i>	219
36	<i>На первое — да?, никакое - нет,</i>	220
37	<i>Залетела луна в незакрытую дверь,</i>	221
38	<i>На столе бутылка водки,</i>	222
39	<i>Две кнопки на музыке слева,</i>	223
40	<i>Когда, слепя, стекает влага,</i>	224
41	<i>Никак душа не упокоится,</i>	225
42	<i>На носу уже вчера,</i>	226
43	<i>Покой и воля где-то близко,</i>	227
44	<i>Крупницы покоя и мелочь заботы,</i>	228
45	<i>Ты подошла, конечно, ближе.</i>	229
46	<i>Душа в кустах расчесывает бровь,</i>	230
47	<i>Душа намыкалась, устала</i>	231
48	<i>Душа который год молчала,</i>	232
49	<i>Кровь закипела и остыла,</i>	233
50	<i>Море, дежурный лекарь,</i>	234
51	<i>Белый ангел у постели,</i>	235
52	<i>Струны рвутся ненароком,</i>	236
53	<i>Слава Богу, закрылась зала,</i>	237
54	<i>Проставил бог меня к тебе, тебя ко мне -</i>	238
55	<i>На земле бываю редко</i>	239
56	<i>Ходят слухи, что смертны люди,</i>	240
57	<i>Я бы уплыл, да воды по колено,</i>	241
58	<i>Ищуций, да обрящет,</i>	242
59	<i>День рождения ночи.</i>	243
60	<i>Пальцы жег на свече по ночам,</i>	244
61	<i>Обожженные губы открываются туго,</i>	245
62	<i>Где римские матроны,</i>	246
63	<i>Улетают из памяти даты,</i>	247
64	<i>Все началось в декабре, закончилось в ноябре,</i>	248
65	<i>Птица радости, птица печали,</i>	249
66	<i>Опять колебание флоры,</i>	250

67	<i>Что такое слово,</i>	251
68	<i>Чем ближе, тем дале,</i>	252
69	<i>Я в праздности достиг предела,</i>	253
70	<i>Ковер, накидка, капли брома,</i>	254
71	<i>Прошлое - исправимо</i>	255
72	<i>Поднимаю голову. Опускаю руки.</i>	256
73	<i>Плывет февраль, жара за сорок,</i>	257
74	<i>Желанный мир вины и скорби,</i>	258
75	<i>Я уйду непобежденным,</i>	259
76	<i>Я пью с самим собой в восьмой недели день,</i>	260
77	<i>Как много камней и так мало богов,</i>	261
78	<i>Все меньше нас, все больше их,</i>	262
79	<i>Стекла разбитые куски,</i>	263
80	<i>Как хорошо душа дрожит,</i>	264
81	<i>Что такое - «из ребра», -</i>	265
82	<i>Треснут луч наполовину,</i>	266
83	<i>Я тебе нужен,</i>	267
84	<i>Ты мне нужен,</i>	268
84	<i>Волна давно не приходила</i>	269
85	<i>Неуемная, не случайная,</i>	270
86	<i>Живи, немытая держава.</i>	270
87	<i>Ничто не вечно под луной,</i>	271
88	<i>Плоды моральной суеты</i>	272
89	<i>Никогда - нибудь приеду,</i>	273
90	<i>Я весь из долга и вины</i>	274
91	<i>Твои голубые пиноги,</i>	275
92	<i>Шестнадцать ступеней, и ночь на дворе,</i>	276
93	<i>И голос потух и пожухла трава,</i>	277
94	<i>ВСТРЕЧА</i>	278
95	<i>Закат темнел, трава желтела,</i>	279
96	<i>Раздавишь голову змее,</i>	280
97	<i>Пепельно-серый устойчивый быт -</i>	281
98	<i>Я очень многочисленный народ,</i>	282
99	<i>Черкнет по полдню ветер веткой</i>	283
100	<i>Свободно, легко и весело</i>	284

101	<i>Слава богу, лед растаял,</i>	285
102	<i>Возле реки Эвной Дом мой стоит века.</i>	286
103	<i>Врагов забыл, друзей не вспоминаю,</i>	287
104	<i>Что душа? Там где мясо и кости,</i>	288
105	<i>Что-то море тревожно и сонно,</i>	289
106	<i>Свет ты мой, неодолимый</i>	290
	<i>Приложения</i>	291

